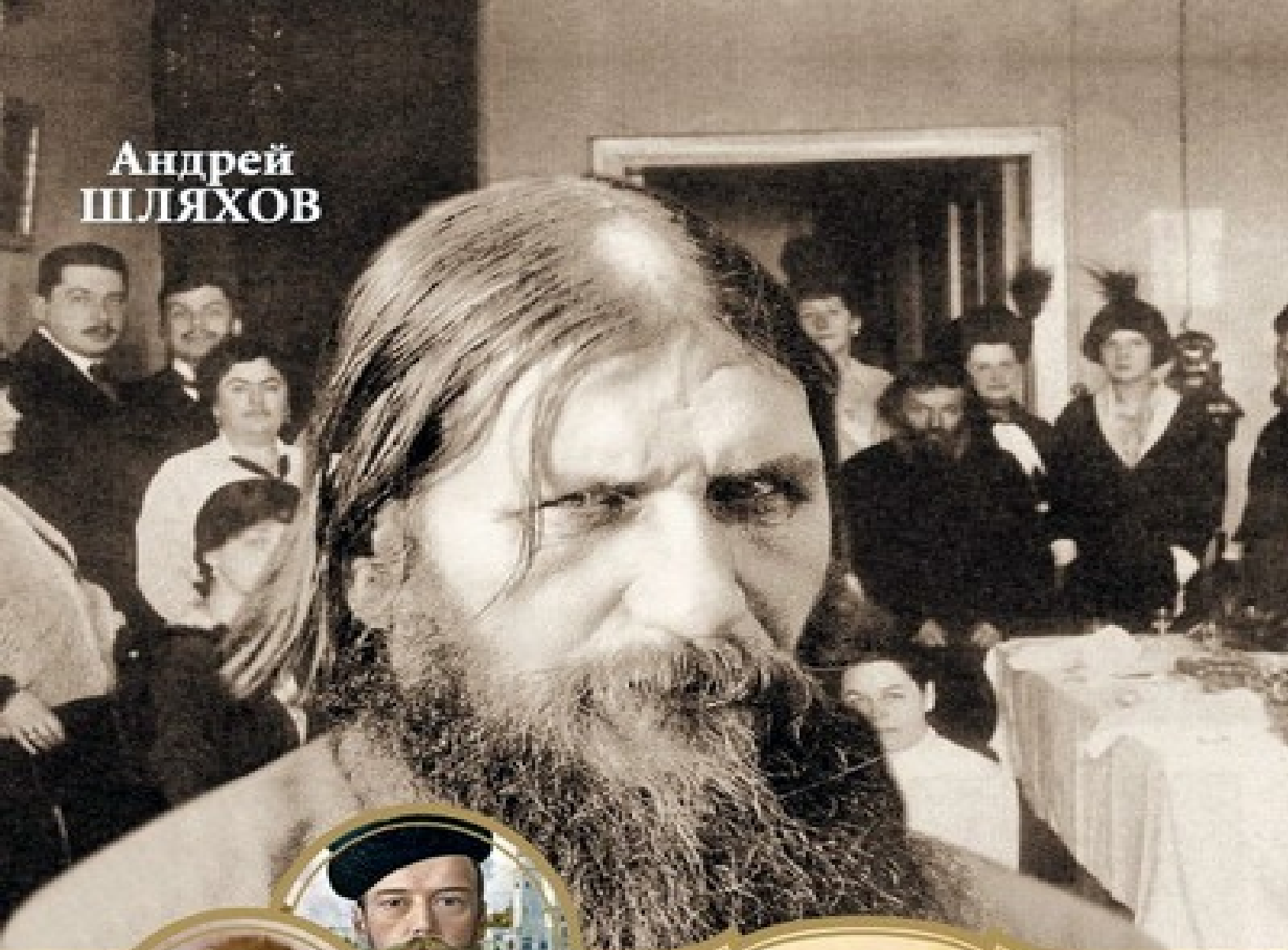

Андрей
ШЛЯХОВ

КУМИРЫ

Истории Великой
Любви

Распутин

Три демона последнего святого

Annotation

Он притягивает и пугает одновременно. Давайте отбросим суеверные страхи и предубеждения и разберемся, в чем магия Распутина, узнаем кто он? Хлыст, устраивавший оргии и унижавший женщин высшего света, покоривший и загипнотизировавший многих, в том числе и Царскую семью, а впоследствии убитый гомосексуалистом? Оракул, многие из предсказаний которого сбылись, экстрасенс — самоучка, спасший царевича, патриот, радевший о судьбе России, а затем нагло, беззастенчиво оклеветанный? Одно можно сказать с уверенностью — Распутин одна из самых интересных и до сих пор непонятых фигур. Уже сто лет в России не было личности подобного масштаба, но... история повторяется, и многое в сегодняшних беспокойных временах указывает на то, что новый «Распутин» скоро появится.

- [Андрей Шляхов](#)
    - [От автора](#)
    - [Глава первая. У истоков](#)
    - [Глава вторая. Очарованный странник](#)
    - [Глава третья. Старец](#)
    - [Глава четвертая. Восхождение](#)
    - [Глава пятая. Император и императрица](#)
    - [Глава шестая. Целитель и пророк](#)
    - [Глава седьмая. Распутин и женщины](#)
    - [Глава восьмая. Петербургская жизнь](#)
    - [Глава девятая. Травля](#)
    - [Глава десятая. Заклятые друзья](#)
    - [Глава одиннадцатая. Изгнание](#)
    - [Глава двенадцатая. Скорое возвращение](#)
    - [Глава тринадцатая. Любой ценой](#)
    - [Глава четырнадцатая. На закате](#)
    - [Глава пятнадцатая и последняя. Гибель старца](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Андрей Шляхов

Распутин. Три демона последнего святого

Блажен муж, иже не иде на совет нечистивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля Его, и в законе Его поучится день и ночь. И будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет. Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, его же возмечает ветер от лица земли. Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных. Яко вестъ Господь путь праведных, и путь нечистивых погибнет.

Псалтирь, Пс.1

*Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.
Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*

Н. С. Гумилев. «Наступление»

Я знала, что отца, в отличие от прочих, окружает какая-то тайна. Знала, что он обладает даром целительства. В общем, знала, что мой отец особенный. Но при этом воспринимала только как любимого отца. До остального мне дела не было.

*Матрена Распутина. «Распутин. Почему?»
(Воспоминания дочери)*

От автора

О Григории Распутине писали много. И все по-разному, с разным отношением, с разными целями.

Такой уж он был, Григорий Распутин. Неординарный, неоднозначный, нестандартный... Кто знает, как могла бы сложиться его судьба, если бы не свела его жизнь с последним царем из дома Романовых и его семьей.

Близость к сильным мира сего опасна, подобно житию у подножия вулкана.

Трагизм судьбы Григория Распутина в том, что, став другом царской семьи, он одновременно превратился в мишень для нападков, объект непрекращающейся травли.

Враги метили в царя, а попадали в Распутина. В загадочного, непонятого, неведомо откуда возникшего старца.

Распутина звали старцем не из-за возраста (он не прожил на свете и пятидесяти лет), а из-за его богатейшего духовного опыта.

К сожалению, до нас дошел искаженный образ Григория Распутина. Даже не образ, а нечто вроде гаденькой карикатуры. Распутина усиленно пытались представить то развратным авантюристом, нагло втершимся в доверие к недалекой императорской чете, то шарлатаном, владеющим навыками гипноза, которые и позволили ему приобрести расположение Николая II и его жены. По образному выражению Александра Блока, пуля, направленная в Распутина, попала в самое сердце династии Романовых.

И мало кто задумывался о том, зачем нужна была Распутину эта близость. Он не искал себе сановных должностей и не сколачивал состояния. После Распутина не осталось никакого капитала — деньги как приходили к нему, так и уходили, не задерживаясь.

Мало кто понимал истинные мотивы, заставившие Распутина осесть в холодном, чопорном, так и не ставшем ему близким Петербурге.

Он был зеркалом, в котором каждый мог увидеть свою душу, себя самого.

Он был загадочным...

Он был непонятым...

Он был — настоящим!

Мне так и хотелось назвать эту книгу — «Рассказ о настоящем человеке», но нечто подобное в отечественной литературе уже было.

Я долго не мог подобрать подходящего названия для книги о

загадочном сибирском старце и его безграничной, поистине необъятной любви к людям и миру вообще.

Дописывая последнюю главу, я вдруг понял, что эта книга должна называться «Любовь загадочного старца». Именно так, и никак иначе.

В этой книге нет ни слова авторского вымысла. Разве что если кто-то из современников Григория Распутина позволил себе немного приукрасить действительность...

Приятного чтения!

Глава первая. У истоков

Слобода Покровская Тюменского уезда Тобольской губернии была селом большим и вдобавок весьма удачно расположенным. Стояла слобода на берегу реки Туры у оживленного тракта, проложенного между уездным городом Тюменью и губернским центром Тобольском, что называется, на бойком месте. Да и до города Тюмени было недалеко, всего шестьдесят верст, по сибирским меркам — рукой подать.

Девятого января 1869^[1] года здесь, в крестьянской семье Ефима Яковлевича Распутина и его жены Анны Васильевны, родился сын Григорий.

Григорий Ефимович Распутин. Найдется ли в русской истории более загадочная и противоречивая личность? Одни склонны считать его святым мучеником, другие же видят в нем расчетливого прохиндея, коварно втершегося в доверие к царю Николаю Александровичу и царице Александре Федоровне, последним венценосцам династии Романовых.

Даже сама фамилия Распутина истолковывается поразному.

Недоброжелатели, пафосно восклицая «Бог шельму метит!», возводят ее корни к распутству, а почитатели — к распутице, распутью, распутыванию.

Согласно толковому словарю Владимира Даля («Что-то я распутился», *сиб.* — неможется, расхворался.) нельзя исключить, что своей фамилией Распутины обязаны некоему болезненному, вечно хворому предку.

Вариантов много, и все они разные. Каждый волен выбрать себе толкование по вкусу. Главное, чтобы фамилия не заслоняла личность и не вызывала предвзятого отношения к ее носителю.

Впрочем, далекие предки Распутина, жившие в Вологодской губернии, носили фамилию Федоровы. На новом месте они стали писаться Изосимовыми, по имени того самого Изосима Федорова, который вместе с супругой своей и решил покинуть родные насиженные места, чтобы попытать счастья в далекой, богатой землей Сибири. Затем Изосимовы превратились в Роспутиных или Распутиных. Скорее всего уличное прозвище, данное одному из Изосимовых, настолько прилипло к владельцу, что стало новой фамилией.

Появившись на свет, Григорий получил эту фамилию от своего отца, не прилагая к тому никаких усилий, и поначалу носил ее, навряд ли задумываясь о скрытом в ней смысле. Распутин и Распутин. Если на белом

свете есть Ивановы, Смирновы, Насоновы, Лебедевы и великое множество других фамилий, то отчего же не быть Распутиным? Нормальная фамилия, не хуже прочих.

10 января 1869 года новорожденный младенец был крещен и наречен в честь святого Григория Нисского, страстного обличителя прелюбодеев. Крестными Григория стали его родной дядя Матвей Яковлевич Распутин и некая девица Агафья Ивановна Алемасова.

Все дети, родившиеся у Ефима и Анны до Григория, умирали в младенчестве. Григорий выжил, но рос мальчиком болезненным, тщедушным, совершенно не отличавшимся тем крепким здоровьем, которое молва традиционно приписывает сибирякам.

В автобиографическом сочинении, названном «Житие опытного странника», Григорий Распутин писал: «Вся жизнь моя была болезни».

Григорий рос отроком странным. Друзей у него не было, да он в них и не нуждался, потому что, по собственному признанию, все свободное время посвящал мечтам о Боге и размышлениям о природе сущего.

Душе его, порывистой, мечтательной, тонко чувствующей, было тесно в узких рамках крестьянского быта, в котором изнурительная работа чередовалась с беспробудным пьянством. По собственному признанию, в годы юности своей Григорий Распутин «плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они».

Со сверстниками своими он беседовал о том, что волновало его более всего, — о Боге, о приходе Мессии, о птицах — воплощении свободы и небесного бытия. Григорий тянулся к добру, он верил в хорошее, доброе, вечное... Подолгу и часто просиживал он со стариками-односельчанами, жадно внимая их «рассказам о житии святых, о великих подвигах, о больших делах, о царе Грозном и многомилостивом...».

Долгими зимними вечерами сельские грамотеи читали вслух Евангелие, разворачивая перед заинтересованными слушателями величайшую из драм в истории человечества, легенду, в которой сплелись воедино и вера, и любовь, и предательство, и лицемерие, и страдание, и несправедливость, и жестокость, и прощение, и грех, и искупление его. Можно вообразить, как действовало Евангелие на мечтательные, восприимчивые к чуду души...

Григорий думал, сравнивал, созерцал, и вся юность его прошла в этом самом созерцании, словно во сне. Сталкиваясь с темными сторонами жизни, Григорий имел обыкновение схорониться в потайном месте и молиться там, молиться истово, самозабвенно, прося у Бога терпения и мудрости. Он был неудовлетворен духовной скудостью своего

крестьянского бытия и не находил ответа на многие из вопросов, которые ставила перед ним жизнь. Ему было грустно, и по обычаю предков стал он топить свою грусть там, где она тонет лучше всего, — в вине. Лет с пятнадцати Григорий стал пить, ища в зелье не веселья и радости, но забвения и спокойствия, и пил он долго...

«...разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения — правду Твою?

Но я к Тебе, Господи, взываю, и рано утром молитва моя предваряет Тебя.

Для чего, Господи, отрываешь душу мою, скрываешь лице Твое от меня? Я несчастен и истаеваю с юности; несу ужасы Твои и изнемогаю. Надо мною прошла ярость Твоя, устрашения Твои сокрушили меня, всякий день окружают меня, как вода: облегают меня все вместе. Ты удалил от меня друга и искреннего; знакомых моих не видно» (Пс. 87:13–19).

Дочь Распутина — Матрена (Мария) Григорьевна, покинувшая Россию после событий октября 1917 года, оставила нам воспоминания о своем знаменитом отце. В ее последней книге «Распутин. Почему?» рассказывается о том, как тонули в реке Григорий и его двоюродный брат Миша, бывший старше годами. Миша утонул, а Григорию удалось спастись, но горьким было это спасение, в котором крылось предсказание его будущей смерти...

«Когда отца затягивала черная стоячая вода пруда и гнилая жижа, поднимавшаяся со дна, заливала нос, рот и уши, проникая, казалось, в самый мозг, он детским еще сознанием прозрел свой конец, — пишет Матрена Распутина. — Черная обжигающая невская вода, веревки, обвившие его, — и никакой надежды на спасение. Ужасная репетиция. Со страшным знанием о своей смерти он и жил».

Поистине — тяжелая ноша. И лишь крепкому духом была по силам она. Как тут не сорваться?

На Руси пили всегда, с незапамятных времен. Пили задолго до князя Владимира, провозгласившего, что «веселие Руси есть пити», пили везде, во все времена и при всех правителях. Пьянство было нормой крестьянской жизни, первым способом проведения досуга и излюбленным методом избавления от усталости и горьких дум. Пьянство, без преувеличения, было патриархальным правилом земледельцев.

Не являлся исключением из этого правила и Ефим Распутин, отец Григория. Правда, по наследству передалось Григорию умение не допиваться до последнего. Отец его в свое время взялся за ум — бросил пить и начал заниматься летом земледелием, а зимой извозом.

Подкармливался он, как и все жители слободы Покровской, от реки — на досуге промышлял рыбной ловлей и зашибал «живую деньгу», разгружая пароходы и баржи. Со временем Ефим Распутин стал хозяином справным — заимел избу из восьми комнат, кое-какую скотину: двенадцать коров и восемь лошадей. Слобода Покровская вообще считалась богатым селом.

Некоторые односельчане характеризовали Григория как буйного и агрессивного во хмелю. Находились и такие, что обвиняли его в воровстве. Так, покровский крестьянин Картавцев рассказывал: «Я поймал Григория на краже у меня острожья... Разрубив острожье, он сложил все на телегу и хотел увезти. Но я поймал его и хотел заставить везти краденое в волость... Он хотел бежать и желал было ударить меня топором. Но я в свою очередь ударил его колом, и так сильно, что у него из носа и рта потекла кровь ручьем.... Сначала я думал, что убил его, но он стал шевелиться... И я повез его в волостное правление. Он не хотел идти... но я ударил его несколько раз кулаком по лицу, после чего он сам пошел в волость... После побоев сделался он каким-то странным и глуповатым». Затем Картавцев рассказал, что в отместку Распутин украл у него лошадей.

Трудно судить о том, правда это или нет. Ведь Картавцев рассказал о пресловутой краже острожья во время допроса следователем «Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». Комиссия эта была образована Временным правительством 4 марта 1917 года для того, чтобы найти как можно больше фактов, порочащих только что павший режим самодержавия. Вполне возможно, что работа членов Комиссии была весьма пристрастной и интересовались они только разоблачениями да обличениями, и ничем больше. В подобной ситуации об объективности говорить не приходится — сойдет любая ложь, которая «ложится в тему», соответствует поставленной цели.

Кстати говоря, протоколы этой Комиссии обрабатывал и готовил к изданию не кто иной, как знаменитый русский поэт Александр Блок.

Разумеется, чуть ли не в первую очередь Комиссия заинтересовалась личностью Григория Распутина, полуграмотного русского мужика, к слову которого нередко прислушивался сам государь император Николай II.

Тут уж, по меткому народному выражению, всякое лыко годилось в строку, лишь бы порочило образ ненавистного новой власти старца Григория.

«От сети клеветнического языка, от уст сплетающих ложь» не застрахован никто, тем более — мертвые, которые не могут свидетельствовать в свое оправдание. Да и надо ли им это? Известно ведь,

что «мертвые сраму не имут».

В архивах вышеупомянутой Комиссии есть показания и о том, как отец посылал Распутина на лошадях за сеном и хлебом в Тюмень, а он возвращался пешком «без денег, и побитый, и пьяный, и порой без лошадей».

Впрочем, если даже и водились за Григорием Распутиным по молодости какие-то грехи, то с течением времени они безвозвратно канули в небытие. Не пьянство и кражи стали смыслом жизни Григория Распутина, а поиски истины, поиски смысла жизни, поиски сокровенных законов мироздания, поиски духовности, поиски Христа.

Один из следователей Комиссии, некий Смиттен, не писал в своем заключении относительно молодого Григория Распутина ничего хорошего: «Свидетели отмечают, отец Распутина пил сильно водку. Мальчиком Распутин рос грязным и нечистоплотным, так что сверстники иначе не называли его, как „сопляком“... Пятнадцати лет Распутин начал пить водку, причем после женитьбы на двадцатом году пьянство его еще усилилось... В этом раннем периоде его жизни свидетели характеризуют Распутина как человека хитрого, наглого, с буйно-разгульной, экспансивной натурой. В пьяном виде, бахвалясь, он запрягал лошадей и катался по двору, любил подраться, ругался скверными словами не только с посторонними, но и с родителями». А вот его коллега, следователь Владимир Руднев, то ли более проникательный, то ли более объективный, признавался впоследствии: «Я пришел к заключению, что в жизни Распутина, простого крестьянина, имело место какое-то большое глубокое переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться к Христу».

Товарищ (заместитель) прокурора Екатеринославского окружного суда Владимир Руднев демонстративно покинул Комиссию в августе 1917 года. В прошении об отчислении он мотивировал свое решение неоднократными попытками председателя Комиссии Муравьева побудить его «явно к пристрастным действиям». Рудневу было поручено «обследовать источник безответственного влияния при дворе».

В положенное время, восемнадцати лет от роду, Григорий женился на крестьянке Прасковье Федоровне из соседнего села Дубровного. Жена была на несколько лет старше мужа. Согласно данным переписи 1897 года семью Распутиных составляли «хозяин Ефим Яковлевич Распутин, 55 лет, жена его Анна Васильевна... сын Григорий, 28 лет, жена его Прасковья Федоровна, 30 лет». Примечательно, что Григорий не стремился по обычаю того времени, женившись, отделяться от отца и жить своим, самостоятельным, хозяйством. Однако и от крестьянского труда не

уклонялся. «Много в обозах ходил, много ямщикал и рыбу ловил и пашню пахал, действительно это все хорошо для крестьянина», — пишет Распутин в своем «Житии опытного странника». Работящая и хозяйственная Прасковья родила Григорию семерых детей, из которых трое первых умерли, трое последующих (сын Дмитрий, родившийся в 1894 году, дочь Матрена и дочь Варвара, появившиеся на свет соответственно в 1897-м и 1900 годах) выжили, а последняя девочка тоже умерла.

Жена не смогла удержать мужа дома. С двадцати восьми лет Григорий Распутин начал уходить в странствия по святым местам.

Уже упоминавшийся следователь Смиттен писал, что оставить родной дом Григория побудила неприязнь односельчан, недовольных его поведением, и в первую очередь его воровством.

Матрена Распутина же утверждает, что отец никогда не брал чужого. Напротив, он с детства не раз «прозревал» чужие кражи. Не верят в историю с воровством и многие биографы Григория Распутина.

Сам же Распутин писал о своем преображении так: «Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон будто как забытье, так и проводил все время с 15 лет до 28 лет. Вот что тем более толкнуло меня на новую жизнь... Киевские сродники исцелили, и Симеон Праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и уврачевал болезнь бессонницы. Очень трудно это было все перенести, а делать нужно было, но все-таки Господь помогал работать, и никого не нанимал, трудился сам, ночи с пашней мало спал».

Он не был лентяем, пускавшимся в странствия для того, чтобы избежать тягот крестьянского труда. Не был и юродивым, блаженным в полном смысле этого слова. В свои двадцать восемь лет Григорий был зрелым семейным человеком, которого на путь странничества могла привести лишь веская, крупная, серьезная причина.

Не обошлось и без знаковой встречи, о которой нам стало известно благодаря Матрене Распутиной. В одной из своих книг она пишет, что отец ее время от времени подрабатывал ямщиком, развозя седоков на своих лошадях по тракту (занимались жители Покровской и таким промыслом). Как-то раз Григорий вез из Покровского в Тюмень студента Духовной академии Мелетия Зборовского (впоследствии он станет епископом Барнаульским и Томским и по совместительству ректором Томской Духовной семинарии). Разумеется, разговор между ними зашел о Боге, и произвел тот разговор настоящий переворот в душе Григория. Рассказав седоку о своих видениях, Григорий спросил у него совета и услышал в ответ: «Тебя Господь позвал».

Раз Господь позвал — послушаться нельзя, грех это великий. Григорий

ушел странствовать.

Справедливости ради надо отметить, что на допросе, учиненном ей в 1919 году судебным следователем по особо важным поручениям при Омском окружном суде Соколовым, впоследствии написавшим книгу «Убийство царской семьи», Матрена Распутина показывала иное: «В жизни моего отца, когда я была еще маленькой девочкой, что-то произошло, что изменило совершенно всю его, а впоследствии и нашу жизнь. Раньше отец жил, как все крестьяне, занимаясь хозяйством. Вдруг он оставил семью и ушел странствовать. Должно быть, что-то произошло у него в душе: он перестал пить, курить и есть мясо и ушел из дома. Я думаю, что на него так воздействовал известный в наших местах странник Дмитрий Иванович Печеркин, родом из деревни Куличи (верст 300 от Тобольска). По крайней мере, перед уходом отца Печеркин у нас был, и они ушли тогда вместе с отцом. Я помню, когда отец вернулся домой, мама не сразу его узнала. Приблизительно это было в 1905 году».

Если начать сопоставлять все сведения о первой половине жизни Григория Распутина, то легко можно запутаться в противоречиях. Да и надо ли копаться в мелких, совершенно несущественных деталях? Какая разница — кто именно или что именно подвигло Григория Распутина на странствия? Важен сам результат. Важно, что Григорий оставил дом свой, семью свою, чтобы отправиться на поиски «ангельского хлеба души человеческой».

«Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои» (Пс. 38:13).

В 1892 году Григорий Распутин отправился в первое свое паломничество или странствие, это уж кому как угодно называть, во время которого посетил он Верхотурский монастырь, расположенный в Екатеринбургской губернии.

Из Верхотурья спустя три месяца вернулся совершенно другой человек. Один из односельчан Распутина по фамилии Подшивалов, встретивший странника на обратном пути, вспоминал, что «возвращался он тогда домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой все время что-то пел и размахивал руками». Другой же односельчанин, некто Распопов, вспоминал о Григории так: «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом».

Побывав в Верхотурском монастыре, Григорий Распутин бросил пить, курить, есть мясо и сладости. Пуще прежнего начал он сторониться людей,

все больше и больше времени проводил в молитвах, обучился грамоте — причем читал не только на современном ему русском языке, но и по-церковно-славянски.

Задержался он дома недолго — всего через месяц снова собрался в дорогу...

Глава вторая. Очарованный странник

«Пахал усердно, — писал о себе Распутин, — но мало спал, а все ж таки в сердце помышлял, как бы чего найти, как люди спасаются».

Как найти путь к спасению?

Когда-то странничество было широко распространено на Руси. Каждый уважающий себя христианин считал своим долгом поклониться святыням, совершить паломничество по святым местам.

Святых мест хватало: хочешь — ходи по Руси-матушке, по ее некогда многочисленным, славным своими чудотворными иконами и нетленными мощами монастырям, хочешь — отправляйся в Иерусалим.

Паломничали ради спасения души, ради исцеления, как духовного, так и телесного, паломничали все сословия — и крестьяне (разумеется, только свободные, не крепостные), и купцы, и дворяне. Путешествовали к святым местам (не пешком, а в удобных каретах, сопровождаемые придворными и челядью) и императрицы Елизавета, и Екатерина Великая.

Однако с течением времени все меньше и меньше людей отправлялись в странствия по святым местам. То ли вера ослабла, то ли тяжелы на подъем стали люди, то ли не могли они уже бросить разом все свои дела, свои дома и уйти.

К концу XIX века странничество на Руси почти угасло. Лишь редкие люди по зову души своей отправлялись поклониться святым иконам и мощам святых.

Нелегко был удел паломника, бредущего по пыльным дорогам с котомкой за плечами и питающегося милостью добрых людей. «Много путешествовал и вешал, т. е. проверял все жизни... — писал о себе Распутин. — Теперь это сладко описать, а на деле-то пришлось пережить».

Первым делом Григорий посетил Верхотурский Николаевский монастырь, древнюю обитель, основанную кем-то из московских царей триста с лишним лет назад — в XVI веке. В этом монастыре, расположенном в живописном месте на высоком холме, у подножия которого журчали, сливаясь, две речушки, находились мощи праведного старца Симеона, после смерти своей (он умер в 1642 году вследствие чрезмерно строгого поста) причисленного к лику святых угодников. За свою праведность и великое воздержание Симеон Верхотурский весьма почитался в народе, и стекались к нему паломники не только из Сибири и Урала, но и со всей России.

Симеон стал любимым святым Григория Распутина. Иначе и быть не могло, ведь именно он исцелил страдальца от бессонницы. Примечательно, что самого первого человека, исцелившегося от недугов, отершись землей, взятой с могилы старца Симеона, тоже звали Григорием. Случилось это через пятьдесят лет после смерти святого, когда гроб с его телом внезапно поднялся из земли, явив миру нетленные мощи. Более ста лет паломники ходили на могилу Симеона, пока в начале XVIII века его мощи с великим почетом не перенесли в Николаевский монастырь.

Распутин получил от Симеона не только исцеление. Святой угодник ниспослал Григорию непостижимую силу, благословил его на духовный подвиг и стал его покровителем. Распутин часто посещал Николаевский монастырь, как в одиночку, так и со знакомыми. Икону с изображением святого Симеона он подарил царской семье в самом начале знакомства.

Погиб от руки убийц Распутин, Николай II с женой и детьми были расстреляны большевиками, и большевики же выбросили из обители нетленные останки святого Симеона Верхотурского. Осталась только память...

Кроме Николаевского монастыря побывал Григорий и во многих других — начав с ближних, закончил он дальними, за несколько лет не только исходив всю святую Русь, но и забираясь дальше, до самого Иерусалима.

В монастырях Распутину не нравилось, и он никогда не думал о поступлении в какую-нибудь из обителей в качестве послушника. Недоброжелатели утверждали, что не нравилась Распутину строгая монастырская дисциплина, но сам он говорил иное: «Много монастырей обходил я во славу Божию, но не советую вообще духовную жизнь такого рода — бросить жену и удалиться в монастырь. Много я видел там людей; они не живут как монахи, а живут как хотят и жены их не сохраняют того, что обещали мужу. Вот тут-то и совершился на них ад! Нужно себя более испытывать на своем селе годами, быть испытанным и опытным, потом и совершать это дело. Чтобы опыт пересиливал букву, чтобы он был в тебе хозяин и чтобы жена была такая же опытная, как и сам, чтобы в мире еще потерпела бы все нужды и пережила все скорби. Так много, много чтобы видели оба, вот тогда совершится на них Христос в обители своей».

Воля, свобода, бескрайние просторы — вот что манило к себе Распутина. Тягостно спалось ему в душных узких кельях, отведенных для ночлега странников, и не лез в рот кусок хлеба, сопровождаемый поучениями, а то и откровенно недоброжелательными взглядами. Душа его, мятущаяся в поисках непостижимой истины, тонко чувствовала фальшь и

ложь. Простой крестьянин, что называется «от сохи», о людях он привык судить по мыслям и делам их, а не по сану и количеству поклонов, отбиваемых во время молитв. «Если хорош ты был в миру, иди в монастырь — там испортят, — предупреждал Григорий Распутин. — Не по душе мне монастырская жизнь, там насилие над людьми».

Глашатай любви, любви к Богу, к людям, ко всему миру, он не терпел насилия независимо от формы, в которую оно выливалось. И пусть недоброжелатели Григория, подобные митрополиту Дионисию, писали, что «никому не подчиняться, ни в каком постоянном труде не участвовать, ни перед кем и ни за что не отвечать, но в то же время судить обо всем, учить всех, вмешиваться во все дела, предсказывать все, что имеет быть, и всем давать свои поручения — вот жизненный идеал, который привлекает очень многих. И этот идеал в полной мере воплощен в Распутине».

Достаточно перечитать автобиографические записки Распутина, чтобы понять, насколько служение Богу в качестве странника тяжелее довольно-таки комфортного (в сравнении, разумеется) послушания в монастыре.

Вот что писал сам Григорий: «Я шел по 40–50 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать, по Тамбовской губернии — на одних картошках; не имея с собой капитала, и не собирал вовек: придется — Бог пошлет, с ночлегом пустят — тут и покушаю.

Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду и не налагал руки до тела — это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания, нередко шел по три дня, вкушал только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост: не пил квасу, а работал с поденщиками, как они; работал и убегал в кусты молиться. Не один раз пахал пашню и убегал на отдохновение на молитву.

Мне приходилось переносить нередко всякие беды и напасти; так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на все милость Божья! То скажут: „Одежда неладная“, то в чем-нибудь да забудутся клеветники неправды. С ночлега уходил с полночи, а враг завистлив всяким добрым делам, пошлет какого-нибудь смутителя, он познакомится, чего-нибудь у хозяина возьмет, а за мной погоня, и все это пережито мною! А виновник тотчас же находится. Не один раз нападали волки, но они разбегались. Не один раз нападали хищники, хотели обобрать, я им сказывал: „Это не мое, а все Божье, вы возьмите у меня, я вам помощник, с радостью отдаю“, — им что-то особенно скажет в сердцах их, они подумают и скажут: „Откуда ты и что такое с тобой?“ „Я человек — посланный брат вам и преданный Богу“».

В странствиях Распутину ниспосылались свыше знамения. «Как-то, — вспоминал он, — заночевал в комнате, где была икона Божьей Матери... посреди ночи проснулся и вижу, что икона плачет: „Григорий, я плачу о грехах людских. Иди, странствуй и очищай людей от грехов“».

«И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними.

Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить.

И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом.

При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии.

Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе.

И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: „Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте.“» (Марк, 9:2–7).

Не обходилось и без искушений: «Дьявол о плотском шепчет усталому путнику: „Стань на паперти, собирай милостыню — дорога дальняя, денег много надо... помолись, чтоб тебя взяли обедать и накормили послаще“, — признавался Распутин. — Как мне пришлось с этими помыслами бороться...»

У себя дома, в Покровском, Григорий устроил особую молельню, в которой проводил долгие часы в молитве, о чем сам писал все в том же «Житии»: «В одно прекрасное время, ходил, думал обо всем, вдруг проникла ко мне мысль, долго недоумевал, что вот сам Господь не избрал царские чертоги, а выбрал Себе ясли убогие и тем прославил славу. Мне недостойному пришло в голову достигнуть, взял, выкопал в конюшне вроде могилы пещерку и туда уходил между обеднями и заутренями молиться. Когда днем свободное время, то я удалялся туда и так мне было вкусно, то есть приятно, что в тесном месте не разбегается мысль, нередко и ночи все там проводил, но враг-злодей всяким страхом меня оттуда выживал — треском, даже было побоями, но я не переставал. Так продолжалось лет восемь...»

Молился Григорий не один — нашлось у него несколько сподвижников среди односельчан, как мужчин, так и женщин. Но не успели молящиеся начать собираться у Григория, как по селу сразу же поползли разного рода скверные слухи, утверждавшие, что уединяются они не для совместной молитвы, а для того, чтобы втайне ото всех предаться блуду. Однако слухи эти так и не нашли подтверждения.

Односельчан Распутина можно было понять — недалекие крестьяне, они искренне недоумевали, почему при наличии в селе действующей

церкви — храма Покрова Богоматери (на то и Покровское), кому-то приспичило собираться в тайном домашнем укрытии для того, чтобы коллективно помолиться. Они и представить не могли, что кого-то может чем-то не устраивать родная православная церковь, и не устраивать настолько, чтобы побудить к созданию альтернативного храма на дому.

«Но призри на молитву раба Твоего и на прошение его, Господи Боже мой! услышь воззвание и молитву, которою раб Твой молится пред Тобою.

Да будут очи Твои отверсты на храм сей днем и ночью, на место, где Ты обещал положить имя Твое, чтобы слышать молитву, которою раб Твой будет молиться на месте сем» (*Вм. кн. Паралипоменон, 6:19–20*).

Политический ссыльный Александр Сенин, несколько лет проживший в Покровском, бывал на религиозных собраниях в доме Григория Распутина и даже описывал их: «Все чинно расселись по местам, и началось пение. „Братья“ и „сестры“ под руководством Григория начали: „Спит Сион и дремлет злоба, спит во гробе Царь Царей“. Выходило стройно, гармонично и красиво... Создавалась таинственно-благоговейная атмосфера, точно в храме... Тонкие женские голоса печально и нежно переливались, им глухо и грустно аккомпанировали басы. Мирное, спокойное настроение создавалось в душе, и становилось жаль чего-то, жаль до бесконечности...»

И вот что еще писал Сенин: «Раньше братья выпивали и песни мирские пели, а как уверовали в Григория, все бросили. Живут трезво, мирно, скромно, замечательно трудолюбивы и с помощью Григория построили себе новые хорошие домики... Все „сестры“... девицы, дочери зажиточных родителей. Намеревались они для спасения души в монастырь идти, да остановились у Григория, тут и „спасаются“.

Работают по полевому и домашнему хозяйству, ведут себя скромно и тихо, платочки на голове навязывают, точно монашенки, низко кланяются, неукоснительно посещают службы церковные и обращаются с посторонними смиренно, по-монастырски. Слушаются они Григория и подчиняются ему беспрекословно, с благоговением и, видимо, с большой охотой... Живут они у Григория с согласия родителей».

Молитвы в сельской церкви Распутина не привлекали. О священниках он отзывался с самобытной иронией. «Когда в храме священник, то нужно его почитать, — писал он, — если же с барышнями танцует, то напоминай себе, что это не он, а бес за него, а он где-то у Престола сам служит. А видишь, что он сладкие обеды собрал и кумушек-голубушек созвал, то это потому, что у него свояченица барышня и шурин кавалер, а жене-то батюшковой и жалко их. Он же, Христовый, все же батюшка, и не сам, а

пожалел их. Так и представляй в очах картину. Ему бы надо в исправники, а он в пошел в батюшки... Ведь батюшка двояко есть — есть наемник паствы, а есть такой, что сама жизнь его толкнула быть истинным пастырем, и он старается служить Богу — наемник же на него всячески доносит и критикует».

Доставалось и церковным иерархам, презрение к «мертвой» книжной учености которых Григорий Распутин пронес через всю свою жизнь. «Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними... их учение остается ничтожным, а слушают простые слова твои... Ученость для благочестия ничего... Буква запутала им голову и свила ноги, и не могут они по стопам Спасителя ходить».

Фарисействующему духовенству Распутин противопоставлял себя и своих, если можно так выразиться, «коллег» — «опытных» странников, «избранных в духовных беседах». «Кто может совет дать, так они в уголки позагнаны», — пишет Распутин.

«В улолки позагнаны» были сектанты, наиболее известными из которых и близкими Распутину по взглядам на жизнь были «христы», за свою страсть к религиозному самобичеванию прозванные в народе «хлыстами». Тайные общины хлыстов, называемые ими «кораблями» (имелся в виду корабль, на котором можно уплыть к спасению), были рассеяны по всей стране, особенно часто встречаясь за Уралом, в Сибири.

Первые общины хлыстов появились в XVII веке. Согласно их учению, Господь впервые сошел на землю в Риме и Иерусалиме, дабы насадить по миру веру христианскую, которая сияла и процветала много лет, после чего триста лет приходила в упадок, до тех пор, пока не появился некий «Антихрист от монашеского чина» и окончательно ее не погубил. Возник тогда среди людей спор великий, не могли они понять, по каким книгам следует им спасаться — по старым или по новым. Спор разрешил костромской крестьянин Данила Филиппович. Он бросил все свои книги в реку и возвестил людям, что для спасения им нужна только одна книга: «Книга золотая, книга животная, книга голубиная, сам сударь Дух Святой». Люди возрадовались и принялись молить Бога снова сойти на грешную землю. Молитва была услышана, и в Стародубской волости, в Егорьевском приходе, на гору Городину «сокатил среди облаков на огненной колеснице сам Господь Бог Саваоф и вселился в пречистую плоть Данилы Филипповича». Патриарх Никон, узнав о том, сразу же повелел схватить Данилу Филипповича и заключить в темницу, но тогда настала тьма на всей земле. Убоялись слуги Антихристовы и выпустили Данилу Филипповича на волю. Он вернулся к себе домой в Кострому, где дал единоверцам

двенадцать заповедей. Вот они:

- «1. Я тот Бог, который пророками предсказан, другого Бога не ищите.
2. Нет и не ищите другого учения.
3. На чем поставлены, на том и стойте.
4. Храните заповеди Божьи и будете ловцами вселенной.
5. Вина и пива не пейте, блуда не творите.
6. Холостые не женитесь, женатые живите в посестрии.
7. Матерно не бранитесь, дьявола не поминайте.
8. На крестины, свадьбы и гулянья не ходите.
9. Веру держите в тайне, никому, ниже отцу родному, ниже духовному, не объявляйте, даже под огнем, кнутом и топором.
11. Друг к другу ходите, хлеб-соль водите, любовь творите, Богу молитесь.
12. Духу Святому верьте».

«Божьи люди» возрадовались и стали жить по полученному закону. Если «Бог Саваоф» Данила Филиппович — личность более легендарная, нежели реальная, то первый хлыстовский «Христос» — Иван Тимофеевич Суслов, родившийся якобы от столетних родителей, действительно жил на белом свете. При нем и его преемнике, некоем Прокопии Лупкине, хлыстовщина распространилась по России, достигнув и Петербурга, и Москвы.

Главные составляющие хлыстовства: эмоциональное откровение, достижимое путем изнурительных радений, и бесконечная и непрерывная многократность божественных воплощений. Посредством поста, целомудрия, самоистязания, неустанных молитв и долгих радений пытались хлысты возжечь в себе искру Божества и получить благодать. Веря, что храм Божий находится в душе человека, хлысты отрицали церкви и не исполняли православных обрядов.

В каждой общине хлыстов был свой «сын божий Христос» и своя «богородица». Согласно их верованиям, с уходом из земной жизни очередного бога Святой Дух воплощается в новом теле, обеспечивая преемственность жития божьего на русской земле.

Простодушное и искреннее учение хлыстов, эта самобытная смесь язычества и православия, чем-то сродни буддизму, утверждающему, что каждый из нас способен достичь наивысшего просветления, надо только избавиться от своих страстей. Русскому крестьянству, изнуренному непосильным трудом, хлысты преподнесли бесценный дар — возможность стать «христом» или «богородицей», заслужив эту великую честь праведной жизнью.

Хлысты были аскетами, но аскетами самобытными, особенными. Поначалу они пробовали досконально придерживаться заповеди Даниила Филипповича, старались было и «с женами не жить», и «блуда не творить», но давалось столь сильное воздержание нелегко. Постепенно хлысты начали признавать сожителство по добровольному согласию между «сестрами» и «братьями», как воплощение «чистой Христовой любви», противостоящей благословенному «церковью Антихриста» браку. Впоследствии хлысты сошлись на том, что раз Дух Святой во время радений руководит волей молящихся (хлысты верили, что во время «радения» на них нисходит Святой Дух, и дети, зачатые после коллективного совокупления, будут рождены от него), то человек уже не является ответственным за свои поступки, и стали осуществлять обуздание похоти путем свального греха, предаваясь ему во время радений, утверждая, что потакание желаниям плоти есть кратчайший путь к ее умерщвлению.

Освобождение от грехов путем греха — вот основная идея хлыстовства. Хлысты учат не бояться греха, ведь следом за ним идет покаяние, несущее грешнику спасение. Народ русский переделал эту догму в широко известную поговорку: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься».

Как для крепости тела необходимы физические упражнения, так и для крепости духа потребны упражнения духовные, во время которых грешники очищаются покаянием.

По преданию, «святые беседы» и «радения» учредил «Христос» Иван Суслов. Собрания общин — мужчины и женщины приходили на них в длинных, до пят, белых рубахах, босиком, со свечами в руках, — начинались с совместного пения духовных стихов, во время которого мужчины и женщины сидели порознь, затем начиналось хождение по кругу посолонь вокруг емкости со святой водой, которой хлысты кропили друг друга. Постепенно ритм песен все убыстрялся и убыстрялся, пока присутствовавшие не начинали хлестать себя ремнями или цепями для «умерщвления грешной плоти своей», приговаривая при этом: «Хлыщу, Христа ищу...» Дойдя до определенного состояния, участники радений начинали выкрикивать пророчества, якобы подсказанные им Святым Духом, что и было главной целью и кульминацией радений.

Со временем допущение половой жизни, пусть даже по добровольному согласию сторон или во время радений, вызвало протест внутри хлыстовства, приведший к обособлению от него секты скопцов, добровольно кастрировавших себя во имя достижения чистейшего,

высшего целомудрия. Основателем новой секты стал один из хлыстовских «Христов» Кондратий Селиванов, после своего оскотления, или, по выражению самих скопцов, «убеления», в 1765 году объявивший себя не только Богом, но и императором Петром III.

Зародившись как чисто крестьянская секта, хлыстовство со временем (к началу XIX века) проникло на самую вершину русского общества, заимев сторонников среди высшей знати Российской империи. В Петербурге долгое время существовала тайная хлыстовская секта, руководимая «богородицей» Екатериной Филипповной Татариновой. Постепенно аристократы, по сути своей чуждые духу аскетизма, скатились к разнузданным оргиям, тайное стало явным, и по приказу императора Николая I в 1837 году секту разогнали, а Татаринову даже арестовали и заточили в монастырь, где пробыла она десять долгих лет, пока не раскаялась в заблуждениях своих и не покалась.

Краткие образные проповеди Распутина, его высказывания и взгляды во многом совпадали с мировоззрением хлыстов. Не исключено, что во время своих странствий он мог посещать хлыстовские общины-«корабли» и даже выполнять роль связного между ними. Подобные связные назывались у хлыстов «летучими ангелами» или «серафимами».

На Распутина, как на человека малограмотного, вдобавок к сильной воле и пытливой душе обладавшего повышенной эмоциональностью, не могла не произвести впечатления идея эмоционального постижения Бога, исповедуемая хлыстами и рядом других так называемых «мистических сект». Не получивший никакого образования, Григорий Распутин, конечно же, не был в состоянии ясно и цельно сформулировать свое так называемое учение. Иначе говоря, он обладал не оформленной системой взглядов, а неким сильным ощущением, если можно так выразиться, суперчувством, которое все его мысли и всю волю его направляло на поиски и постижение Бога.

В связи с хлыстами Григория Распутина власти будут подозревать еще не раз. Так, много позже, в 1908 году, когда о Распутине узнают и в столичном Петербурге, завистники и недоброжелатели, среди которых часто встречались служители церкви, примутся строчить доносы. В Тобольскую консисторию будут приходить письма, рассказывающие о том, как якобы разнузданно ведет себя Григорий Распутин с женщинами, приезжающими к нему отовсюду, в том числе и из Петербурга. Много будет написано о сеансах избавления от страстей, происходивших в распутинской бане, и чуть ли не в каждом письме будет упомянуто о том, что смолodu Распутин, дескать, был приверженцем хлыстовской ереси.

Дело дойдет до отправки в Покровское специального консисторского следователя, который, правда, на горе доносчиков, вернется ни с чем.

«Батюшка царь... оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм, — писал Распутин. — Я с радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же, как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я сам оказываю помощь в постройке храма; а они ищут меня в пагубной ереси обвинить и такую чушь порют, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить, обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект, и архиерей всячески восстает. Куда трудно любовь разобрать. Как человек не был на опыте».

В Покровском против Распутина были настроены приходские священники отец Петр (Остроумов), настоятель церкви, и отец Федор (Чемагин). В первую очередь им не нравилось, что какой-то мужик позволяет себе не только соваться в дела священства, но и предавать служителей церкви «поношению», осуждая их на людях («благодать с недостойных пастырей отлетает и ложится на простецов», утверждал Распутин). Во-вторых, их раздражал непонятный духовный поиск Распутина, поиск истины, который они, не вникая и не желая вникать в его суть, сочли сектантством чистой воды.

Собрав как можно больше компрометирующей Распутина информации, а точнее говоря — обстоятельно записав все слухи и сплетни, отец Петр отправил донесение (донос, кляузу — суть едино) тобольскому епископу Антонию.

В январе 1908 года, в ночь после именин Григория, тюменским миссионером Глуховцевым по епископскому постановлению был произведен обыск в избе Распутина. При обыске присутствовали местный урядник и оба покровских священника.

Искали долго, усердно, рьяно, искали улики (в первую очередь ритуальную «кадку», возле которой происходят радения хлыстов), искали хлыстовские книги, облазили весь дом, чуть было не раскатали по бревнышку баню, но так ничего и не нашли.

О преследовании отца церковными властями не раз писала Матрена Распутина. Обратимся к ее воспоминаниям: «...по селу разнеслась весть, что зародился новый пророк-исцелитель, чтец мыслей, разгадыватель душевных тайн.

Слава Распутина стала распространяться далеко за пределами села Покровского и соседних деревень. Приходили бабы, водя за собой кликуш, хромых, слепых, больных ребят.

Священник увидел в отце врага, способного лишить его, по крайней мере, части доходов. Теперь больные шли за исцелением к отцу, а не в церковь. Те же, кто искал духовного руководства, предпочитали получать хлеб из рук отца, а не камни из рук священника.

И без того разгневанный соперничеством „высочки“, священник пришел в ярость, узнав, что отец намерен соорудить на своем подворье подземную часовню.

Насколько я знаю, отец никогда открыто не выказывал своего отношения к Покровскому батюшке. Но тот был достаточно опытен и не нуждался в непосредственных объяснениях.

С точки зрения сугубо церковной, затея, подобная затее отца, не несла в себе ничего оскорбительного. От Покровского служителя Господнего потребовалось бы только освятить новую часовню. Или заявить, почему он этого делать не намерен.

Имея представление об отцовском характере, батюшка не мог отважиться на такой шаг. Отец молчать бы не стал, последовало бы разбирательство с привлечением деревенской общины (мира), многое могло бы тогда явиться на свет Божий.

Отец Петр решил — не мытьем, так катаньем — допечь неудобного.

А тем временем строительство продвигалось. Отец работал не переставая. Нашлись и помощники.

Когда уже все было закончено и собранные в странствиях моим отцом иконы расположили в нишах земляных стен, батюшка решил, что настал час действовать. И настрочил донос.

В ожидании (и даже — в предвкушении) своей победы он строго-настрого запретил ходить в отцовскую часовню, предрекая кары небесные тем, кто будет продолжать потакать „пособнику дьявола“. Это не помогало. Прихожан в церкви не становилось больше. Наоборот.

Ответа от церковного начальства все не было, и батюшка направился в Тюмень сам.

Там его принял епископ. Батюшка вылил на отца не один ушат грязи, вплетая в уже устный донос все, что мог припомнить из сплетен, сопровождавших отца.

Картина получилась страшная.

Богобоязненный епископ пришел в ужас от творящихся в подведомственном ему приходе непотребств и тут же отправился вместе с отцом Петром в Покровское положить конец безобразиям. За ними последовали ученые монахи и полицейские.

Учинили целое следствие.

Полицейские, переодетые крестьянами, несколько раз побывали на службе в часовне, монахи с суровыми лицами ходили по деревне и расспрашивали тех, кто бывал на отцовских собраниях. Через несколько дней тщательного расследования они доложили епископу, остановившемуся в доме батюшки, — не замечено ничего, что могло бы хоть в какой-то степени подтвердить обвинения.

Епископ оказался человеком трезвомыслящим. К тому же за несколько дней жизни под одной крышей с батюшкой он рассмотрел его поближе и понял, с кем имеет дело.

Священник, который был уверен, что ненавистного соперника уберут с его дороги, был поражен. Все обернулось против него самого. Деваться некуда — батюшка был вынужден признать, что оговорил отца.

Священник оправдывался тем, что слухи передавали ему верные люди».

В другом месте Матрена Распутина писала: «Отец никогда не скрывал, что бывал на радениях хлыстов, но точно так же он никогда не говорил, что разделяет их взгляды... отец, как и любой другой христианин, полагал раскаяние и искупление грехов важной частью духовной жизни, он действительно особенно сильно воздействовал на женщин, благодаря чему и исцелял их успешнее мужчин. Но причина кроется не в особенностях хлыстовства, а в особенностях энергии отца».

Конечно же, своеобразная и независимая жизненная, а точнее, духовная позиция, не могла не привести Распутина к конфликту с церковными властями. Местный иерей обвинил его в сектантстве. Молельню пришлось оставить. «Враг-злодей все же таки навел людей, будто оказалось место лишнее, и мне пришлось переселиться в другое место...» — писал Распутин.

К тому времени уже многие из односельчан убедились в наличии у Григория некоего божественного дара. Распутин впоследствии вспоминал, как однажды на него «накатило» и он начал, невзирая на мороз, бегать по родному селу в одной рубаше и призывать односельчан к покаянию. Выбившись из сил, упал он возле забора, да так и пролежал целые сутки, а когда очнулся, то увидел вокруг себя мужиков, говоривших: «Ты, Гриша, правду сказал, давно надо было бы нам покаяться, а то сегодня в ночь полсела сгорело».

Не стоит думать, что, время от времени возвращаясь домой, Григорий Распутин только и делал, что молился да пророчествовал. Он занимался хозяйством, пахал землю, играл со своими детьми, развлекая их рассказами о том, что ему довелось повидать в чужих землях, и вообще жил жизнью

обычного крестьянина. Во время странствий Распутин никогда не забывал о своем доме, о своей семье, куда он возвращался из странствий. Возвращался не вынужденно, а по зову души и велению сердца. Григорий Распутин был убежденным противником вечных странствий и призывал других следовать его примеру. «Странничать нужно только по времени — месяцами, — писал он, — а год чтобы или многие годы, то я много обошел странноприимен — тут я нашел странников, которые не только года, а целые века все ходят, ходят и до того они бедняжки доходили, что враг в них посеял ересь — самое главное осуждение, и такие стали ленивые, нерадивые, из них мало я находил, только из сотни одного, по стопам Самого Христа. Мы — странники, все плохо можем бороться с врагом. От усталости является зло. Вот по этому поводу и не нужно странничать годами, а если странничать, то нужно иметь крепость и силу на волю и быть глухим, а иногда и немым, то есть смиренным наипаче простячком. Если все это сохранить, то неисчерпаемый тебе колодезь — источник живой воды».

«Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу.

Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомним вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви.

Как я не иду к вам, то некоторые возгордились; но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божие не в слове, а в силе. Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?» (1 Кор 4:16–21)

В двух главных ипостасях воплотился загадочный дар Распутина — в целительской и пророческой.

Основой любого исцеления, своеобразным проводником ниспосланной ему свыше силы Григорий Распутин считал доброту и любовь. Главным же условием, необходимым для исцеления, была вера. Без пробуждения в больном веры исцелить его нельзя. «Труднее всего заставить человека поверить», — говорил Распутин, считая безверие тягчайшей из болезней.

Но Бог милостив. «Нет такого человека, которого нельзя было заставить поверить и утешить, — говорил Григорий. — Хотя с настоящими неверующими плохо... Будешь говорить с ними, меньше всего упоминай про Бога... Главное, полюби, узнай, отчего страдает человек... Не можешь полюбить человека — ничего не выйдет».

Действительно — без любви ничего не выйдет. В любви заключена вся сила бытия, правда, не все это знают.

Пророческий дар Распутина, дар, зачатки которого проявлялись в нем

уже в детстве, признавали все — и друзья, и враги. Даже те, кто называл Распутина шарлатаном, признавали, что ему подчас открывается неведомое. Заклятый друг (или приязненный враг) Распутина, отец Илиодор (в миру Сергей Труфанов), писал о нем: «Распутин — пророк прозорливый, натура сильная духом, экзальтированная, глубоко чувствующая и проникающая в души других».

Всякое чудо немыслимо без легенд, которые окружают его и сопутствуют ему. Тот же отец Илиодор вспоминал, как архимандрит Феофан, инспектор Петербургской Духовной академии, говорил ему, бывшему тогда студентом: «Есть еще Божьи люди на свете... Такого мужа великого Бог воздвигает для России из далекой Сибири. Недавно оттуда был один почтенный архимандрит и говорил, что есть в Тобольской губернии, в селе Покровском, три благочестивых брата: Илья, Николай и Григорий... Сидели как-то эти три брата в одной избе, горько печаловались о том, что Господь не посылает людям благословенного дождя на землю... Григорий встал... помолился и твердо произнес: „Три месяца, до самого Покрова, не будет дождя!“ Так и случилось. Дождя не было, и люди плакали от неурожая... Вот вам и Илья-пророк, заключивший небо на три года...»

Оставим сравнение с Ильей-пророком на совести достопочтенного Феофана. В отличие от святого Ильи, известного своей строгостью по отношению к грешникам, Распутин никогда никого не карал и не судил.

Он не был единственным пророком своего времени. Пророков на Руси хватало всегда. Так, современник Григория, оптинский старец Нектарий предсказал и революцию, и гибель императорской семьи. «Государь будет великомученик», — предрекал Нектарий. О судьбах верующих, встревоженных мрачными пророчествами, старец Нектарий отвечал: «Верные могут не бояться, их оградит благодать. В последние времена с верными будет то же, что было с апостолами перед Успением Богоматери. Каждый верный, где бы он ни был, на облаке будет перенесен в Ковчег-Церковь. Только те, кто будет в Ней, спасутся... Держитесь твердо православия». Недаром ведь сказано, что «печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2 Кор. 7:10).

Внешность Григорий Распутин имел самую что ни на есть крестьянскую. Был он высок, широкоплеч, худощав, но в то же время крепок телом. Лицо его было грубым, с неправильными, далекими от классических эталонов чертами. Бросался в глаза широкий рябой нос, под которым росли вечно неухоженные, «мягкие» на крестьянский манер усы,

сливавшиеся с темно-русой растрепанной бородой. Узкие бледные губы его нечасто растягивались в улыбке, но если уж он улыбался, то искренне, от души. В эти редкие мгновения его смуглое от ветра и солнца лицо светлело, а морщины, избороздившие его, частично исчезали. Даже крупные неровные зубы не могли испортить впечатления от улыбки.

Длинные каштановые волосы свои Распутин, по тогдашней народной моде, делил пробором надвое и нечасто проходил по ним гребнем, отчего они выглядели немного растрепанными.

Из особых примет Распутин имел темное пятно на своем высоком лбу — память о давнем ранении, и небольшой нарост на правом глазу.

Одежду он предпочитал крестьянскую — ходил в грубой, не всегда опрятной холщовой крестьянской рубахе, подвязанной простым кожаным ремешком, в широких домотканых портах и высоких сапогах.

Мужик как мужик, каких на Руси миллионы. Если бы не пронизывающий взгляд из-под кустистых бровей. Взгляд, казалось, берущий свое начало из неведомых глубин и проникающий во все вокруг до самой сути.

Разные люди, видевшие Григория Распутина примерно в одно и то же время, характеризовали его совершенно по-разному. Интересно сравнить эти описания.

Секретарь Распутина Арон Симанович: «Своей внешностью Распутин был настоящий русский крестьянин. Он был крепыш, среднего роста. Его светло-серые острые глаза сидели глубоко. Его взгляд пронизывал. Только немногие его выдерживали. Он содержал суггестивную силу, против которой только редкие люди могли устоять. Он носил длинные, на плечи ниспадающие волосы, которые делали его похожим на монаха или священника. Его каштановые волосы были тяжелые и густые... На лбу Распутин имел шишку, которую он тщательно закрывал своими длинными волосами. Он всегда носил при себе гребенку, которой расчесывал свои длинные, блестящие и всегда умасленные волосы. Борода же его была почти всегда в беспорядке. Распутин только изредка расчесывал ее щеткой. В общем он был довольно чистоплотным и часто купался, но за столом он вел себя малокультурно.

Он пользовался только в редких случаях ножом и вилкой и предпочитал брать кушанья с тарелок своими костлявыми и сухими пальцами. Большие куски он разрывал, как зверь. Только немногие могли при этом смотреть на него без отвращения. Его рот был очень велик, но вместо зубов в нем виднелись какие-то черные корешки. Во время еды остатки пищи очень часто застревали в его бороде».

Молодая писательница Вера Жуковская, дружившая с Распутиным, сильнее всего запомнила «мгновенно загорающийся магнетический взгляд светлых глаз, в которых смотрит не один зрачок, а весь глаз». Кстати, о зубах Распутина она писала совершенно противоположное Симановичу: «Зубы были у него безукоризненные и все до одного целы, а дыхание совершенно свежее... белые хлебные зубы, — крепкие, точно звериные». И еще одно высказывание Жуковской: «Надо иметь мужество признать, что Распутин был натурой во всяком случае исключительной и обладал он огромной силой».

Исследователь сектантства В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает: «Мое внимание прежде всего обратили его глаза, смотря сосредоточенно и прямо, глаза все время играли каким-то фосфорическим светом. Он все время точно нащупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова. Потом вдруг спохватывался... смущался и торопливо старался перевести разговор. Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особенное впечатление на присутствующих, особенно на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом сами робко взглядывали на Распутина и иногда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет...»

Илиодор, он же Сергей Труфанов: «Григорий, поцеловавши меня, упорно и продолжительно посмотрел своими круглыми, неприятно серыми глазами мне в лицо, потом зашлепал своими толстыми, синими, чувственными губами, на которых усы торчали, как две ветхие щетки... Волосы на голове „старца“ были грубо причесаны в скобку... Борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочком свалывшейся овчины, приклеенным к его лицу... руки у старца были корявы и нечисты... Был одет в простой дешевый, серого цвета пиджак... брюки поражали своею отвислостью над грубыми халявами мужских сапог». Правда, спустя несколько лет после первой встречи, уже в Петербурге, наряд Распутина станет иным, и тот же Илиодор напишет, что на нем «была малинового атласа русская сорочка, подпоясан он был поясом с большими шелковыми кистями, брюки из дорогого черного сукна сидели на ногах в обтяжку, как у военных, дорогие лакированные сапоги бросались в глаза своим блеском и чистотою».

Премьер-министр граф В. Н. Коковцов: «Меня поразило отвратительное выражение его глаз. Глубоко сидящие в орбите, близко

посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они были пристально направлены на меня, и Распутин долго не сводил их с меня, точно он думал произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие или же он просто изучал меня... По внешности ему не доставало только арестантского армяка и бубнового туза на спине».

Историк Морис Палеолог, бывший послом Франции в России: «Длинные, черные, растрепанные волосы, жесткая черная борода, высокий лоб, широкий прямой нос. Но общее впечатление от лица сконцентрировано на глазах — светло-голубых глазах со странными искрами, глубокими и чарующими. Их взгляд был одновременно проникающим и заботливым, наивным и хитрым, прямым и, однако, отдаленным».

Политический ссыльный Александр Сенин: «Самая заурядная физиономия сибирского мужика, худощавое загорелое лицо, окаймленное большой темно-русой бородой клином, большой нос, грубые черты лица, развитые челюсти, глубоко сидящие серые глаза, очень мутные; цвет лица испитой, не совсем здоровый, русые волосы в скобку, суконная поддевка, лакированные, бутылками сапоги».

Политик и патриот Михаил Меньшиков, впоследствии расстрелянный большевиками: «Испитое, с мелкими чертами лицо, нервное и тревожное, бегающие глаза, тихий голос не то монастырского служки, не то начетчика сектанта, речь отрывистая, отдельными, иногда загадочными изречениями».

Жена богатого московского купца Елена Джанумова, хорошо знавшая Распутина в петербургский период его жизни: «Темная борода, удлиненное лицо с глубоко сидящими серыми глазами... Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать... Что-то тяжелое в нем есть, как будто материальное давление вы чувствуете, хотя глаза его часто светятся добротой, всегда с долей лукавства, и в них много мягкости. Но какими жестокими они могут быть иногда и как страшны в гневе».

И в завершение описание, данное организатором убийства Распутина Феликсом Юсуповым: «Среднего роста, коренастый и худощавый, с длинными руками, на большой его голове, покрытой взъерошенными спутанными волосами, выше лба виднелась небольшая плешь, которая, как я впоследствии узнал, образовалась от удара, когда его били за конокрадство... Лицо его, обросшее неопрятной бородой, было самое обычное, мужицкое, с крупными некрасивыми чертами, грубым овалом и длинным носом; маленькие светло-серые глаза смотрели из-под густых нависших бровей испытующим и неприятно бегающим взглядом... Он

казался непринужденным в своих движениях, и вместе с тем во всей его фигуре чувствовалась какая-то опаска...»

Мало того, что каждый из современников, в зависимости от собственного отношения к Распутину, видел его по-своему. Сам Григорий мог в одно мгновение преобразаться — таково было одно из следствий его чудесного дара.

В трактовке этих самых преобразений мнения современников расходились столь же широко, как и в восприятии самой внешности Распутина.

«Он менялся, как хамелеон», — писала великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая II.

Вера Жуковская видела иначе: «Когда вспомнишь эту его диковинную особенность мгновенно изменяться... сейчас сидел простой, неграмотный мужичок, грубоватый, почесывающийся, и язык у него еле шевелится, и слова ползут неповоротливо... и вдруг превращается он во вдохновенного пророка... и... новый скачок перевертыша, и с диким звериным сладострастием скрипят белые зубы, из-за тяжелой завесы морщин бесстыдно кивает какой-то хищный, безудержный, как молодой зверь... и вот уже... на месте распоясанного охальника сидит серый сибирский странник, тридцать лет ищущий Бога по земле».

«Распутин не менялся в обществе государыни, — вспоминала Юлия Ден, приближенная императрицы, — но оставался таким же, каким он был и в нашем обществе. Государыня, видимо, относилась к нему с благоговением: в разговоре с ним она называла его „Григорием“, а за глаза она называла его „отцом Григорием“. В беседах со мной и с Вырубовой она говорила о том, что верит в силу его молитвы».

Глава третья. Старец

Федор Михайлович Достоевский, создатель ставшего классическим образа старца Зосимы, представлял старчество в виде несметной духовной силы, получаемой человеком в обмен на полный отказ от своей воли, своих страстей, своих желаний.

«Прежде всего умертвим волю свою в себе, все восстающие страсти, помыслы худые, ропот против других, всякие подозрения, в особенности клятвы злостные: „ибо всяк клеветущий на брата своего человека — убийца есть. А в миролюбии пребывающий чудотворец есть“». «Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся», — призывал известный старец Гавриил в одном из своих писем к насельникам Марфо-Мариинской обители. — «Поэтому нужно быть осмотрительну, смотреть всякому свои недостатки и быть послушным; „смирйя себя вознесется“. Стараясь быть участниками Его страданий, тогда и будем участниками славы Его. Умертвим все в себе страсти, похоть очей, всякую злобу, не будем завидовать другим, удержим язык свой от клеветы и осуждения. Возьмем всякий крест свой и последуем за Иисусом: итак, все заключается в кресте и все состоит в смерти.

Нет другого пути в жизни истинному внутреннему миру, как путь Св. Креста и непрестанного самоумерщвления. Иди куда хочешь, ищи чего угодно и сколько угодно, не найти ни на небе пути возвышеннее, ни на земле пути вернее, как путь крестный. Никто живее не чувствует страданий Христовых, как тот, кому случалось терпеть что-нибудь подобное — с решимостью смиренно нести крест.

Крест всегда есть, везде и всюду ожидает нас, и мы не можем избежать его, потому что мы сами себя не избежим и везде найдем себя».

Благодатное старчество считается одним из высочайших достижений духовной жизни христианина, ее венцом, чудесным плодом безмолвия, созерцания и постижения божественного. Оно неразрывно связано с внутренним подвигом, имеющим целью своей достижение полного бесстрастия.

Лишь праведный старец, прошедший школу послушания, в совершенстве познавший духовно-психические законы и самолично достигший бесстрастия, способен руководить другими, ведя их по пути спасения и «невидимой брани» добра со злом в душе человеческой.

Какими же непременно качествами должен обладать старец?

Во-первых, он должен проникать своею мудростью до самых сокровенных глубин души человеческой, прозревать как зарождение зла, так и причины этого зарождения. Но одного прозрения мало — старец должен указывать ученикам и последователям своим точный и верный путь к спасению, к избавлению от грехов.

Во-вторых, старец непременно должен обладать даром рассуждения и различения добра и зла, ведь ему постоянно приходится иметь дело со злом, всячески пытающимся натянуть на себя личину добра.

В-третьих, как достигший полного бесстрастия, свободный от всего суетного, старец обладает такими духовными дарами, как прозорливость и пророчество, а вкупе с ними и способностью творить истинные чудеса. Преподобный Варсонофий Оптинский говорил: «Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству — это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, они видят ее духовными очами, даже видят причину возникновения такой мысли. И от них не сокрыто ничего».

Ученики, или, говоря правильнее, духовные дети в отношении к своему старцу-наставнику должны придерживаться следующих принципов: полной веры, или абсолютного доверия, искренности в словах и делах, полной покорности, совершенного и чистого исповедания грехов и тайн сердечных. Ученик не должен ни в чем, даже в самом малом, руководствоваться своей собственной волей — ему надлежит исполнять только волю наставника. Искреннее и безграничное повиновение старцу есть самый верный и самый короткий путь к спасению души.

Старчество не представляет собой никакой церковной иерархической степени, ибо сказано: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (*Иоанн 3:8*). Старцем может быть и монах, и епископ церкви, и иерей, и просто благочестивый христианин. Старчествовать может как мужчина, так и женщина. Главное условие — святость жизни, ведь старчество есть не что иное, как пророческое служение, а от пророков с момента возникновения христианства требовалось непременно обладание «нравом Господа».

В основе старчества, представляемого высшим из духовных подвигов человеческих, лежит стремление к достижению чистейшего мышления без помощи слов и иных символов. Вся внутренняя, духовная жизнь старца концентрируется на единой и всеобъемлющей божественной идее.

Достичь понимания этой идеи непросто. Даже для того чтобы хотя бы немного приблизиться к ней, необходимо полное самопознание, доскональное изучение самых малейших, самых незначительных движений собственной души. Самопознание это, называемое идеологами старчества «изошренным систематическим самонаблюдением», достигается путем послушания и уединения, позволяющих произвести всеобъемлющий анализ составляющих греха и добродетели, изучение помыслов.

В старчестве понятие помысла является стержневым, ибо наблюдение, различение и контроль над помыслами составляют главную задачу любого старца, лежат в основе его аскетического подвига.

Различение помыслов, иначе говоря — отделение добра от зла, дается непросто. Этот, без всякого преувеличения, подвиг весьма труден и достигается путем истинного благоразумия и трезвого рассуждения, способностей, приобретаемых старцем не столько из книг, сколько из собственного опыта.

Понятие опыта в старчестве поистине бесценно. Без опыта нет старца, подобно тому, как без семян не бывает всходов. Опыт есть то духовное зерно, которое прорастает при помощи благодати Божией и дает поистине изумительные, чудесные плоды. Благодати, ниспосланной свыше, которую можно снискать лишь праведной жизнью.

Благодать — это праведность, благодать — это искренность, благодать — это чистота помыслов. Из понятия благодати вытекает понятие наставничества, духовного руководства, учительства.

Наставничество немислимо без послушания, которое непременно должно быть всеобъемлющим, целостным, безотлагательным и безукоризненно точным. Считается, что послушание стоит выше подвижничества и духовной чистоты, поскольку оно, по выражению одного из великих старцев, отца Моисея, рождает смирение и приносит терпение, великодушие, сокрушение, братолюбие и любовь, что «суть воинственные оружия наши».

Любовь, порожденная послушанием, поистине безгранична и бесценна. «Любовь стремительна, искренна, благоговейна, приятна, сильна, терпелива, верна, благоразумна, великодушна, мужественна, никогда не ищет самой себя, ибо как скоро человек начинает думать о своих выгодах — так перестает любить, — писал старец Гавриил. — Любовь осторожна, смиренна и прямодушна, она не изнеженна, не легкомысленна, не гонится за суетой, трезвенна, целомудренна, непоколебима, стойка, спокойна, бдительна над чувствами своими. Любовь послушна и почтительна к высшим, себя не вменяет ни во что, предана Богу и всегда Ему

благодарна». «Какое наслаждение — любовь, — писал в одном из своих писем святитель Игнатий Брянчанинов. — Пишу к вам и на языке моем чувствую какую-то особенную сладость. Это сладость древа райского». Он также называл любовь «печатью души, способной для неба». Считается, что враг-искуситель может подражать посту и бдению, но никогда не в силах изображать смирение и любовь.

Оптинский старец Макарий в письме двум духовным сестрам своим, живущим в монастыре, указывал на неразрывную связь любви и смирения. «Любовь без смирения не может быть прочна и тверда, — писал он. — Я заметил в письмах ваших: обе вы лишались мира, каждая в свою очередь ни от чего другого, как от самолюбия; а уже смирению тут не только места не было, но и далеко отгонялось... Не смущайтесь и о том, — пишет он в своих письмах дальше, — что подвижутся в вас страсти: надобно, чтобы была работа и труд; покой рано иметь, он еще не приобретен; все, что скоро и без труда приобретается, непрочно бывает».

В составленном Игнатием Брянчаниновым «Отечнике», повествующем о жизни великих старцев, сказано: «И ныне рабы Христовы сподобляются видеть различные духовные видения, которым некоторые не верят, никак не хотят признать их истинными, но признают прелестью, и видящих считают прельстившимися. Очень удивляюсь, как эти слепотствующие душою не веруют благодати Духа... Эту благодать и ныне подают Христос и будет подавать даже до кончины мира по обетованию Своему верным рабам Своим».

Считали «прельстившимся», то есть обманутым (а то и обманщиком) и Григория Распутина. Привычка объявлять непостижимое ложным очень глубоко укоренилась в людях. Оно и понятно — так ведь проще.

«Из всей церковной истории не известно, чтобы мирянин, не монах, не прошедший искуса в послушании у подлинно духовного старца, мог иметь в таком молодом возрасте чрезвычайные благодатные дары прозорливости и исцелений, — писал о Распутине его недруг епископ Дионисий. — Для сравнения можно сослаться на истинных святых, почти современников Распутина, старцев Оптинских, стяжавших обильные дары Св. Духа. Девство, пост, строгое послушание в благоустроенной обители под руководством неложного духоносного руководителя, удаленность от мирских соблазнов и при этом долгие годы борьбы со страстями, с помыслами, искушениями, годы скорбей — и лишь после всего этого особые духовные дары, подаваемые ради служения ближним, и то далеко не всякому подвижнику».

Дабы не казаться пристрастным, Дионисий допускает ряд оговорок:

«Известны из истории Русской Церкви носители особых дарований духовных из чина юродивых Христа ради, например, такие, как бл. (блаженная. — А. Ш.) Ксения Петербургская или Паша Саровская. Но и такие рабы Божие стяжали свои духовные дары долгими годами жестокого аскетического жития, через поношения от Мира сего, считавшего их безумными. Надо сказать, что уже в XIX веке подлинные юродивые Христа ради почти исчезли, зато размножились лже-юродивые, духовно прельщенные или самозванцы.

Определенное исключение из этого правила святости составлял св. Иоанн Кронштадтский, который формально не был монахом и не имел своим духовным руководителем старца. Поэтому он вызывал при жизни, особенно в начале своего подвига, настороженное и даже подозрительное отношение со стороны церковной иерархии, в том числе и такого высоко духовного человека, как св. Феофан Затворник. Но о. Иоанн был девственником и проводил строго аскетическую жизнь втайне».

Поиски Григорием Распутиным мудрых наставников не могли оказаться безуспешными, ведь сказано: «Ищущий да обрящет». Преподобный Симеон Богослов учил: «Молитвами и слезами умоли Бога показать тебе человека, который бы мог хорошо упасти тебя». И еще говорил он: «Лучше называться учеником ученика, а не жить самочинно и обирать бесполезные плоды своей воли».

Душа Распутина, жаждавшая истины, откровения, словно губка впитывала все те знания, которые ей предоставляла жизнь. Неграмотный крестьянин постепенно превращался в умудренного богатым жизненным опытом старца, человека, продвинувшегося в постижении сокровенного знания и делящегося своим знанием, своим даром с другими людьми. В простодушной доверчивой доброте своей Распутин нередко забывал о словах из Писания, гласящих: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (*Матф.7:6*), что дало повод недоброжелателям упрекать его в своекорыстии. Распутин не любил оправдываться, то ли считая это ниже своего достоинства, то ли попросту возвышаясь над суетным. Он только говорил: «Все человеку простится... и воровство, и убийство, и блуд, а лицемерие — никогда».

«Бог есть любовь, Бог есть правда, Бог есть природа, Бог есть радость и веселье» — вот каков был религиозный идеал старца Григория Распутина. Святость он связывал с любовью, правдой и радостью, а не с сухой и изнурительной монашеской аскезой, в которой умерщвление плоти, доставляющее человеку незаслуженные страдания, часто приводило не к

святости, а к гордыне и оттуда прямиком в сети к дьяволу.

Распутин никогда не отделял религию от радости. «Молиться Богу можно в танце так же хорошо, как и в монастыре, хвалить Его в радости за то добро, что Он создал, — утверждал он. — И царь Давид танцевал перед ковчегом Господа. — И уточнял: — Нет, Бог веселым от рая не откажет, а наипаче их возлюбит, но только веселиться нужно во Господе».

Веселиться во Господе, во славу Божию.

Распутин всегда выступал против всех видов самоистязаний, как нравственных, так и телесных. Светлая душа его не принимала долгих паломничеств, изнурительных постов, надуманных ограничений и вообще всяческих крайностей. «С большого поста, — писал он, — нервы расстраиваются и не хочет человек разговаривать ни с кем, все кажутся в очах его из грешников грешники... Вот где нас добыл враг, где нам поставили сети: в посте, в молитве, достал нас чудотворцами, и явилась у нас на все прелесть, тут-то мы забыли дни и ночи, и евангельское слово отстоит далеко от нас».

Старец Григорий призывал ближних своих держаться во всем разумной середины: не пренебрегать молитвами да постами, но и не изнурять себя ими. Он советовал «брать пример самый легкий с животных, с лошадей: посмотри, если на сытой лошади поедешь — она убьет, а на голодной — устанет, держись середины — тогда не убьет, не пристанет, а как раз добежит до столба. Так и молиться надо». Распутин предостерегал людей от составления ложного мнения о своей святости, напоминая о несовершенстве человеческой природы: «Нет святых на земле, пока человек жив, он грешен».

Взращенный в лоне православного христианства, Распутин исповедовал весьма редкий для того времени экуменизм. Он утверждал, что все религии являют собой не что иное, как разное восприятие одного и того же Бога и разное по способам служение ему. Поистине великая прозорливость. «Триста вер в свете — триста истин... У каждого человека в душе своя библия, — простодушно, наивно, но убежденно писал Распутин. — Я вот убедился в том, что платье у турок такое же, как у христиан и евреев... Сначала уничтожили это различие, а потом и на веру перейдет... сначала на одежду прельстятся все инородцы, а потом из них будет Единая Церковь».

Загадочный дар Григория Распутина был настолько велик, что даже упоминавшийся здесь следователь Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима Смиттен писал о нем, основываясь на

сотнях свидетельских показаний: «Почти всегда общение с ним вносило подъем, интерес, а в скорбную душу — бодрость, надежду, утешение и даже радость. Как умный и чуткий человек, он умел расшифровывать чужое страдание и иногда несколькими вовремя сказанными словами, каким-нибудь сравнением ослабить или даже совсем изъять его из души».

Целитель и знаток душ человеческих, он не мог остаться незамеченным как простыми людьми, так и сильными мира сего.

«Весь облик отца, его поведение, манера говорить, сам ход его мыслей мало вязались с традиционными представлениями о старцах — благостных, спокойных (прежде всего — спокойных!), — писала Матрена Распутина. — Он был новый тип, рожденный самим временем. Новый — это очень важное объяснение. Однако оно нуждается в дополнении, которое никто до сих пор так и не сумел или не осмелился сделать. Мой отец действительно был старцем, но только старцем, которому не был чужд мир, старцем, помыслами живущим на земле. Он был мирской со всех точек зрения. Он знал секрет — как спастись в этой жизни».

Глава четвертая. Восхождение

Поэт Николай Гумилев в своем стихотворении «Мужик» не упоминал имени Григория Распутина, но всем и так было ясно, о ком идет речь. Подобно большинству монархистов, Гумилев видел в Распутине корень всех бед Российской империи.

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.
Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль...
В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси
Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.
Как не погнулись — о, горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?..

Кресты на Казанском и Исаакиевском соборах стоят на своих местах и поныне.

Золотой крест с монограммой «Н» («Новый»), подаренный царем и царицей Распутину, где-то затерялся.

Царица «необозримой Руси» пережила «обворожившего» ее мужика ненамного. Все герои этой книги давно ушли в небытие, став частью истории. Весьма любопытной, надо заметить, ее частью.

До сих пор не смолкают споры о том, кем был загадочный сибирский

старец.

Святым?

Дьяволом?

Или, по выражению иеромонаха Илиодора, и тем, и другим — святым дьяволом?

Все началось с купчихи-миллионерши Башмаковой, о которой сам Распутин говорил так: «Простая душа. Богатая была, очень богатая и все отдала... Новое наследство получила, но опять все раздала... И еще получит, и опять все раздаст, такой уж человек». Они познакомились в 1903 году на богомолье в Абалакском монастыре.

Именно с Башмаковой и началось восхождение Григория Распутина к высотам поистине заоблачным.

Духовное утешение, полученное Башмаковой от Григория, было настолько велико, что она привезла его в Казань, где познакомила со многими влиятельными людьми, в числе которых был и викарный епископ Казанской епархии Хрисанф. Распутин произвел на казанское высшее общество сильное впечатление — настолько сильное, что Хрисанф дал ему рекомендательное письмо к ректору Петербургской Духовной академии епископу Сергию.

Небывалый, неслыханный, поистине невозможный случай! Невесть откуда появившийся мужик ни с того ни с сего получает от одного из влиятельных иерархов Православной церкви рекомендательное письмо к другому, еще более влиятельному!

Можно, конечно, заподозрить, что рекомендация эта была просто куплена Башмаковой для ее обожаемого старца Григория, но эта версия не выдержит критики. Посудите сами, разве мог викарный епископ Казанской епархии рекомендовать ректору Петербургской Духовной академии заведомого шарлатана, пусть даже и за мзду? Подобный поступок был бы чреват весьма нежелательными для епископа Хрисанфа последствиями, не говоря уж о том, что он выставил бы себя на всеобщее посмешище, ведь кому, как не иерархам, положено «отделять зерна от плевел».

Можно сказать, что Григорий Распутин стал пешкой в заговоре отцов Православной церкви, пожелавших отвратить императора и императрицу от чужеземных шарлатанов, подсунув шарлатана отечественного, доморощенного. Эту версию очень любили большевики, пришедшие к власти в результате блестяще спланированной и великолепно выполненной операции германского Генерального штаба. Однако с одной стороны, этот самый «заговор иерархов» ничем и никем не подтвержден, а с другой стороны, Григорий Распутин был далеко не единственным православным

отечественным странником и прорицателем, которого привечали как в Петербурге, так и при дворе. Достаточно вспомнить хотя бы небезызвестного Митю Козельского или юродивую Матрену по прозвищу «босоножка».

Вне всякого сомнения, причина, по которой Хрисанф дал Распутину рекомендацию, могла быть только одна — он действительно был изумлен чудесными способностями старца (в то время только миновавшего возраст Христа), убедился в божественной природе его дара и понимал, что столь интересная и самобытная личность заслуживает столичного внимания.

Немалую роль в формировании благоприятного отношения к Григорию Распутину сыграло благоволение к нему весьма известного своей праведностью и почитаемого в народе старца Гавриила из Седмиезерского скита.

Судьбы Гавриила и Григория Распутина несколько схожи. Подобно Распутину, Гавриил совершил в молодые годы паломничество в Верхотурский монастырь и получил от святого Симеона Верхотурского исцеление от своих болезней. Подобно Распутину, Гавриила хорошо знали в Петербурге — великая княгиня Елизавета Федоровна была частой гостьей седмиезерского старца. Подобно Распутину, Гавриил обладал даром исцеления, чему сохранилось множество свидетельств.

Старец Гавриил рассказывал, что, узнав о предстоящей поездке Распутина в Петербург, он подумал про себя: «Пропадешь ты в Петербурге, испортишься ты в Петербурге», — в ответ на что Распутин, словно прочитав его мысль, сказал: «А Бог? А Бог?»

Впоследствии пути их разошлись. Разошлись настолько, что, попав под влияние врагов Распутина, Гавриил однажды сказал о нем: «Убить его что паука: сорок грехов простится...» Об этой столь нехарактерной в своей резкости для старца Гавриила фразе, сказанной им великой княгине Елизавете Федоровне, известно из книги епископа Варнавы «Тернистым путем к небу». Правда, сам автор сказанного не слышал, а писал о нем со слов старца Зосимовой пустыни Алексия (того самого, который при избрании Патриарха на Поместном соборе 1917–1918 годов вынул жребий, указавший на святителя Тихона).

Великая княгиня Елизавета Федоровна постоянно посещала Зосимову пустынь для молитвы и исповеди у старца Алексия. Кроме вытягивания патриаршего жребия иеромонах Алексей был известен своим призывом к верующим молиться за безбожную, атеистическую по своей идеологии Советскую власть. «Только благодать молитвы может разрушить ту стену вражды и ненависти, которая встала между Церковью и советской властью.

Молитесь — может быть, благодать молитвы пробьет эту стену», — сказал Алексей в 1927 году.

Итак, в 1904 году Григорий Распутин отправился в Петербург с рекомендательным письмом епископа Хрисанфа в кармане. Ехал он добывать денег для постройки новой церкви в родном селе Покровском. Сам Григорий писал об этом так: «Я простой мужичок, когда вообще благодетелей искал, ехал из Тобольской губернии с одним рублем, посматривая по дороге по Каме, как господа лепешки валяли в воду, а у меня и чайку нет на закладку. Как это было пережить! Приезжаю в Петербург... выхожу из Александрово-Невской лавры, спрашиваю некоего епископа Духовной академии Сергия. Полиция подошла: „какой ты есть епископу друг, ты — хулиган, приятель“. По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу; епископ признал меня, увидел, и вот мы стали беседовать тогда. Рассказывал мне о Петербурге, знакомил с улицами и прочим, а потом с Высокопоставленными, а там дошло и до Батюшки Царя, который оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм».

Кто-то из биографов Распутина полностью верит этому трогательному рассказу, кто-то опровергает его, утверждая, что Распутин, имевший столь вескую рекомендацию, беспрепятственно получил аудиенцию у ректора Петербургской Духовной академии епископа Сергия.

Есть расхождения и в личности иерарха, познакомившего Распутина с «царем-батюшкой». Если по рассказу самого Григория можно подумать, что эту миссию выполнил епископ Сергий, то многие современники настаивали на том, что в императорский дворец Распутина ввел епископ Феофан. И утверждали это в один голос весьма авторитетные люди.

«Распутина ввел во дворец весьма умный иерарх Церкви епископ Феофан, — писал камергер и товарищ (заместитель) министра внутренних дел Владимир Гурко. — Личность преосвященного Феофана стяжала себе всеобщее уважение своими прекрасными душевными качествами. Это был чистый, твердый и христианской веры в духе истого православия и христианского смирения человек. Двух мнений о нем не было. Вокруг него низкие интриги и происки иметь места не могли бы, ибо это был нравственный и убежденный служитель алтаря Господня, чуждый политики и честолюбивых запросов.

Тем более непонятным и странным покажется то обстоятельство, что к императорскому Двору именно им был введен Распутин», — вторит ему

крупный помещик, бывший председателем Государственной думы, Михаил Родзянко.

«В сферу личной жизни Императрицы вошел Распутин. Она не искала его. Он был введен к Ней архиепископом Феофаном, указавшим на него как на „старца“, на котором почиет благодать Божия», — писал саратовский губернатор П. П. Стремоухов.

«Сам человек глубоко религиозного настроения, широко известный своей аскетическою жизнью и строгостью к себе и к людям, Епископ Феофан... долго присматривался к Распутину и вынес затем убеждение, что он имеет перед собой, во всяком случае, незаурядного представителя нашего простонародья, который достоин того, чтобы о нем услышала Императрица, всегда интересовавшаяся людьми, сумевшими подняться до высоты молитвенного настроения.

Впоследствии Преосвященный Феофан глубоко разочаровался в Распутине и до самого последнего времени искренно скорбит об оказании ему поддержки.

Императрица разрешила Епископу Феофану привезти Распутина в Царское Село и, после краткой с ним беседы, пожелала не ограничиться этим первым свиданием, а захотела ближе узнать, что это за человек», — писал в эмиграции В. Н. Коковцов, бывший в 1911–1914 годах российским премьер-министром.

Сохранились свидетельства не только светские, но и церковные.

«Архимандриту Феофану, человеку высокой подвижнической жизни, Распутин показался религиозно значительной, духовно настроенной личностью, и он вовлек в знакомство с ним Саратовского епископа Гермогена, который с ним и подружился. Архимандрит Феофан был духовником великих княгинь Милицы Николаевны и Анастасии Николаевны („черногорок“); к ним Распутина он и привел, а они ввели его в царскую семью», — писал в своих воспоминаниях митрополит Евлогий.

«Но к несчастью царицы, этот ученый аскет оказался на практике совершенно неопытным в духовной жизни. Он не умел познавать подлинное состояние души человеческой. Он сам долгое время верил в Г. Е. Распутина как истинного подвижника, молитвенника и прозорливца. Это первая ошибка епископа Феофана. После такой рекомендации не малообразованного духовника, а магистра богословия, епископа и духовника, которому верили, как же было не поверить, особенно Императрице, так жаждавшей истинного духовного утешения после перенесенных безпримерных скорбей. Первое время епископ Феофан бывал во Дворце вместе с рекомендованным им старцем из крестьян,

который загадочными словами сумел произвести хорошее впечатление», — писал игумен Серафим.

И даже поэтесса Зинаида Гиппиус не осталась в стороне: «... несчастного еп. Феофана... толкнул злой дух направить сибирского „старца“ в дом Романовых».

«Толкнул злой дух» — именно так, а не иначе.

Несмотря на столь великое множество свидетельств, сам преподобный Феофан отрицал свое участие в знакомстве Григория Распутина с царской семьей. Он писал: «Каким образом Распутин познакомился с семьей бывшего императора, мне совершенно не известно. И я решительно утверждаю, что в этом я никогда ему ничем не содействовал. Догадываюсь, что Распутин проник в царскую семью не совсем прямым путем... Сам Распутин об этом не говорил никогда, несмотря на то, что он вообще достаточно разговорчив... Я замечал, что у Распутина было сильное желание попасть в дом бывшего императора и что проник он туда против воли великой княгини Милицы Николаевны. Сам Распутин признавался мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей».

Существует версия, согласно которой Распутина ввели во дворец черногорские княгини Милица Николаевна и Анастасия Николаевна, которые были очень близки к императрице. Они были дочерьми черногорского князя Николая Негоша, еще в детстве привезенными в Россию и отданными на воспитание в Смольный институт. Впоследствии обе сестры оказались замужем за великими князьями, Анастасия за Николаем Николаевичем, а Милица за Петром Николаевичем, и стали подругами императрицы Александры Федоровны (тогда еще Алисы Гессенской), сразу же по ее приезде в Россию. «Великая княгиня Милица Николаевна была очень начитана, — вспоминал Феофан, знакомый с обеими сестрами, — знала святоотеческую, мистическую и аскетическую литературу и издала даже собственный труд — „Избранные места из святых отцов“».

Эта версия известна в первую очередь благодаря секретарю Распутина, Арону Симановичу, который в своей известной книге «Распутин и евреи» писал: «Распутин появился за девять лет до начала великой войны, и дальнейшие события я буду передавать по рассказам самого Распутина. Великая княгиня Анастасия, супруга Николая Николаевича, и ее сестра Милица отправились на богомолье в Киев. Они остановились в подворье Михайловского монастыря. Однажды утром они на дворе монастыря заметили обыкновенного странника, занятого колкой дров. Он работал для

добывания себе пропитания. Это был Распутин. Он уже посетил много святых мест и монастырей и находился на обратном пути своего второго путешествия в Иерусалим.

Распутин пристально посмотрел на дам и почтительно им поклонился. Они задали ему несколько вопросов, и таким образом завязался разговор. Незнакомый странник показался дамам очень интересным. Он рассказывал о своих странствованиях по святым местам и о своей жизни. Он много видел и пережил. Два раза он пешком проделал далекую дорогу из Тобольска в Иерусалим и знал все знаменитые большие монастыри, а также мог многое рассказать о знаменитых монахах. Его рассказ привлекал высокопоставленных дам, и его повествования на религиозные темы импонировали им. Первое знакомство закончилось приглашением его на чай.

Распутин вскоре воспользовался приглашением. Великие княгини, которые свою поездку на богомолье совершали инкогнито, сучали, и рассказы Распутина доставляли им развлечение, которого им не доставало. Поэтому они радовались видеть в своих покоях своеобразную характерную фигуру Распутина.

Распутин рассказывал своим новым знакомкам, что он простой человек из села Покровского, Тобольской губернии... Далее Распутин рассказывал, что хотя он человек и необразованный, еле разбирающий грамоту, он часто на железнодорожных станциях и паромных пристанях проповедует народу. Он гордился своим проповедническим талантом и утверждал, что ему нетрудно побороть даже ученых миссионеров и богословов. В особенности он подчеркивал свое знание „церковного права“, но трудно было уяснить, что он понимает под церковным правом. Во всяком случае, несомненно одно, что Распутин своими религиозными познаниями приводил в изумление даже епископов и академически образованных богословов.

Посещения Распутиным петербургских дам становились все чаще. Они охотно с ним встречались, угощали его и относились к нему весьма любезно. В личности Распутина было что-то, что привлекало людей к нему. В особенности дамы, сами того не замечая, легко попадали под его влияние.

Когда Распутин узнал, кто его новые знакомые, он в особенности постарался заручиться их расположением, значение которого для него сразу стало ясным. Конечно, он в то время еще и не предвидел, какая значительная роль ему предначертана при царском дворе, но сразу сообразил, какие блестящие возможности ему открываются.

Распутин сообщил дамам, что он обладает способностью излечивать все болезни, никого не боится, может предсказать будущее и отвести предстоящее несчастье. В его рассказах было много огня и убедительности, и его серые пронизывающие глаза блестели так суггестивно, что его слушательниц охватывало какое-то восхищение перед ним. Они проявляли перед ним какое-то мистическое поклонение.

Легко поддающиеся суеверию, они были убеждены, что перед ними чудотворец, которого искали их сердца. Одна из них спросила его как-то вечером, может ли он излечить гемофилию. Ответ Распутина был утвердительным, причем он пояснил, что болезнь эта ему хорошо известна, и описал ее симптомы с изумительной точностью. Нарисованная картина болезни вполне соответствовала страданиям цесаревича.

Еще большее впечатление оставило его заявление, что он уже излечил несколько лиц от этой болезни. Он называл также травы, которые для этого применялись им. Дамы были счастливы, что им представляется возможность оказать царской чете громадную услугу излечением ее сына.

Они поведали Распутину о болезни наследника, о которой в то время в обществе еще ничего не было известно, и он предложил излечить его. Таким образом завязался узел, развязка которого последовала лишь убийством чудотворца и бурями второй революции. Началось царствование Распутина».

Одна из придворных дам императрицы, Мария Густавовна Тютельберг, достаточно долго прослужившая при Александре Федоровне, также рассказывала, что именно Анастасия Николаевна указала императрице на Распутина как на человека, имеющего особую силу исцелять своей молитвой.

Впервые увидев Распутина, Мария Тютельберг с пренебрежением отозвалась о нем как о простом, необразованном мужике и услышала в ответ от императрицы, что Христос набирал учеников не из ученых богословов, а из простых мужиков — рыбаков и плотников.

Если с обстоятельствами знакомства Григория Распутина и императорской семьи далеко не все ясно, то относительно основной причины расположения к нему царя и царицы сомнений быть не может. Все современники и биографы сходятся на том, что Григорию Распутину удалось достичь столь почетного положения при дворе в первую очередь благодаря умению оказывать помощь тяжело больному наследнику российского престола, несчастному царевичу Алексею.

Стипендиат (что-то вроде аспиранта) Петербургской Духовной академии Федченков, будущий митрополит Вениамин, хорошо знавший

Распутина и даже редактировавший по поручению императрицы его краткую автобиографию, вспоминал о своей первой встрече с таинственным сибирским старцем на квартире у ректора, происходившей в присутствии двух епископов — Сергия и Феофана: «Распутин сразу произвел на меня сильное впечатление как необычайной напряженностью своей личности (он был точно натянутый лук или пружина), так и острым пониманием души... И конечно, он этим производил большое впечатление на людей. Епископ Сергей, однако, не сделался его почитателем. И кажется, Распутин никогда больше не посещал его... Но зато о. Феофан всецело увлекся пришельцем, увидев в нем конкретный образ „раба Божия“, „святого человека“. И Распутин расположился к нему особенно. Начались частые свидания их. Я как один из близких почитателей о. Феофана тоже уверовал в святость „старца“ и был постоянным слушателем бесед его с моим инспектором. А говорил он всегда очень остроумно. Вообще, Распутин был человек совершенно незаурядный и по острому уму, и по религиозной направленности. Нужно было видеть его, как он молился в храме: стоит точно натянутая струна, лицом обращен к высоте, потом начнет быстро-быстро креститься и кланяться».

Вениамин очень метко и образно сравнивал Распутина с горящим факелом, внезапно появившимся среди охладевших сердцем и душой верующих людей. «Какого он духа, качества, мы не хотели, да и не умели разбираться, не имея для этого собственного опыта, — писал он. — А блеск новой кометы, естественно, привлек внимание».

Как непохожи эти слова на мнение председателя Государственной думы М. В. Родзянко, писавшего о Распутине: «Это был, еще до появления его в Петербурге, субъект, совершенно свободный от всякой нравственной этики, чуждый добросовестности, алчный до материальной наживы, смелый до нахальства и не стесняющийся в выборе средств для достижения намеченной цели».

Навряд ли Родзянко был объективен. Достаточно вспомнить, что один из убийц (и вдобавок — организатор убийства) Григория Распутина, князь Феликс Юсупов, приходился ему племянником. Даже такой ярый враг Распутина, каким стал саратовский епископ Гермоген, писал о нем вскоре после его трагической гибели: «Он обладал известной внутренней чуткостью, умел проявить участие, и скажу откровенно, я это испытал на себе: он не раз отвечал на мои сердечные скорби. Этим он покорила меня, этим же — по крайней мере, в начале своей карьеры, — покорял и других».

Поэтому не стоит вслед за Родзянко считать Григория Распутина примитивным шарлатаном или авантюристом. Распутин был незаурядным

человеком, на деле обладавшим особыми, поистине мистическими духовными способностями. И дома, и в странствиях, и в столице, и при дворе он оставался самым собой — человеком, ищущим Бога, странником, исповедующим любовь. «Много, много я кое-где был, бывал у сановников и офицеров и князей даже, пришлось Романовское поколение видеть и быть в покоях Батюшки Царя, — писал Распутин. — Везде нужна подготовка, и смирение, и любовь. Вот и я ценю, что в любви пребывает Христос, то есть неотходно есть на тебя благодать — только бы не искоренилась любовь, а она никогда не искоренится, если ставить себя невысоко, а любить побольше. Все ученые и знатные бояре и князья слушают от любви слово правды, потому что если в тебе любовь есть — ложь не приблизится».

Разумеется, знакомство со столичной жизнью не могло пройти для Распутина бесследно. Он был поражен Петербургом, столь непохожим на глухое таежное село, в котором ему довелось родиться. «Город ему не понравился, — писала об отце Матрена Распутина. — Потом он говорил мне, что ему душно здесь. Нежелание свое сразу уехать обратно объяснил так: „Меня держит здесь“».

Арон Симанович говорил о Распутине: «Он оставался в столице беспомощным и чужим. Несмотря на свою близость к царской семье, он оставался одиноким. Его могучий и чувственный темперамент требовал сильных и возбуждающих переживаний.

Он любил вино, женщин, музыку, танцы и продолжительные и интересные разговоры. При царском дворе он этого ничего не имел. Во дворце велась совершенно особая жизнь, и творившиеся там человеческие низости оставались скрытыми под маской притворства и кажущейся добродетели».

Глава пятая. Император и императрица

Власть самодержавного монарха, не ограниченного никем и ничем, поистине огромна. Он по своей воле назначает и смещает министров и прочих высших чиновников, полностью руководя их действиями, заключает договоры с другими правителями, дает подданным законы, наказывает и милует...

Короче говоря — правит как хочет. Правит как может. У кого-то это получается хорошо, у кого-то — не очень.

Николай II, последний царь из династии Романовых, был далеко не самым лучшим правителем в истории государства Российского. Интеллигентный, слабохарактерный человек самых заурядных способностей. Перефразируя слова Григория Распутина о священниках, можно сказать: «Ему бы в исправники, а он царем стал». Николай II, как вспоминал придворный генерал Мосолов, «по природе своей был весьма застенчив, не любил спорить, отчасти вследствие болезненно развитого самолюбия, отчасти из опасения, что ему могут доказать неправоту его взглядов или убедить других в этом».

Секретарь Распутина Арон Симанович, бывший лично знакомым с последним российским императором, оставил нам весьма яркую и обстоятельную характеристику Николая II. «В сущности, я Николая II всегда жалел, — писал Симанович. — Без сомнения, он был глубоко несчастный человек. Он никому не мог импонировать, и его личность не вызывала ни страха, ни почтения. Он был заурядным человеком. Но справедливость все-таки требует подтвердить, что при первой встрече он оставлял глубоко обаятельное впечатление.

Он был прост и легко доступен, а в его присутствии совершенно забывался царь. В своей личной жизни он был чрезвычайно мало требователен. Но его характер был противоречив. Он страдал от двух недостатков, которые в конце концов его погубили: слишком слабая воля и непостоянство.

Он никому не верил и подозревал каждого. Распутин передавал мне как-то следующее выражение царя: „Для меня существуют честные люди только до двух годов. Как только они достигают трехгодичного возраста, их родители уже радуются, что они умеют лгать. Все люди лгуны“. Распутин на это возражал, но безуспешно.

Вследствие этого и царю никто не верил. Николай II во время

разговора казался очень внимательным и предупредительным, но никто не мог быть уверенным, что он сдержит свое слово. Случалось очень часто, что приближенные царя должны были заботиться о выполнении им данного слова, так как он сам об этом не заботился. Николай жил в убеждении, что все его обманывают, стараются перехитрить и никто не приходит к нему с правдой. Это был трагизм его жизни.

Поэтому очень трудно было у него что-нибудь провести. В сознании, что он ненавидим собственной матерью и родственниками, он жил в постоянной боязни от двора Императрицы-матери, то есть так называемого старого Двора, об отношениях которого к царю предстоит еще речь. Он считал даже свою жизнь в опасности. Привидение дворцового переворота постоянно носилось перед его глазами».

Он опасался дворцового переворота, а надо было бояться революций.

Далеко не каждому по плечу тяжкий царский удел. Это в сказках царь сидит на троне и, топая ногами, изрекает свою монаршую волю, которую все окружающие стремглав кидаются исполнять. В действительности все обстоит гораздо скучнее. Управление государством — дело весьма и весьма непростое, требующее от правителя огромных ежедневных усилий.

Если ты самодержец — то изволь вникать во все вопросы. Выслушивай доклады своих министров, читай отчеты губернаторов, присутствуй на заседаниях Государственного Совета и Комитета министров или хотя бы регулярно просматривай их стенограммы, вникай в суть всего, отдавай приказы, раздавай указания...

И все время принимай решения, причем правильные, ибо неправильные решения монархов ни до чего хорошего не доводят. Разве что до гильотины на площади Революции в Париже или до подвала дома инженера Ипатьева в Екатеринбурге...

В возрасте двадцати шести лет Николай Александрович Романов стал восемнадцатым по счету царем из династии Романовых. Он правил Российской империей двадцать три года.

Начало его трагического царствования было омрачено катастрофой, произошедшей 18 мая 1896 года на Ходынском поле в Москве, где в ожидании раздачи подарков по случаю коронационных торжеств собралось свыше полумиллиона человек из падкого на всяческую халяву простонародья. Стояли с ночи в ожидании обещанного подарка — кулька с сайкой да оловянной кружки с двуглавым императорским орлом. Организации не было никакой, и в возникшей на рассвете давке погибло тысяча триста восемьдесят девять человек, были тяжело ранены две тысячи шестьсот девяносто и десятки тысяч получили ушибы и легкие увечья...

Известие о катастрофе Николай II практически проигнорировал. Один из премьер-министров его царствования, граф Сергей Витте писал: «В день ходынской катастрофы, 18 мая, по церемониалу был назначен бал у французского посла Монтебелло... Бал должен был быть весьма роскошным, и конечно, на балу должны были присутствовать император с императрицей. В течение дня мы не знали, будет ли отменен по случаю происшедшей катастрофы этот вечер или нет... Великий князь (дядя Николая II Сергей Александрович, занимавший пост московского губернатора. — А. III.) нам сказал, что многие советовали государю просить посла отменить бал, во всяком случае не приезжать туда, но что государь с этим мнением совершенно не согласен; по его мнению... ходынскую катастрофу надлежит игнорировать... К моему удивлению, празднества не были отменены, а продолжались по программе... Все имело место так, как будто бы никакой катастрофы и не было... Решено было случившуюся ужасную катастрофу не признавать, с ней не считаться».

Неудачное начало и еще более неудачное поведение молодого царя...

Его супругу Алису, Александру Федоровну, в родном Дармштадте считали неудачницей и даже дали ей соответствующее прозвище «пехтфогель». Поначалу она росла веселой девочкой, но когда ей было шесть лет, ее мать внезапно скончалась. Смерть матери наложила глубокий отпечаток на характер Алисы, изрядно его подпортив. Сочетание упрямства и набожности с желанием подчинить себе всех и вся сделали юную принцессу поистине невыносимой для окружающих. Невыносимой настолько, что гофмаршал Гессенского двора в приватной беседе с русским послом в Берлине заявил: «Какое счастье для Гессен-Дармштадта, что вы ее от нас забираете».

Еще будучи невестой, Аликс записала в дневник своего жениха: «Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты — любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви свою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты».

Послушаем графа Витте: «Когда в 1905 году государь принимал решения, которые я советовал не принимать, я несколько раз спрашивал его величество, кто это ему посоветовал. Государь мне иногда отвечал: „Человек, которому я безусловно верю“. И когда я однажды позволил спросить, кто сей человек, то его величество мне ответил: „Моя жена“».

«У всякого благоразумного проси совета, и не пренебрегай советом полезным» (Тов. 4:18), сказано в Писании. Императрицу Александру Федоровну вряд ли можно считать настолько сведущей в делах государственных, чтобы она могла стать своему мужу-самодержцу

полезной советчицей.

Император и императрица плохо знали свой народ, вернее — совершенно его не знали, будучи далеки от мыслей, чаяний и нужд подданных, но искренне верили, что народ и царь в России составляют единое целое. Умам их рисовалась умилительная классическая пастораль — помазанник Божий правит своим православным (и не только православным) народом.

Оба они считали, что «сердце царево — в руках Божьих», что между Богом и Его помазанником существует нерасторжимая мистическая связь и что не кто иной, как Бог, посылает царю знаки, руководящие его поступками.

Воля Божья могла изливаться с небес двояко — прямоком в сердце и душу монарха («Совесть моя меня никогда не обманывала», — утверждал Николай) или же достигать царя через «Божьих людей», далеких от страстей мирских и оттого близких к Богу праведников. Именно посредством «Божьих людей» и осуществлялась неразрывная связь самодержца со своим народом. Образно говоря, в этой системе, где император являл собой старшее начало, а народ был его любимым детищем, «Божьим людям» была уготована роль некоей условной пуповины, которую всячески пытались перерезать те, кто желал воспрепятствовать освященному самим Богом единству.

По мнению Николая Александровича и Александры Федоровны, единству царя и народа мешали две силы — аристократия и бюрократия.

Аристократы были чванливы, ленивы и алчны. Они ничего не давали государству, но требовали очень многого, уповая на древность своих родов и былые заслуги предков. Николай II терпеть их не мог, и в первую очередь неприязнь его распространялась на представителей высшей аристократии — своих дядюшек, которые вели себя с царственным племянником весьма грубо и бесцеремонно, а в государственную казну привыкли запускать свои хваткие руки столь же свободно, как и в собственные карманы.

Императрица за всю жизнь так и не смогла освоиться в петербургском свете. Поначалу робела и боялась насмешек, ввиду чего старалась держаться излишне высокомерно и от высокомерия этого не избавилась уже до самой смерти. Сливки имперской аристократии, среди которых было много таких, кто запросто мог перецеголять чванливую царицу родословной, невзлюбили жену Николая, что называется, «с первого взгляда», а поняв, что она полностью подчинила себе слабохарактерного супруга, постепенно распространили эту нелюбовь и на него.

Исправное рождение императрицей одних лишь девочек привело к

тому, что в свете пошли откровенные насмешки над «молодой царицею, рождающей со стенанием девицу за девицею». Стоит ли удивляться тому, что императорская чета жила обособленно, предпочитая шумному Петербургу уединенное и покойное Царское Село.

Круг приближенных императрицы был весьма узок. Вначале его составляли великие княжны Анастасия Николаевна и Милица Николаевна, с первых же дней знакомства пленившие сердце Алисы своим раболепием, а начиная с лета 1905 года императрица прониклась расположением к своей молоденькой фрейлине Анне Танеевой, некрасивой толстушке, похожей, по словам острого на язык графа Витте, «на пузырь от сдобного теста». Они сблизилась на почве общей любви к религии и музыке, так, во всяком случае, утверждала сама Анна. Вскоре после этого сближения Танеева стала Вырубовой — в 1907 году она вышла за лейтенанта Александра Вырубова, с которым в 1908 году разошлась.

Анна и ее мать объясняли столь скоропалительный развод психической болезнью мужа (мать Вырубовой характеризовала бывшего зятя как импотента и психопата с садистскими наклонностями). В свете же намекали на некую «особенную» близость, имевшую место между императрицей и ее молоденькой фрейлиной.

Впрочем, это Сергей Юльевич Витте в своих воспоминаниях писал, что «сама Аня Танеева некрасива, похожа на пузырь от сдобного теста», и говорил о ней как о «самой обыкновенной, глупой петербургской барышне, влюбившейся в императрицу и вечно смотрящей на нее влюбленными медовыми глазами со вздохами: „ах, ах!“ Сергей Марков, чья книга „Покинутая царская семья“ вышла в 1928 году в Вене, впервые увидел Вырубову в двенадцатилетнем возрасте и был просто пленен ею: „Внешне она была очень красивой женщиной, невысокого роста золотистой блондинкой с великолепным цветом лица и поразительно красивыми васильковыми синими глазами, сразу располагавшими к себе“».

На вкус и цвет, как говорится, товарищей нет. Однако об Анне Вырубовой сохранилось больше отрицательных, нежели положительных отзывов современников. Так, министр внутренних дел Протопопов был уверен, что Вырубова была «фонографом слов и внушений, всецело Распутину преданная, послушная и покорная».

Его коллега, министр А. Н. Хвостов считал, что «Вырубова — несчастная женщина, истеричка, недалекая, которая попала под гипнотическое влияние Распутина».

Учитель французского языка царских детей швейцарец Пьер Жильяр высказался довольно резко: «Ее Величество любила окружать себя людьми,

которые бы всецело отдавали ей самих себя, которые бы всецело отдавались ей и почти отказывались от своего „я“. Она считала таких людей преданными ей. На этой почве и существовала Вырубова. Вырубова была неумная, очень ограниченная, добродушная, большая болтушка, сентиментальная и мистичная. Она была очень неразвитая и имела совершенно детские суждения. Она не имела никаких идей. Для нее существовали только одни личности. Она была совершенно неспособна понимать сущность вещей — идеи. Просто были для нее плохие и хорошие люди. Первые были враги, вторые — друзья. Она была до глупости доверчива, и к ней проникнуть в душу ничего не стоило. Она любила общество людей, которые были ниже ее, и среди таких людей она чувствовала себя хорошо. В некоторых отношениях она мне представлялась странной. Мне она казалась (я наблюдал такие явления у нее) женщиной, у которой почему-то недостаточно развито чувство женской стыдливости... С Распутиным она была очень близка».

Разумеется, при желании Александры Федоровны ее отношения с аристократией могли бы измениться к лучшему, но властная императрица не могла и не хотела сделать первый шаг к сближению. Выпрыгнув из дармштадского захолустья в императрицы Российские, она еще больше прониклась чувством собственного величия и всю жизнь старалась поддерживать должную дистанцию с подданными.

Отношения со свекровью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, у Аликс не сложились. Обе хотели править балом, обе не желали уступать... Очень знакомая ситуация, встречающаяся во многих семьях. Вдобавок к прочим недостаткам Александра Федоровна была натурой чрезмерно экзальтированной, а точнее говоря — истеричной. Царственный супруг истерик не выносил и оттого быстро отвык спорить с женой.

Высокопоставленных имперских бюрократов император ненавидел за то, что они отнимали у него кучу времени, и отнимали, по его мнению, совершенно напрасно. Вдобавок они являлись барьером, отделявшим царя от его народа. С первых дней своего царствования Николай II мечтал установить через головы бюрократов прямую связь с народом, по примеру Павла I повесившего ящик для народных жалоб на стене своего дворца.

Бедный Павел, он плохо кончил...

Граф Витте вспоминал о том, как министр внутренних дел Дурново однажды спросил его мнение о молодом царе Николае II. «Я ответил, что... он совсем неопытный, хотя и неглупый, и он на меня производил всегда впечатление хорошего и весьма воспитанного молодого человека... На это

И. Н. Дурново мне заметил: „Ошибаетесь вы, Сергей Юльевич, вспомните меня — это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности“».

Справедливости ради следует заметить, что народа своего император на деле побаивался. Во время поездок по стране царя хорошо охраняли. Вот, например, приказ генерал-лейтенанта Иоахима фон Унтерберга, ответственного за безопасность высочайших особ во время их проезда через Тамбовскую губернию на богомолье в Саровскую пустынь: «1. Все строения, жилые и холодные, как на самом пути, так и на расстоянии десяти сажень в обе стороны от дороги, за двое суток до высочайшего проезда тщательно осматриваются комиссией, состоящей из полицейского и жандармского офицера, местного сельского старосты и двух понятых. Те строения, в которых нет особой надобности, опечатываются комиссией.

2. За сутки до проезда в каждый дом, находящийся по пути следования, помещаются два охранника.

3. Все выходящие на улицу окна или отверстия на чердаках заколачиваются.

4. При расстановке жителей на местах во время проезда все котомки как посторонних лиц, так и охранников, относятся на несколько десятков сажень в тыл охраны и там складываются, а разбираются лишь после высочайшего проезда.

5. Расходиться жители могут лишь с разрешения старшего полицейского офицера, когда последний экипаж скроется из виду. С раннего утра высочайшего проезда в попутных селениях все собаки должны быть на привязи, а весь скот загнан».

Такие же строгости вводились и при посещении высочайшими особами Первопрестольной. Вот отрывок из приказа, расклеенного по Москве и подписанного генералом Гершельманом: «Домовладельцам и управляющим домами вменяю в обязанность:

а) Ворота домов держать запертыми на замок с утра до проезда их величеств;

б) Ключ от ворот передавать старшему дворнику, занимающему место у ворот со стороны улицы;

в) В ворота пропускать исключительно живущих в домах, получивших право входа в квартиру, согласно особого списка, каковой надлежит представить заранее в 2-х экземплярах, оплаченных гербовым сбором;

г) Запереть на ключ в нижних этажах двери; выходящие на улицу окна иметь в нижних этажах закрытыми. В верхних этажах открытые окна разрешить только под личную ответственность владельца помещения;

д) Преградить доступ на чердаки и крыши, для достижения каковой цели вход на чердак, по предварительном осмотре членом особой комиссии, должен быть заперт и опечатан».

Примечательно, что в глубине души Николай II был убежденным фаталистом, смиренно воспринимавшим все неудачи и не предпринимавшим никаких решительных шагов по управлению государством. Искусством правления он не владел и не желал овладевать. Как-то раз император признался министру иностранных дел Сазонову: «Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу».

К столь откровенному заявлению прибавить нечего. Шестой частью земной тверди, что называлась Российской империей, правил случай.

Вот еще одно высказывание Витте: «Государь не терпит иных, кроме тех, кого он считает глупее себя».

Семейные дела императора заботили куда больше. Главной его мечтой было обзавестись наследником, будущим венценосцем. Он мечтал об этом, должно быть, столь же страстно, как и его английский коллега Генрих VIII, разве что не менял жен подобно Генриху — оставался верен своей «обожжаемой Аликс».

Императрица одну за другой родила трех девочек — великих княжон Ольгу, Татьяну и Марию. Долгожданного наследника все не было и не было...

Великая княгиня Милица Николаевна, дама весьма экзальтированная, открыла перед императрицей чарующий мистический мир, мир божьих людей и старцев, выходцев из простого народа, которым дана свыше особая, неимоверно великая сила.

Зерно упало на подготовленную почву — Александра Федоровна и Николай Александрович совместно загорелись идеей найти чудотворца-праведника, способного вымолить им сына у Бога.

За божьими людьми дело не стало. Тем более если они потребовались самому царю и его супруге.

Вначале во дворце появился некий Дмитрий Ознобишин, житель города Козельска, которого все звали просто Митей. Митей Козельским или Митей Гугнивым (речь Ознобишина была невнятной). Митя был настоящим, неподдельным юродивым. Он носил длинные распущенные волосы, одевался в истертую, всю в дырах и заплатках, рясу монашеского покроя и ходил круглый год босиком, опираясь на посох. Митя был бессребреником, он раздавал бедным все деньги, которые получал от почитателей. Поговаривали, что он обладает даром ясновидения и

предвидения. Феофан говорил: «„Блаженный Митя“ несомненно обладал даром ясновидения, в чем я мог убедиться на собственном опыте: при первом свидании со мною он прекрасно и точно обрисовал обстоятельства моей жизни... Им... поразительно точно был предсказан ход японской войны, в частности падение Порт-Артура».

14 января 1906 года император записал в своем дневнике: «Пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни. Он принес образ, написанный согласно видению, которое он имел. Разговаривали с ним около полутора часов».

Увы, Митины молитвы пропали втуне — императрица так и не родила мальчика.

Не помогла и пришедшая ему на смену Матрена-босоножка, юродивая пророчица (пророчества ее были столь невняты и бессвязны, что их никто не понимал). Матрена принесла императорской чете чудотворную икону, которая должна была поспособствовать рождению долгожданного сына.

Икона не помогла, и Матрена-босоножка исчезла из дворца так же внезапно, как и появилась.

Императрица уже было впала в отчаяние, но на помощь ей пришла все та же Милица — главный придворный знаток всего сверхъестественного. Она рассказала Александре Федоровне о некоем зарубежном чудотворце, мсье Филиппе из Парижа.

Филиппа пригласили в Россию. Он тут же приехал и произвел на императорскую чету самое благоприятное впечатление. Хотя бы тем, что, в отличие от Мити и Матрены, следил за собой и гладко выражался.

По-настоящему Филиппа звали Назьер Вашоль. Родился он в Лионе. Маленький, юркий, говорливый человек лет пятидесяти, черноволосый и черноусый, короче говоря — типичный француз. Подобно Григорию Распутину, он появился на свет в крестьянской семье. В возрасте двадцати трех лет бросил скучную торговлю в мясной лавке и предался оккультизму, на каковом поприще со временем приобрел определенную известность как целитель.

Большим поклонником мсье Филиппа стал русский военный атташе в Париже граф Муравьев-Амурский. Это он свел Филиппа с сестрами-черногорками Анастасией и Милицей.

Филипп представлялся предсказателем и врачевателем, а вдобавок уверял, что может общаться с умершими. Поговорил с императрицей по душам, показал несколько несложных спиритических фокусов и покориł ее окончательно.

Восторг жены не замедлил передаться мужу. Правда, кроме

императорской четы и сестер-черногорок, Филиппом никто не восхищался. Даже больше — двор откровенно потешался над ним. В конце концов забеспокоилась мать императора, вдовствующая императрица Мария Федоровна. По ее личной просьбе департамент полиции через свою агентуру в Париже занялся проверкой прошлого мсье Филиппа. Вскоре были получены неопровержимые доказательства того, что шустрый мсье не кто иной, как отъявленный авантюрист. В Москву был направлен детальный отчет, весьма неблагоприятный для Филиппа.

Императрица не поверила полученной информации, и ее венценосный супруг оказался не умнее жены. Он не понял, что со дня на день рискует стать посмешищем в глазах всей Европы, если не всего мира. Вместо того чтобы прогнать прочь мсье Филиппа, Николай II приказал в двадцать четыре часа уволить со службы агента, приславшего из Парижа отчет.

Слепая вера в чудеса доходила до пределов самых анекдотических. Так, например, князь Феликс Юсупов вспоминал рассказ своего отца, однажды встретившего во время прогулки в Крыму Милицу, ехавшую в экипаже с каким-то незнакомцем. Милица не ответила на вежливый поклон князя. Спустя несколько дней, при новой встрече, в ответ на удивленный вопрос Юсупова-старшего о причинах подобного поведения она заявила: «Вы не могли меня видеть, ведь я была с доктором Филиппом. А когда он надевает свою шляпу, он становится невидимым, и те, кто с ним, — тоже».

Вдовствующая императрица попробовала серьезно поговорить с сыном. Царь, редко перечивший своей матери, пообещал ей избавиться от Филиппа, но как известно, «ночная кукушка всегда дневную перекукует» — Александра Федоровна упросила мужа оставить Филиппа в покое. Она была беременна, и мсье обещал на сей раз рождение долгожданного мальчика...

В положенный срок императрица родила еще одну девочку, великую княжну Анастасию, но это событие не поколебало положения мсье Филиппа. Разве что, уступая настроениям, царившим при дворе, императорская чета начала видаться с шарлатаном, которого они промеж себя называли не иначе как «Нашим другом», тайно — во дворце Милицы Николаевны, расположенном на Знаменке.

Следующая беременность императрицы (тут уж мсье Филипп наверняка обещал, можно сказать — гарантировал мальчика) оказалась ложной. Такое случается у истеричных натур.

Поскольку о беременности императрицы, окончившейся ничем, было широко объявлено, то в народе, так и не дождавшемся обещанного прибавления в царской семье, тут же поползли слухи, что царица родила-де

неведомого уroda, чуть ли не исчадьe самого дьявола. Популярности императорской чете это, разумеется, не прибавило.

Филипп и тут вывернулся — убедил императрицу, что во всем виновата она сама, слабо верившая в чудо и прибегнувшая от сомнений своих к услугам акушеров.

Еще в бытность мсье Филиппа в Петербурге, не без помощи своего окружения и церковных иерархов, желавших приобщить императорскую чету к какому-нибудь русскому, православному чуду, Николай и Александра избрали себе в небесные покровители монаха Саровской пустыни Серафима, умершего в 1833 году и еще при жизни снискавшего себе великую подвижническую славу. Существовало предание о пророчестве Серафимом судеб будущих российских государей, согласно которому на царствование Николая II должны были вначале приходиться всяческие беды, вплоть до войны и смуты, но вторая половина его обещала быть благополучной.

Николай II (конечно же — не без участия супруги) настолько проникся расположением к старцу Серафиму, что в 1902 году предложил Победоносцеву, всесильному обер-прокурору Святейшего Синода, представить ему указ о провозглашении Серафима Саровского святым и имел твердость настоять на своем решении.

Семнадцатого июля 1903 года Николай II и обе императрицы — вдовствующая и замужняя, в сопровождении членов императорской фамилии и большой свиты прибыли в Саров. На следующий день при скоплении огромного количества (трехсот тысяч!) богомольцев, собравшихся чуть ли не со всей Руси, состоялось торжественное прославление Преподобного Серафима Саровского. Императрица в своем рвении дошла до того, что той же ночью купалась в пруду, где, по сведениям современников, ежедневно, невзирая на погоду и время года, омывался святой Серафим.

«Что касается святости и чудес святого Серафима, — говорил впоследствии Николай II, — то уже в этом я так уверен, что никто никогда не поколеблет мое убеждение. Я имею к этому неоспоримые доказательства». Доказательства и впрямь были веские — 30 июля 1904 года, ровно через 12 месяцев и 12 дней (Александра Федоровна была буквально помешана на мистическом значении цифр и не могла не оценить подобного совпадения) после молитв у гроба святого и купания в пруду, императрица наконец-то родила долгожданного сына!

«Незабвенный, великий для нас день, в который так явно посетила нас

милость Божия, — записал Николай в дневнике. — В 1 ¹/₄ дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем». Наследник престола получил имя в честь любимого предка Николая II — царя Алексея Михайловича Романова.

Очень скоро, 8 сентября 1904 года, в дневнике императора появилась тревожная запись: «Очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея». У наследника престола была диагностирована гемофилия: болезнь, при которой кровь не имеет способности свертываться, и любое кровотечение, любой порез, любой ушиб чреватые самыми фатальными последствиями. Болезнью этой болеют только мужчины, но передается она по женской линии. Цесаревич Алексей получил ее от своей матери, а та через свою мать от бабки — английской королевы Виктории.

Великая радость сменилась великим горем — несчастные родители жили в постоянном страхе за жизнь своего единственного, столь долгожданного, сына.

И не было рядом друга, способного поддержать и утешить. Мсье Филипп, который был достаточно умен для того, чтобы понимать, насколько шатким стало его положение при дворе российского императора, покинул Петербург и вернулся во Францию. Вполне возможно, что на этот шаг его подвигли и нелады со здоровьем — довольно скоро после возвращения на родину, 20 июля 1905 года, он скончался, или же, по уверению своих поклонников, «поднялся живым на небо, окончив на планете свою миссию».

На память о нем у императрицы остались синяя кожаная рамка с несколькими высушенными цветами в ней, к которым, по словам мсье Филиппа, прикасался не кто иной, как сам Христос, и икона с колокольчиком, который должен был предостерегать свою владелицу о недругах.

К болезни сына добавились и другие неприятности, довольно крупные.

Поддавшись на уговоры своего ближайшего окружения и военной верхушки, Николай ввязался в вооруженный конфликт с Японией за территории в Маньчжурии. Вначале он рассчитывал на то, что война эта будет недолгой и победоносной, но его ожидания не оправдались. Позорные поражения следовали одно за другим, вдобавок вскрылись случаи неслыханной коррупции в армейском интендантстве и масштабных махинаций в снабжении армии. Картонные подметки для солдатских сапог были не анекдотом, а печальной правдой.

С японцами у российского императора были свои, личные счета. После того как образование наследника было сочтено завершенным, его отец, император Александр III, предоставил в распоряжение сына один из балтийских крейсеров и приказал совершить путешествие на Дальний Восток для расширения кругозора. Николай безмятежно плавал по морям и океанам, с каждым днем сознавая, что путешествие нравится ему все больше и больше, пока в Японии, в городе Оцу близ Киото, не получил по голове два удара подряд самурайским мечом от полицейского Сандзо Цуды. Милостью Божьей все обошлось хорошо (быстро среагировал греческий принц Георг, сопровождавший цесаревича), но дурной осадок в душе все же остался...

«Николай II был очень мнительным, но в своем роде хитрым. Он оказывал особую внимательность к людям, которые, казалось, обладали сверхъестественной силой. Разного рода мистики, душевноодержимые и даже шарлатаны очень легко получали не только доступ к нему, но и пользовались его вниманием, уважением и даже благоволением. В их обществе он чувствовал себя хорошо, внимая их поучениям и советам. Объяснение этому многие находили в ранении его головы японским принцем во время путешествия в Японию», — писал Арон Симанович.

Правда, Сандзо Цуда не был принцем, но это уже мелкие детали.

Штрих к портрету императора — сообщение о гибели русского флота при Цусиме 14 мая 1905 года застало Николая во время игры в теннис. Он вскрыл поданную ему депешу и со словами: «Какое ужасное несчастье!» — снова взялся за ракетку.

Девятнадцатимесячная война завершилась подписанием в сентябре 1905 года Портсмутского мирного договора, выгодного для Японии и позорного для России. Согласно этому договору Россия уступала Японии южную часть Сахалина. Но Николаю тогда было не до славы — расстрел 9 января 1905 года мирной манифестации рабочих, шедшей к Зимнему дворцу, всколыхнул всю империю.

Трон под императором зашатался и чуть было не рухнул.

Террор...

Забастовки...

Народные волнения...

В некогда тихой и сонной Москве бомба, брошенная революционером Каляевым, разорвала на части великого князя Сергея Александровича...

Тучи сгустились до предела, и неоткуда было ждать ни спасения, ни утешения.

Как же им, Николаю и его супруге, был нужен кто-то чуждый

политике, далекий от двора со всеми его дрызгами, но близкий как к Богу, так и к народу. Кто-то праведный, кто придет, поможет и вдохнет веру... 1 ноября 1905 года Николай II записал в своем дневнике: «Познакомились с человеком Божиим Григорием из Тобольской губернии».

Граф Коковцов писал: «По словам некоторых приближенных к Ней людей, Императрица сначала не могла хорошенько усвоить себе его отрывочную речь, короткие фразы мало определенного содержания, быстрые переходы с предмета на предмет, но затем, незаметно, Распутин перешел на тему, которая всегда была близка Ее душе. Он стал говорить, что Ей и Государю особенно трудно жить, потому что им нельзя никогда узнать правду, т. к. кругом Них все больше льстецы да себялюбцы, которые не могут сказать, что нужно для того, чтобы народу было легче.

Им нужно искать этой правды в себе самих, поддерживая друг друга, а когда и тут Они встретят сомнение, то Им остается только молиться и просить Бога наставить Их и умудрить, и если Они поверят этому, то все будет хорошо, т. к. Бог не может оставить без Своей помощи того, кого Он поставил на царство и кому вложил в руки всю власть над народом.

Тут он ввел и другую нотку, также близкую взглядам Императрицы, а именно, что Царю и Ей нужно быть ближе к народу, чаще видеть его и больше верить ему, потому что он не обманет того, кого почитает почти равным Самому Богу, и всегда скажет свою настоящую правду, не то что министры и чиновники, которым нет никакого дела до народных слез и до его нужды.

Эти мысли, несомненно, глубоко запали в душу Императрицы, потому что они вполне отвечали Ее собственным мыслям».

А вот что писал Михаил Родзянко: «По рассказам, верность которых документально доказать я, однако, не берусь, состоялось тайное соглашение высших церковных иерархов в том смысле, что на болезненно настроенную душу молодой императрицы должна разумно влиять Православная церковь... бороться против влияния гнусных иностранцев... Епископ Феофан полагал несомненно, что на болезненные душевные запросы молодой императрицы всего лучше может подействовать простой, богобоязненный, верующий православный человек ясностью, простотой и несложностью своего духовного мировоззрения... что богобоязненный старец, каким он представлял себе Распутина, именно этой ясной простотой вернее ответит на запросы государыни».

Глава шестая. Целитель и пророк

«Успеху Распутина способствовал и тот факт, что столичная знать, в среде которой он вращался, вообще не просвещенная в религиозном отношении, не имевшая общения с духовенством или не удовлетворявшаяся этим общением, но в то же время интересовавшаяся религиозными вопросами, была весьма мало требовательна и трактовала его как „старца“, далекая от мысли подвергать критике его слова и действия, — писал князь Николай Жевахов, церковный историк и писатель, некоторое время прослуживший товарищем обер-прокурора Святейшего Синода. — Да в этом и не было надобности, вернее, возможности, столько же потому, что Распутин говорил отрывочными, не связанными между собою фразами и намеками, которых невозможно было разобрать, сколько и потому, что его слава зиждилась не на его словах, а на том впечатлении, какое он производил своею личностью на окружающих. Чопорное великосветское общество было застигнуто врасплох при встрече с дерзновенно смелым русским мужиком, не делавшим никакого различия между окружающими, обращающимся ко всем на „ты“, не связанным никакими требованиями условности и этикета и совершенно не реагировавшим ни на какую обстановку. Его внимания не привлекала ни роскошь великокняжеских салонов и гостиных высшей аристократии, ни громкие имена и высота положения окружавших его лиц.

Ко всем он относился снисходительно милостиво, всех рассматривал как „алчущих и жаждущих правды“ и на вопросы, к нему обращаемые, давал часто меткие ответы. И эта внешняя незаинтересованность производимым впечатлением, в связи с несомненным бескорыстием Распутина, удостоверенным впоследствии документально следственным материалом, тем более располагала верующих людей в его пользу».

А вот как князь Жевахов на основе собственных наблюдений объяснял двойственность поведения Григория Распутина, нередко выступавшего перед обществом «единым в двух лицах»: «К стыду глумившихся над Распутиным, нужно сказать, что он распоясывался в их обществе только потому, что не питал к ним ни малейшего уважения и мнением их о себе нисколько не был интересован. Ко всем же прочим людям, не говоря уже о царском дворце, отношение Распутина было иное. Он боялся уронить себя в их мнении и держался всегда безупречно. Я несколько раз встречался с Распутиным в 1910 году, то в Петербургской Духовной академии, то в

частных домах, и он производил на меня, хорошо знакомого с монастырским бытом и со старцами, такое впечатление, что я даже проверял его у более духовно сведущих людей».

Князь Жевахов Распутину симпатизировал, что не могло не сказаться на восприятии. Известный монархист В. В. Шульгин воспринимал двойственный образ Распутина совершенно иначе: «Царской семье он обернул свое лицо „старца“, глядя в которое царице кажется, что дух Божий почивает на святом человеке... А России он повернул свою развратную рожу, пьяную и похотливую, рожу лешего сатира из тобольской тайги... И из этого — все... Ропот идет по всей стране, негодующий на то, что Распутин в покоях царицы... А в покоях царя и царицы — недоумение и горькая обида... Чего это люди беснуются?.. Что этот святой человек молится о несчастном наследнике?.. О тяжелобольном ребенке, которому каждое неосторожное движение грозит смертью — это их возмущает. За что?.. Почему?..

Так этот посланец смерти стал между трон и Россией... Он убивает, потому что он двуликий».

А вот что писал в своих мемуарах начальник петербургского Охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев, по долгу службы хорошо и всесторонне знавший Григория Распутина и вполне объективно к нему относившийся: «Однажды я приехал на квартиру к Распутину по служебному делу (охрана его личной безопасности). Принял он меня в своем кабинете, который представлял маленькую грязную комнату, меблированную дешевеньким письменным столом с банкой чернил на нем, креслом и диваном, крытым дерматином, весьма потрепанным от времени. Распутин был совершенно пьян, что выражалось у него приплясыванием, вздором, который он молот, и бесконечными объятиями и поцелуями. Он производил впечатление человека, не отвечающего за свои поступки, и я уже собирался уходить, чтобы повидаться с ним в другой раз, когда он будет в нормальном состоянии, как в это время послышался входной звонок и одна из дочерей пришла сказать, что пришла „Аннушка“, то есть Анна Александровна Вырубова. Распутин сразу преобразился, его нельзя было узнать, хмель пропал бесследно. Вскочил, принял нормальный вид и побежал встречать гостя. Приглашенный им в столовую пить чай, я там застал целое общество: Вырубову, епископа Исидора, несколько дам и его семью. Чаепитие продолжалось с полчаса, и все это время Распутин вел себя нормально и весьма почтительно по отношению к Вырубовой, а с епископом Исидором вел спор на богословскую тему. После отъезда Вырубовой Распутин вновь преобразился, продолжая быть пьяным или по

крайней мере показывая это».

Каждый видел его по-своему и с каждым он вел себя по-разному. На то и загадочный старец, знаток душ человеческих. К каждому он оборачивался той ипостасью, которую тот, по его мнению, заслуживал. Кесарю — кесарево, а пекарю — пекарево...

В Петербурге Григорий Распутин познакомился с отцом Иоанном Кронштадтским. Рассказывает Матрена Распутина: «Поначалу отец, мало с кем знакомый тогда, не знал, что делать дальше.

Он уже давно слышал о священнике из собора в Кронштадте — знаменитом Иоанне Кронштадтском. Говорили, он обладает огромной духовной силой. И вот в одно из воскресений отец решил поехать в Кронштадт, на проповедь.

Говорили, что собор, где служит Иоанн Кронштадтский, — оазис покоя в бурлящем море. Отцу предстояло убедиться в этом.

Сама служба проходила необычно: она включала в себя публичную исповедь. Под конец, перед самым причастием, по сигналу, поданному священником, все присутствующие выкрикивали во всеуслышание свои грехи.

Отец бывал во многих церквях и монастырях, но нигде не встречал подобного. Прихожане, не стыдясь, в полный голос объявляли о своих прегрешениях, просили у Бога прощения, а затем вкушали тело и кровь Христа.

При этом не было суеты, толкотни — один обряд сменял другой.

Отец был ошеломлен таким проявлением искренней веры в Бога.

Считается, что Бог пребывает в церкви. И это, конечно, так. Это знают все верующие. Но не всем дано почувствовать Бога рядом с собой во время церковной службы.

Отец простоял на коленях всю службу. Молился, вручая свою судьбу Господу.

Люди, обладающие духовным зрением, узнают друг друга. Архимандрит Иоанн вышел из алтаря, остановился перед отцом, взял его за руку и заставил встать.

Сказал, что почувствовал присутствие отца в храме:

— В тебе горит искра Божья.

Отец попросил благословения у архимандрита.

— Господь тебя благословляет, сын мой, — ответил тот.

В тот день отец принял причастие из рук Иоанна Кронштадтского, что было большой честью.

После архимандрит позвал отца к себе.

Отец рассказал Иоанну о себе все. „Как на духу“. Впрочем, он и воспринимал происходящее как продолжение исповеди, начатой еще в храме во время службы.

Разумеется, рассказал и о явлении Казанской Божьей Матери, о смутных догадках, наполнивших его после этого. Рассказал о том, что пришел в Петербург как бы не по своей воле:

— Вело меня сюда...

Архимандрит слушал отца не перебивая. Когда отец закончил говорить, спокойно сказал:

— Бог привел, значит, так тому и быть.

У отца вырвался вопрос:

— Чему быть?

Архимандрит так же серьезно ответил:

— А что Бог даст, тому и быть. Его слушай, он вразумит».

Расположение самого Иоанна Кронштадтского значило многое. Его знали и почитали все слои тогдашнего российского общества, вплоть до императоров. Именно Иоанн находился у ложа Александра III в его смертный час. Несомненно, положительное мнение протоиерея Иоанна свидетельствовало в пользу Григория Распутина при его представлении императорской семье.

О благожелательном отношении Иоанна Кронштадтского к Распутину упоминал и Морис Палеолог: «Известный духовидец, отец Иоанн Кронштадтский, который утешал Александра III в его агонии, захотел узнать молодого сибирского пророка; он принял его в Александро-Невской лавре и радовался, констатировав, на основании несомненных признаков, что он отмечен Богом».

Но все же основное мнение о Распутине было создано Николаем и Александрой на основании собственных впечатлений. Все остальное было лишь прелюдией, побуждением к знакомству. Николай II прислушивался лишь к мнению своей жены, а та привыкла выносить обо всем свое собственное суждение и, вынеся однажды, стоять на нем до конца. Александра Федоровна была очень упряма, и с годами это качество лишь крепло.

Каждому — свое.

Императрице Распутин дал утешение, императору — уверенность в себе, в своих поступках. Он уговорил Николая II и его жену «плюнуть на все страхи и царствовать».

Простой человек из народа, праведный старец, не мог лгать своему царю. Ему поверили.

В подкрепление своих слов Григорий Распутин мог и кулаком по столу постучать, что оказывало на царя с царицей самое благоприятное впечатление — обычно с ними никто себя так не вел. Тем более что стучал старец кулаком не просто так, а со смыслом. Архимандрит Феофан вспоминал: «Государь, государыня с наследником на руках, я и он (Распутин. — А. III.) сидели в столовой во дворце. Сидели и беседовали о политическом положении в России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает государя: „Ну, что? Где екнуло, здесь али тут?“ — при этом он сначала указал пальцем себе на лоб, а потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце: „Здесь, сердце забилося!“ „То-то же, — продолжал старец, — коли что будешь делать для России, спрашивай не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума!“»

Николай II не мог не обрадоваться подобному совету, потому что вникать в суть различных вопросов ему было неинтересно. Куда проще принимать решения, основываясь на симпатиях и антипатиях. Интуиция — дело хорошее, если она опирается на знания и богатый личный опыт. В таком случае к ней порой стоит прислушиваться. У последнего российского самодержца как со знаниями, так и с опытом были определенные проблемы.

Рассказывали, что поначалу Александра Федоровна никак не могла привыкнуть к отрывистой, то и дело перескакивающей с предмета на предмет манере речи Распутина, но постепенно начала видеть в ней признак подлинной, мистической, глубины мыслей старца, в которых рациональное сменялось иррациональным, сокровенным.

Спустя четыре года со дня их знакомства императрица писала старцу: «Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю всё одного: заснуть, заснуть навеки на твоих плечах, в твоих объятьях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть. Куда ты улетел. А мне так тяжело, такая тоска на сердце... Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня. Скорее приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя Мама».

Это для всех прочих они «государь император» и «государыня императрица». Для старца они «папа» и «мама». Непритязательно, естественно и с большим смыслом. В мыслях своих Николай и Александра видели себя отцом и матерью своих подданных. Только вот подданные подкачали — никак не желали проявлять приличествующую детям покорность и уважение.

Тем ценнее было для императорской четы знакомство со старцем Григорием, олицетворявшим собой, по их мнению, все то лучшее, что хранил русский народ в своей православной душе. «Всякий другой, подходя к царю, встретил бы на своем пути волю царицы, — вспоминал министр внутренних дел Протопопов. — Распутин же имел не только ее поддержку, но послушание... По словам царицы, он выучил ее верить и молиться Богу; ставил на поклоны, внушал ей спокойствие и сон».

Следом за родителями потянулись к Распутину и дети.

«Бесценный друг мой. Часто вспоминаю о тебе, как ты бываешь у нас и ведешь с нами беседу о Боге. Тяжело без тебя: не к кому обратиться с горем, а горя-то, горя сколько... Помолись за меня и благослови. Целую твои руки», — писала четырнадцатилетняя Ольга.

«Дорогой и верный друг мой, — вторила сестре двенадцатилетняя Татьяна. — Когда же ты приедешь сюда. Долго ли ты будешь сидеть в Покровском. Как поживают твои детки. Как Матреша. Мы, когда собираемся у Ани, то вспоминаем всегда всех вас. А как хотелось бы побывать нам в Покровском. Когда же настанет это время. Скорее устрой все; ты все можешь. Тебя так Бог любит. А Бог, по твоим словам, такой добрый, хороший, что непременно исполнит все, что ты задумаешь. Так скорее же навести нас. А то нам без тебя скучно, скучно. И мама болеет без тебя. А нам как тяжело на нее, больную, смотреть. О, если бы ты знал, как нам тяжело переносить мамину болезнь. Да ты знаешь, потому что ты все знаешь. Целую тебя горячо и крепко, мой милый друг. Целую твои святые руки».

Десятилетняя Мария писала нечто похожее: «Милый, дорогой, незабвенный мой друг. Как я соскучилась по тебе. Как скучно без тебя. Не поверишь ли, почти каждую ночь вижу тебя во сне. Утром, как только просыпаюсь, то я беру из-под подушки Евангелие, тобою мне данное, и целую его... Тогда я чувствую, что как будто тебя я целую».

Письма восьмилетней Анастасии ничем не отличались от писем ее сестер. Будто под копирку писалось: «Милый мой друг. Когда мы тебя увидим. Аня вчера мне сказала, что ты скоро приедешь. Вот я буду радоваться. Я люблю, когда ты говоришь нам о Боге. Я люблю слушать о

Боге. Мне кажется, что Бог такой добрый, такой добрый. Помолись ему, чтобы он помог маме быть здоровой. Часто вижу тебя во сне. А ты меня во сне видишь? Когда же ты приедешь? Когда ты будешь в детской нашей говорить нам о Боге? Скорее езжай, я стараюсь быть пай, как ты мне говорил. Если будешь всегда около нас, то я всегда буду пай. До свиданья. Целую тебя, а ты благослови меня».

Аня, о которой упоминали девочки, — это Вырубова.

«Она была первой, кто силой всей своей личности выступала за Распутина, — писал о Вырубовой Симанович. — Малейшее желание Распутина было для Вырубовой законом. Она боготворила Распутина, и в большей части своего исключительного положения он обязан ей, его верной посреднице перед царской четой.

Он говорил про нее, что она предана ему до гроба, и в действительности она была его преданнейшим агентом. При этом она была убеждена, что она действует в интересах царской четы и династии и главным образом добивалась излечения царевича».

От наследника престола получил Григорий свою новую фамилию. Дело было так. Двухлетний Алексей, уже успевший привыкнуть к одному и тому же, весьма узкому кругу лиц, окружавших его, впервые увидел Распутина во дворце, захлопал в ладоши и радостно вскричал: «Новый! Новый! Новый!» После этого особым указом императора фамилия «Распутин» была переменена на «Новый». Сам же Григорий продолжал пользоваться обеими фамилиями, как сразу, так и по отдельности. То он подписывался «Новый», то — «Распутин-Новый», то по старинке — «Распутин», а потом взял да переделал свою новую фамилию на сибирский лад и стал Распутин-Новый.

Царские дети Распутина любили. К детям Распутин вообще, что называется, умел подойти. Как со взрослыми говорил с ними о Боге, устраивал веселые игры, рассказывал сказки. Можно представить себе, какую свежую струю внес он в душный, скучный и однообразный мирок Царскосельского дворца. «С детьми я часто шучу, — рассказывал Распутин. — Было раз так: все девочки сели ко мне на спину верхом, Алексей забрался на шею мне, а я начал возить их по детской комнате. Долго возил, а они смеялись. Потом слезли, а наследник и говорит: „Ты прости нас, Григорий, мы знаем, что ты — священный и так на тебе ездить нельзя, но это мы пошутили“».

Великая княгиня Ольга Александровна, младшая сестра Николая II, вспоминала о том, как осенью 1907 года брат познакомил ее с Распутиным. Знакомство состоялось в детской. «Кажется, он нравился детям, они

чувствовали себя с ним непринужденно, — писала Ольга. — Вспоминаю маленького Алексея, вообразившего себя кроликом и прыгающего по комнате. А затем, совершенно внезапно, Распутин схватил его за руку и повел в спальню, мы трое последовали за ним. Наступило молчание, словно мы были в церкви. В спальне Алексея не горело ни одной лампы, слабый свет исходил только от лампадки перед чудной иконой. Ребенок, очень спокойно, стоял рядом с гигантом, кивавшим головой. Я поняла, что он молится... Я поняла также, что мой маленький племянник молится вместе с ним. Я не могу описывать это — но я была тогда совершенно уверена в искренности этого человека...»

Ольга подтверждала и целительские способности Распутина, помогавшего маленькому Алексею при кровотечениях: «Я видела этот чудесный результат собственными глазами не один раз, я также знала, что это признают его лечащие врачи. Профессор Федоров, выдающийся специалист, пациентом которого был Алексей, не раз говорил мне это, вместе с тем все врачи крайне не любили Распутина».

С чего бы им, врачам, любить Распутина? Необразованного деревенского выскочку, оказавшегося способнее многих светил науки?

Анна Вырубова вспоминает, как в 1915 году, когда докторам никак не удавалось остановить очередное кровотечение у наследника престола, Александра Федоровна срочно послала ее за Распутиным. «Он приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу. По их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил наследника, сказал родителям, что серьезного ничего нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось».

Спустя некоторое время после гибели Распутина цесаревич Алексей сказал: «Теперь и лечат меня, и молятся, а пользы нет. А он, бывало, принесет мне яблоко, погладит меня по больному месту, и мне сразу становится легче».

Наследнику престола кривить душой в оценке дара Григория Распутина не было никакой нужды. Можно говорить о внушении, о гипнотических способностях, рассматривая их отдельно от целительского дара, но внушением можно снять головную боль, да и то не всегда. Прекращать (и не один раз!) при помощи одного лишь гипноза кровотечения у больного гемофилией вряд ли возможно. Конечно, злопыхатели утверждали, что, дескать, коварная Вырубова, преданная Распутину, давала наследнику какие-то порошки, вызывающие недолговременное преходящее кровотечение, а Распутин появлялся следом и изображал «лечение». Эта версия настолько надуманна и, как говорится,

притянута за уши, что заниматься ее опровержением не было никакой нужды. Царской семье Вырубова была предана куда больше, чем Распутину, и вредить здоровью наследника вряд ли бы стала.

О гипнотических способностях Распутина упоминали многие. И многие только к ним одним сводили его загадочный дар.

Феликс Юсупов вспоминал о том, как однажды пожаловался Распутину: «Работать не могу — очень быстро утомляюсь и становлюсь больным». Далее он пишет: «„Старец“ уложил меня на диван, стал передо мною и, пристально глядя мне в глаза, начал поглаживать меня по груди, шее и голове. Потом он вдруг опустился на колени и, как мне показалось, начал молиться, положив обе руки мне на лоб. Лица его не было видно, так низко он наклонил голову. В такой позе он простоял довольно долго, затем быстрым движением вскочил на ноги и стал делать пассы... Сила гипноза Распутина была огромная. Я чувствовал, как эта сила охватывает меня и разливается теплотой по всему моему телу. Вместе с тем я весь был точно в оцепенении. Я пытался говорить, но язык мне не повиновался, и я медленно погружался в сон... Лишь одни глаза Распутина светились передо мной каким-то фосфорическим светом, увеличиваясь и сливаясь в один яркий круг...»

«Но даже человек, который ненавидел Распутина с самого начала, который встретился с ним, имея предвзятое о нем мнение, считавший этого чудотворца несчастьем для России, тот самый князь Юсупов, одержимый лютой ненавистью, который холодно и расчетливо вкрался в доверие к Распутину, чтобы подготовить покушение на него, и то с трудом мог противостоять колдовскому влиянию, которое оказывал и на него Григорий Ефимович», — писал Симанович.

Министр внутренних дел А. Н. Хвостов называл Распутина «поразительным гипнотизером» и продолжал: «На меня вот он не действует, потому что у меня есть какая-то неправильность, что ли, в строении глаз. Но влияние его настолько сильно, что ему поддаются и самые заматерелые филеры, на что уж, знаете ли, эти люди прошли огонь, воду и медные трубы...»

Однако впоследствии тот же Хвостов признавался: «Когда я его видел, я ощущал полную подавленность... Распутин на меня давил, у него была большая сила гипноза».

Преемник Хвостова на посту министра внутренних дел Протопопов тоже находил, «что Распутин имел гипнотическую силу».

Выдающиеся гипнотические способности — очень редкий дар, но одними ими в случае с Григорием Распутиным дело не ограничивалось. Не

могло ограничиться.

Сколь бы внушаемы ни были Николай и Александра, как ни ослепил их своей харизмой Распутин, но в отношении всего, что касалось здоровья и благополучия их единственного сына, они были крайне взыскательны и пристрастны. Тем более что им, самодержцам, ни к чему было попусту восхвалять (даже превозносить до небес) старца Григория. Какой им был с того прок?

Тем более что Распутин никогда не кичился своим даром. Он писал императрице: «Милая дорогая мама! Тилиграмму получил. Не грусти, молись, милось Божья не по грехам, а по молитвам. Веруй — и наследник будет здоров. А я молюсь неустанно, но что могу? И никто, как Бог, человеку не дано».

Никто, как Бог... И правда — кому, как не высшему разуму, подвластно все сущее?

«С первой же встречи с царевичем, — рассказывал о Распутине Арон Симанович, — он отнесся к больному мальчику с особенной предупредительностью. Он владел даром влиять на людей успокаивающим образом. Его спокойствие и уверенное обращение сильно влияли на людей. Его особенное искусство воздействовать на больных сразу поставило его в надлежащее положение у кровати страдающего мальчика.

Бедный ребенок страдал кровотечениями из носа, и врачи не в силах были ему помочь. Обильные потери крови обессиливали мальчика, и в этих случаях родителям всегда приходилось дрожать за его жизнь. Дни и ночи проходили в ужасном волнении. Маленький Алексей полюбил Распутина».

Натура искренняя, чувствительная, нервная, способная чувствовать сильно и глубоко, Григорий Распутин, словно магнит, притягивал к себе людей. И пусть недоброжелатели, подобные Илиодору, утверждали, что «успех его проявился преимущественно в самых низах народных и в самых верхах», поясняя это тем, что «в низах и в верхах ищут Бога».

Придворный педагог Петр Жильяр рассказывал следователю Соколову: «Относительно роли Распутина в жизни Царской Семьи я могу показать следующее. Распутин появился у Них, должно быть, в 1906 году. Мои многолетние наблюдения и попытка объяснить причину его значения у Них довели меня до полного убеждения, которое мне кажется истиной или очень близким к истине, что его присутствие во дворце тесно связано с болезнью Алексея Николаевича. Узнав Его болезнь, я понял тогда силу этого человека. Когда Мать поняла, что Ее единственный, Ее любимый сын страдает такой страшной болезнью (гемофилия), которую передала Ему Она, от которой умерли Ее дядя, Ее брат и Ее два племянника, зная, что не

будет Ему помощи от человека, от науки, Она обратилась к Богу...

Мне кажется, что религия Ее не дала Ей того, что Она искала; кризисы с Ним продолжались, грозя Ему смертью. Чуда, которого Она так ждала, все еще не было. Тогда-то, когда Ее познакомили с Распутиным, Она была убеждена им, что, если Она обратится к нему во время болезни Алексея Николаевича, он будет „сам“ молиться и Бог услышит его молитву. Она должна верить в его молитву, и пока он, Распутин, будет жив, будет жив и сын.

Алексею Николаевичу после этого как будто стало лучше. Называйте это как хотите — совпадением, но факты обращения к Распутину и случаи облегчения болезни у Алексея Николаевича совпадали. Она поверила. Ей и не оставалось ничего более. В этом она нашла самой Себе успокоение. Она была убеждена, что Распутин является посредником между Нею и Богом, потому что молитва Ее одной не дала Ей облегчения. Они смотрели на Распутину как на полусвятого».

Целительную силу Распутина испытали на себе или своих близких многие. Арон Симанович писал о том, что его собственный сын «страдал болезнью, которая считалась неизлечимой. Его правая рука постоянно тряслась, и вся правая сторона была парализована... Я привез... сына на квартиру Распутина, посадил его в кресло в столовой, сам постучал в дверь спальни и быстро покинул его квартиру. Мой сын вернулся домой через час. Он рассказывал, что Распутин вышел к нему из своей комнаты, сел напротив него в кресло, опустил на его плечи свои руки, направил свой взгляд ему твердо к глазам и сильно затрясся. Дрожь постепенно ослабевала, и Распутин успокоился. Потом он вскочил и крикнул на него: „Пошел, мальчишка! Ступай домой, иначе я тебя выпорю!“ Мальчик вскочил, засмеялся и побежал домой».

У упоминавшейся уже на страницах этой книги Елены Джанумовой тяжело заболела племянница Алиса, жившая в Киеве. Девочка была при смерти. Об этом узнал Распутин.

«Произошло что-то странное, — вспоминала Джанумова. — Он взял меня за руку. Лицо у него изменилось, стало, как у мертвеца, желтое, восковое и неподвижное до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руки и сказал глухо: „Она не умрет, она не умрет, она не умрет“... Потом выпустил руки, лицо приняло прежнюю окраску, и продолжал начатый разговор, как будто ничего не было... Я собиралась вечером выехать в Киев, но получила телеграмму: „Алисе лучше, температура упала“».

Именно Распутин практически вернул с того света Анну Вырубову,

попавшую в железнодорожную катастрофу и признанную светилами официальной медицины безнадежной.

«Новый 1915 год начался с большого для Царской семьи горя, — писал в мемуарах генерал Спиридович, бывший в то время начальником дворцовой охраны. — 2-го января друг Государыни, А. А. Вырубова, поехала поездом из Царского Села в Петроград. На шестой версте от столицы поезд потерпел крушение. Несколько вагонов было разбито. Вырубова тяжело ранена. Вытащенная казаком Конвоя Его Величества из-под обломков вагона, она пролежала несколько часов в железнодорожной сторожке и была перевезена в Царское Село. Царица с дочерьми встретила ее на вокзале и перевезла в дворцовый госпиталь.

Туда приехал Государь. Вырубова была без памяти. Ждали смерти и причастили Св. Тайн. Вызвали из Петрограда Распутина. Его провели в палату, где лежала больная. Подойдя к ней и взяв ее за руку, Распутин сказал: „Аннушка, проснись. Погляди на меня“. Больная раскрыла глаза и, увидав Распутина, улыбнулась и проговорила: „Григорий, это ты? Слава Богу“.

Распутин держал больную за руку, ласково глядел на нее и сказал, как бы про себя, но громко: „Жить она будет, но останется калеккой“. Эта сцена произвела на всех очень большое впечатление. Впоследствии так и случилось. Анна Александровна не умерла».

Конечно же, можно сказать, что случай с Вырубовой был подстроен заранее, но актрисой поразительного по силе дарования выступает тогда Вырубова. Притворяться умирающей столь искусно, чтобы в это поверили сразу несколько именитых опытных докторов, практически невозможно!

«Уже то обстоятельство, — писал современник и убежденный противник Григория Распутина протопресвитер Георгий Шавельский, — что Распутин заставлял задумываться над ним таких отнюдь не склонных ни к суеверию, ни к мистицизму, напротив, привыкших на все смотреть прежде всего с позитивной точки зрения людей, как проф. Федоров, уже это одно вызывает серьезный вопрос».

Пророческий дар Распутина также был востребован при императорском дворе. Николай II нашел в нем советчика и даже более того — своеобразный эталон, с которым сверял все свои решения. Не следует думать, что Григорий полностью подчинил царя своей воле, подмяв его под себя. Это раз и навсегда сделала царица, под каблуком которой могущественный, но в то же время слабовольный и беспомощный российский император пребывал до последних дней своих и ее. (Как цинично звучит применительно к судьбе Николая и Александры известная

формула супружеского благополучия: «Они жили долго и счастливо и умерли в один день»!)

Григорий Распутин, что бы там ни утверждали его противники, никогда не подчинял себе Николая II. Он сделал другое — вдохнул в императора волю, придал ему сил править дальше. Ни для кого не секрет, что осенью тяжелого 1905 года императорская чета буквально сидела на чемоданах, всерьез помышляя о бегстве в Англию, под крыло тамошних монарших родственников.

Хотя, может быть, для них и для России в целом подобное окончание правления было бы более благоприятным? Кто знает... За лишние двенадцать лет у власти последние из Романовых заплатили поистине страшную цену, погибнув от рук большевиков много позже отречения Николая.

Но тогда последнему царю казалось, что жизнь изменилась к лучшему. Появился Друг, и не какой-то там иностранный авантюрист (все-таки к мсье Филиппу император, в отличие от императрицы, относился критически, особенно под конец знакомства), а свой, православный, плоть от плоти народной, святой старец, праведник Григорий.

Немного отлегло от родительского сердца — старец обещал, что, достигнув возраста восемнадцати лет, наследник престола будет абсолютно здоров.

Спокойнее стало царствовать — старец убедил, что надо продолжать. Продолжать во что бы то ни стало. Надо терпеливо нести свой крест, и рано или поздно все сложится наилучшим образом.

Все вокруг пытались чего-то добиться от императора, надоедали ему требованиями, лишь ради приличия замаскированными под нижайшие просьбы, докучали проектами, делами и тому подобным.

Старец ничего не просил, ничего не желал получить, ни на чем не настаивал. Он приходил, начинал разговор, утешал, советовал. Он помогал одним лишь своим присутствием, осознанием того, что на свете есть Друг. Бесхитростный и бескорыстный.

О, как же Григорий Распутин отличался от людей, окружавших императорскую чету! И в этом отличии крылись корни расположения к нему Николая и Александры.

Дневник царя за 1906 год:

«18 июля... Вечером были на Сергиевке и видели Григория...»

«13 октября... В 6 ¹/₄ к нам приехал Григорий, он привез икону Св. Симеона Верхотурского, видел детей и поговорил с нами до 7 ¹/₄...»

«9 декабря... Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории».

Надо отметить, что, обособившись от света и не слишком утруждая себя соблюдением светских правил, императорская чета, тем не менее, сознавала, что, постоянно принимая во дворце «мужика» как равного себе, нарушает неписанные правила поведения. Именно поэтому посещения Распутина облекались тайной, вводился он в императорские покои чаще всего через задние двери, минуя множество официальных барьеров и не оставляя о себе записей в камер-фурьерских журналах. Встречи императорской четы с Распутиным также происходили и в доме, снятом Анной Вырубовой в Царском Селе, неподалеку от Александровского дворца.

В этот самый домик императрица пригласит и детей Григория, желая познакомиться с ними. Об этом событии очень трогательно вспоминала Матрена Распутина. «В царском экипаже мы приехали в Царское Село, — пишет Матрена, — я помню только, что дрожала как в лихорадке, когда вошла в дом госпожи Вырубовой. Царицы еще не было, и мы присели на мягкий диван. Гостиная была уютно обставлена, повсюду стояли этажерки с бесчисленными фарфоровыми безделушками, на стенах висели гравюры и фотографии.

Вдруг раздался звонок, и вскоре после этого послышался шелест дамских платьев. Бергин, любимый лакей госпожи Вырубовой, распахнул двери, и в сопровождении дочерей вошла царица. Она приветствовала нас доброй улыбкой, мы в глубоком почтении поцеловали ей руку, потом она села и пригласила нас последовать за ней.

Великие княгини окружили Варю и меня и наперебой начали расспрашивать:

— Сколько тебе лет? Чем ты занимаешься? Как у тебя дела в школе? — интересовались они и при этом говорили так быстро, что мне и моей сестре приходилось прилагать все усилия, чтобы удовлетворить их любопытство.

Царица беседовала с моей матерью и иногда посматривала на меня своими прекрасными, бесконечно печальными глазами. У меня было смутное чувство, будто я должна с ней поговорить, и наконец спросила ее, собрав все свое мужество:

— Матушка (мы называли царицу матушкой, потому что видели в ней мать всей России), скажите, пожалуйста, у вас много слуг?

Царица, смеясь, ответила:

— Конечно, мое солнышко!»

Увы, эта наивная секретность впоследствии сослужила Григорию плохую службу, дав повод недоброжелателям подозревать его в чем-то постыдном, недостойном, тщательно скрываемом.

Большевики, расстрелявшие все императорское семейство, к тому времени уже не представлявшее для них никакой опасности, усердно культивировали родившуюся еще до Октябрьского переворота версию о тайной любовной связи императрицы и Григория Распутина. В «исторических» трудах времен социализма имя императрицы было тесно связано с именем Распутина. Это закономерно — для оправдания своего кровавого поступка большевикам надо было вылить на убитых ими как можно больше грязи.

Распутина можно было бы назвать дворцовым фаворитом (враги порой называли его иначе — дворцовым шутом), но фаворитов при царях было много, как из аристократов, так и из простолюдинов. Достаточно вспомнить хотя бы Меншикова.

Фавориты были всегда, и никто этому не удивлялся. Так уж положено...

Но Григорий Распутин был другим — самобытным, уникальным, непохожим на всех остальных. Придя в Петербург из тайги, он стал другом императорской семьи, а не фаворитом.

Фаворит ищет милостей и благ у подножия трона. Сибирский старец сам «дарил благо милостью Божией».

Судьба его была трагична, подобно судьбе многих творящих добро, но хуже всего то, что и после поистине мученической смерти старца его имя усердно предавалось поруганию.

Даже «красный граф» и талантливый писатель Алексей Толстой не смог не написать о Распутине: «Глумясь и издеваясь, стал шельмовать над Россией неграмотный мужик с сумасшедшими глазами и могучей мужской силой».

Впрочем, Алексея Толстого можно понять. Он стремился угодить другому малообразованному человеку из народа, с жесткими колючими глазами, пышными усами и «стальной» фамилией.

Правда, насчет могучей мужской силы «красный граф» не соврал. Григорий Распутин был жизнелюб. Он ценил все радости, которые давала жизнь.

Глава седьмая. Распутин и женщины

Успех Григория Распутина в Петербурге был велик. Слава о нем распространялась стремительно, с каждым днем охватывая все больше и больше народу.

Основными почитательницами старца были женщины — старые и молодые, знатные и не очень. Среди восторженных дам хорошо расходились на памятные священные сувениры ногти, состриженные у старца.

Воистину — заставь дурака Богу молиться, так он себе лоб расшибет.

Сказано ведь — «Не делай себе кумира...» (Исх.20:4).

Однажды Распутина пригласили к одной из светских львиц столицы, хозяйке модного салона Ольге Лохтиной. Было это осенью 1905 года. Поводом для приглашения послужила болезнь этой весьма хорошей собой женщины, не так давно перешагнувшей сорокалетний рубеж.

Болезнь Лохтиной была типичной неврастенией, возникшей у избалованной вниманием аристократки после разочарования в светской жизни. Поговаривали, что виной тому был неудачный роман Лохтиной с неким молодым человеком из общества, бывшим значительно моложе ее.

Нервные расстройства Григорий излечивал великолепно. Стоило ему появиться в спальне Лохтиной, как она, доселе передвигавшаяся опираясь рукой на стену, почувствовала себя исцеленной и, млея от восторга, предложила «отцу Григорию» (так она его называла, несмотря на отсутствие у Распутина сана) переселиться к ним. Муж ее, действительный статский советник Владимир Лохтин, движимый заботой о здоровье своей супруги, приглашение поддержал.

Распутин согласился.

До того он жил у Феофана, вечно отсутствовавшего дома и не имевшего возможности уделять должное внимание своему гостю, а затем недолгое время странствовал по домам своих почитателей и почитательниц.

Владимир Лохтин был человеком, в некоторой степени близким ко двору. Инженер по профессии, он отвечал за состояние дорог в Царском Селе. Многие современники, а вслед за ними и некоторые из биографов Распутина утверждали, что у Лохтиных старец поселился для того, чтобы быть поближе к императорскому дворцу, и действовал он с дальним прицелом.

Распутин, вне всякого сомнения, был первым мужиком, с которым столь близко познакомилась Ольга Лохтина. Она была восхищена, потрясена, очарована и бесконечно благодарна Григорию за исцеление.

Мужики, виденные ею на протяжении всей жизни, вели себя одинаково — сквернословили, много пили и кланчили денег. «Отец Григорий» оказался совершенно другим. Он так интересно рассказывал о своих странствиях, что дух захватывало. Куда там Майн Риду, романами которого зачитывалась тогда вся Россия. Распутин говорил о вечном, о любви, о Боге, говорил ярко и сочно, волнуя души своих слушателей и взывая к их совести.

Внушаемая и впечатлительная Лохтина попала под его обаяние, и не просто попала, а преобразилась духовно. Правда, вследствие каких-то своих душевных качеств преобразилась чрезмерно, со временем начисто утратив свое «я», свою личность. Такое бывает — далеко не всякий может пережить сильное душевное потрясение без негативных последствий для своей души.

Был ли виноват Распутин в том, что светская львица вскоре превратилась в юродивую, опустившись как морально, так и физически? Конечно же нет. В том была вина, а точнее — беда несчастной Лохтиной.

Познакомившись с Григорием, Лохтина тут же отправляется с ним на его родину, в таежное село Покровское. Весьма смелый и неожиданный поступок для изнеженной петербургской «генеральши» (чин действительного статского советника по Табели о рангах, учрежденной еще Петром I, соответствовал генеральскому).

Муж не препятствовал такому решению. Ему уже начала надоедать не то мнимая, не то реальная болезнь жены, и он готов был пойти на все, чтобы его «дорогая Оленька» поправилась окончательно.

Разумеется, действительный статский советник Владимир Лохтин не мог даже допустить мысли о том, что его супруга (весьма вольно, надо отметить, толковавшая понятие супружеской верности) может вспылать страстью к обычному крестьянину, пусть даже и могущему исцелять болезни.

Она ехала с ним в Покровское и всю дорогу не могла поверить своему счастью. Жадно ловила каждое слово Григория, трепетала от его прикосновений и все не могла понять — как она прожила добрую половину жизни, не будучи знакомой с Ним.

В далеком Покровском Лохтина увидела картину, знакомую ей разве что по сказкам — патриархальный крестьянский уклад, сопровождаемый комментариями Распутина наподобие «мужу и жене надо жить одним

сердцем — где ты уступи, где тебе уступят».

Это было так не похоже на Петербург. Это было так искренне, так правильно.

Дни и ночи, полные духовных бесед, молений и пения церковных псалмов, сменяли друг друга. Жизнь была проникнута первозданной простотой и первозданным же целомудрием. Лохтина могла спокойно мыться в бане с Распутиным и всей его семьей, не считая это зазорным — ведь дурных мыслей у мывшихся не было.

Сама Лохтина всегда стояла на том, что между ней и Распутиным никогда не было ничего греховного. Кое-кто из современников утверждал иное. Находились очевидцы, видевшие, как якобы Распутин избивал Лохтину, требуя, чтобы она оставила его в покое и не докучала своей любовью. В избиение Лохтиной Распутиным поверить еще труднее, чем в любовные отношения между ними.

Впрочем, «блудный бес» искушал Григория Распутина постоянно. Молитвы, в которых искал спасения искушаемый, помогали ему далеко не всегда. Положение Григория отягчалось тем, что его личность, окруженная ореолом загадочности, сильно притягивала к себе женщин. Особенно тех, кто успел пережить какое-нибудь горе, испытал страдание.

Они приходили к нему за утешением и влюблялись...

Да и как было не влюбиться в такого знатока женской души? «У мужчин — всякие занятия, на которые идет много времени, — говорил Распутин. — А женщины больше в себя уходят. Вот душа-то у них и болит, а поговорю я с ними, смотришь — и легче станет. А говорю я им по простоте, что мне Бог подскажет». Или же: «Попы и крестьяне упрекают: „Зачем ты, Григорий, с женщинами постоянно?“... А женщина разве не такой же человек? Их любить не надо?.. И разве не страдает она? Не нуждается в утешении? Не могут они понять, что иначе можно любить женщину, как у вас вот, например, социалистов».

Социалисты были здесь ни при чем, сказано чисто для красного словца.

«Вспомню признание отца: „Для меня что к бабе прикоснуться, что к чурбану“, — писала Матрена Распутина. — Это сказано в том смысле, что физических чувств женщина у отца в известные минуты не вызывала. Однако от него исходила такая сила любви, что совершенно обволакивала женщину, давая наслаждение и встряхивая ее сильнее, чем любое соитие. После того как женщина испытала подобное, никакой блудный бес в ней держаться уже не мог. Голая страсть в ней просто умирала. Как это удавалось отцу, неизвестно. Объяснить невозможно».

Даже кратковременное общение с Распутиным становилось незабываемым событием. Для всех скорбящих душой у него находилось слово утешения. В павших духом он вдыхал надежду, опечаленным дарил радость.

Психотерапевтом он был отменным. Зорко подмечал чужое страдание, прозревал его суть и буквально несколькими словами, одним взглядом изгонял прочь.

Одни искали утешения, другие — любви, третьи — исцеления, а многим попросту было любопытно.

Разумеется, далеко не с каждой из своих поклонниц Распутин состоял в близких отношениях, хотя недоброжелатели приписывали ему столько побед, сколько не было ни у одного известного покорителя женских сердец. Если верить им, то вся жизнь старца состояла из оргий с редкими перерывами на чаепитие.

Если в начале своих духовных поисков Григорий боролся с искушением и избегал женщин, то впоследствии он их избегать перестал, оправдывая свой грех в первую очередь выработанной им самим «теорией бесстрастия», согласно которой, лаская женщину, он не ввергает ее в пучину страсти, а, напротив, дарит ей освобождение от страстей.

Освобождая женщин от страстей, Распутин попутно избавлял их и от гордыни, для чего мог пригласить мыться с собою в бане. «Гордыню принижая. Великий грех гордыня. Пусть не думают, что они лучше других», — объяснял он этот поступок.

Ивану Манасевичу-Мануйлову Распутин рассказывал о посещении его в Покровском светскими дамами из Петербурга: «Я видел их гордость... Они считали себя превыше всех... Я полагал, что надо их смирить, унижить... Когда человек унижится, он многое постигает... Они мыли меня и претерпели все унижение...»

«Окружен он был группой поклонниц, с которыми он находился в связи, — вспоминала о Распутине Вера Ивановна Баркова. — Прodelывал он свое дело с ними совершенно открыто, нимало не стесняясь. Он „щупал“ их и вообще всех женщин, которые допускались до его столовой или кабинета, и когда он или они этого хотели, вел их при всех тут же к себе в кабинет и делал свое дело. Пьяный он чаще сам приставал к ним, когда он бывал трезв, чаще инициатива исходила от них... Часто я слышала его рассуждения, представлявшие какую-то смесь религиозной темы и разврата: он сидел и поучал своих поклонниц: „Ты думаешь, я тебя оскверняю? Я тебя не оскверняю, а очищаю“. Вот это и была его идея. Он упоминал еще слово „благодать“, т. е. высказывал ту идею, что сношением

с ним женщина получает благодать».

Приближенная императрицы Юлия Ден высказывалась иначе: «Я видела лишь моральную сторону этого человека, которого почему-то называли аморальным. И я была не одинока в своей оценке характера сибирского крестьянина. Мне известно наверняка, что многие женщины моего круга, имевшие интрижки на стороне, а также дамы из полусвета именно благодаря влиянию Распутина вылезли из той грязи, в которую погружались».

Вырубова в своих мемуарах высказывалась категоричнее: «Существует фотография, которая была воспроизведена в России, а также в Европе и Америке. Фотография эта представляет Распутина сидящим в виде оракула среди дам-аристократок своего „гарема“ и как бы подтверждает огромное влияние, которое будто бы имел он в придворных кругах. Но я думаю, что никакая женщина, если бы даже и захотела, не могла бы им увлечься; ни я, и никто, кто знал его близко, не слышали о таковой, хотя его постоянно обвиняли в разврате. Станным кажется еще тот факт, что, когда после революции начала действовать следственная комиссия, не оказалось ни одной женщины в Петрограде, которая выступила бы с обвинениями против него; сведения черпались из записей „охранников“, которые были приставлены к нему.

Я могу дать объяснение этого снимка, так как сама изображена на нем. В первые годы к Григорию Ефимовичу приходили только те люди, которые, как и Их Величества, искали разъяснения по разным религиозным вопросам; после ранней обедни в каком-нибудь монастыре, причастившись Святых Тайн, богомольцы собирались вокруг него, слушая его беседы, и я, всегда „искавшая“ религиозное настроение и утешение после вечных интриг и зла придворной обстановки, с интересом слушала необыкновенные беседы человека, совсем не ученого, но говорившего так, что и ученые-профессора и священники находили интересным его слушать. Несмотря на то, что он был человек безграмотный, он знал все Священное Писание, и его беседы отличались оригинальностью, так что, повторяю, привлекали немало людей образованных и начитанных, каковыми были, бесспорно, епископы Феофан и Гермоген, Великая Княгиня Милица Николаевна и др. Приходили к нему и с разными нуждами, и ищущие утешения. Нужде всякой он помогал, то есть отдавал все, что у него было, и утешал советами и объяснениями тех, кто приходил к нему поделиться своими заботами. Терпеливо выслушивал разных дам, которые являлись по сердечным вопросам, всегда строго порицая греховные дела.

Расскажу случай с одной моей близкой знакомой, который объяснит,

как он смотрел на жизнь, а также его некоторую прозорливость и чуткость — пусть каждый назовет как хочет. Одна молоденькая дама однажды при мне заехала к Григорию Ефимовичу по дороге на свидание со своим другом. Григорий Ефимович, посмотрев на нее пристально, стал рассказывать, как на одной станции монах угощал его чаем, спрятав бутылку вина под столом, и, называя его „святым“, задавал вопросы. „Я „святой“, — закричал Григорий Ефимович, ударив кулаком по столу, — и ты просишь меня тебе помочь; а зачем же ты прячешь бутылку вина под столом?“ Дама побледнела и растерянно стала прощаться».

Влечение к женщине, естественное, здоровое чувство, в представлении Распутина, воспринимавшего религию как радость и любовь как высший из даров Божьих, в определенный момент перестало быть греховным. Кто решил считать дурным то, что одновременно доставляет радость мужчине и женщине? «Какой я святой, я грешнее всех, — отвечал Распутин на упреки в том, что негоже ему, „святому человеку“, предаваться плотской любви. — А только грех не в этом. Греха в этом нет. Это люди придумали. Посмотри на зверей, разве они знают грех?!»

Однажды Распутин сказал о плотской любви, что «в этом нет никакого греха, так как ему раз во время сношения с женой являлась в свете Пресвятая Троица».

К концу жизни он уже не станет искать религиозных оправданий своему любострастию, а свободно отдастся ему. В конце концов, во время совокупления грешит лишь плоть, а не дух. «Когда ты в духе, плоть умирает», — учил Распутин.

Разумеется, изобилие женского внимания, выпавшее на долю Распутина, в конце концов не могло не сказаться на его морали. «Эти сцены, — писал о моментах близости Распутина с его многочисленными посетительницами Арон Симанович, — обычно протекали с невозможной простотой, и Распутин в таких случаях соответствующую даму выпроваживал из своей рабочей комнаты словами: „Ну, ну, матушка, все в порядке!“ После такого дамского визита Распутин обыкновенно отправлялся в напротив его дома находящуюся баню. Но данные в таких случаях обещания всегда исполнялись.

При любовных похождениях Распутина бросалось в глаза, что он терпеть не мог навязчивых особ. Но с другой стороны, он надоедливо преследовал не поддававшихся его вожделениям дам. В этом отношении он становился даже вымогателем и отказывался от всякой помощи в делах таких лиц. Бывали также случаи, что приходившие к нему с просьбами

дамы прямо сами себя предлагали, считая это необходимой предпосылкой для исполнения их просьбы. В таких случаях Распутин играл роль возмущенного и читал просительнице самое строгое нравоучение. Их просьбы все же исполнялись».

«Разве я виноват? — искренне удивлялся Распутин в ответ на мягкие упреки Симановича. — Я не насилую их. Они сами шлятся ко мне, чтобы я хлопотал за них у царя. Что мне делать? Я здоровый мужчина и не могу устоять, когда ко мне приходит красивая женщина. Почему мне не брать их? Не я их ищу, а они приходят ко мне».

Разумеется, не обошлось и без хлыстовских взглядов на грех и очищение от него. «Как Господь даже грешников прославляет! — пишет он. — Лот (согласно Библии согрешивший с собственными дочерьми)... пал в великий разврат, но покался. Вот первое спасение — если ради Бога кто живет, то хотя искусит его сатана, все-таки спасется...» Не согрешишь — не покаешься... Все верно.

Писательнице Вере Жуковской Распутин говорил: «До тридцати годов грешить можно, а там надо к Богу оборотиться, а как научишься мысли к Богу отдавать, опять можно им грешить (он сделал неприличный жест), только грех-то тогда будет особый — но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой, понимаешь? Все можно, ты не верь попам, они глупы, всей тайны не знают, я тебе всю правду докажу. Грех на то и дан, чтоб раскаяться, а покаяние — душе радость, телу сила, понимаешь?.. Грех понимать надо. Вот попы — они ни... в грехе не понимают. А грех само в жизни главное... Хошь знать, так грех только тому, кто его ищет, а если скрозь него итти и мысли у Бога держать, нет тебе ни в чем греха, понимаешь? А без греха жизни нет, потому покаяния нет, а покаяния нет — радости нет. Хошь я тебе грех покажу? Поговей вот на первой неделе, что придет, и приходи ко мне после причастия, когда рай-то у тебя в душе будет. Вот я грех-то тебе и покажу. На ногах не устоишь!»

Хиония Берландская перенесла горе — после того, как она ушла от неверного мужа, тот покончил с собой, и Хиония винила себя в его смерти. «С таким чувством жила и страдала, все время была в работе, посте, не спала и не ела, ходила, не отдавая отчета, что на мне надето, — признавалась Хиония, — дошла до того, что не могла стоять в церкви, от пения делалось дурно... Так жила постоянно одинокая, без улыбки, с тяжким камнем».

Одна из подруг, желавшая помочь несчастной, предложила ей «познакомиться с одним человеком, мужичком, который очень успокаивает душу и говорит сокровенное сердца... Я захотела его видеть... Звонок.

Торопливо раздеваясь, быстро, быстро подбежал ко мне человек с особенным взглядом, положил руку на темя головы и проговорил: „Ведь у Господа были ученики, и то один из них повесился, так это у Господа, а ты-то что думаешь?“ Глубоко вошла эта фраза в мою тайну души и как бороздой раскопошила и встряхнула. Я как-то ожила: сказано было так твердо, как бы снялось горе с меня этими словами... Я хотела еще видеть его... Хотелось знать, что в нем и кто он... Мне уже хотелось расправить свое скорченное нутро, как замерзшему воробью — крылья в тепле...

Меня ласкал он, говорил, что грехов на мне нет... и так постепенно у меня созрело убеждение полного спасения и — что все мои грехи он взял на себя, и с ним я в раю... Кто уходил от него, те, по его убеждению, не спасались как отступники от Святого. Я стала жить: явилось сознание жизни христианской, желание исправиться и следить за собой... Я уже ходила в церковь... Меня мучило то, что я пользуюсь любовью учителя, научаюсь духовной жизни и беру с усадой, а к самому ему не влекло...

Мои родные, видя во мне перемену от смерти к жизни... решили пустить меня с моим сыном в Покровское... Ехали Григорий, одна сестра, я и сын. Вечером, когда все легли — но, Господи, что вы должны услышать, — он слез со своего места и лег со мной рядом, начиная сильно ласкать, целовать и говорить самые влюбленные слова и спрашивать: „Пойдешь за меня замуж?“ Я отвечала: „Если это надо“. Я была вся в его власти, верила в спасение души только через него, в чем бы это ни выразилось. На все это: поцелуи, слова, страстные взгляды, на все я смотрела как на испытание чистоты моей любви к нему и вспомнила слова его ученицы о смутном испытании, очень тяжком. Господи, помоги. Вдруг он предлагает мне соблазниться в грешной любви, говоря, что страшно меня любит и что это будет тайна... Я была тверда, что это он испытывает, а сам чист, и, вероятно, высказала, потому что он предложил мне убедиться, что он меня любит как мужчина — Господи, помоги написать все, — заставил меня приготовиться как женщине... и начал совершать, что мужу возможно, имея к тому то, что дается во время страсти...

Он совершал тогда все, что ему надо было, полностью, я томила и страдала, как никогда, но я же и молилась, и всю себя отдала Господу. Господу известно, что было со мной... я только помню мимолетное, но глубокое чувство горечи и боли осквернения моего чего-то драгоценного. Но я стала тотчас же молиться, увидев, что Григорий кладет бесчисленное множество поклонов земных с его всегда какой-то неестественной быстротой... Моя страсть эта улеглась и как бы уснула...

Утром и днем Григорий очень ласкался и этим возбуждал ревность в

сестре, даже большое огорчение. Вечером лег с ней, я молилась за нее. Потом опять пришел ко мне с тем же и сказал, что у него не было еще ни одной, которая перенесла бы так твердо, и что каждую, на которую он надеется, „испытывает“. Я спрашивала: „Неужели нельзя иначе исцелить эту страсть в нас?“ — и он отвечал: „Нет“. Я ему сказала: „Значит, вы особо от всех святых, прежде бывших, призваны исцелить нас преимущественно от первородного греха, так увлекшего все человечество?“ Ему очень понравилось мое определение, он ответил: „Вот истинно ты сказала“».

Истерическое поклонение женщин, не дающее покоя ни днем, ни ночью, Григорию Распутину изрядно досаждало. Не любил он и лести, тем более — чрезмерной, когда его сравнивали с Богом. Так, он всячески пытался образумить Ольгу Лохтину, называвшую его земным воплощением «Бога Саваофа». Распутин просил ее в письме: «Умоляю, не фотазируй... Боле дома сиди, мене говори, не иши в двадцатом веке Бога на земле».

Увы, Лохтина уже не могла образумиться. Одета в чудные белые одежды, с венчиком на голове, на котором крупными буквами было написано «Аллилуйя», она преследовала Распутина (к тому времени давно уже покинувшего ее дом) для того, чтобы в тысячный раз упасть перед ним на колени и вознести ему хвалу как живому воплощению Бога.

Даже одна подобная поклонница может превратить жизнь человека в ад. У Распутина их были сотни. Действительно — не позавидуешь...

Противники Распутина обвиняли его не только в чрезмерном сластолюбии, но и в «растлении» девушек и «изнасиловании» женщин. Тот же Председатель Государственной думы Родзянко заявлял, что в его распоряжении «находилась целая масса писем матерей, дочери которых были опозорены наглым развратником».

На деле «целая масса писем» сводится к трем, да-да, именно трем случаям, когда девушки жаловались на «растление» их Григорием Распутиным.

Первой была дочь сибирского купца Зинаида Пепеляева, бывшая монастырской послушницей, по описанию сладострастника Илиодора, девица «очень симпатичная, полная, упругая» и «в высшей степени набожная и целомудренная». Она якобы рассказала Илиодору (не исключено, что Илиодор сам все выдумал), что Распутин предложил ей раздеться и лечь с ним в постель, а когда она, полностью доверяя его праведности (святая простота!) и не ожидая подвоха, сделала это, то он «радел» на ней аж целых четыре часа, успокаивая ее тем, что все делается с одобрения иеромонаха Илиодора, епископа Гермогена и самого «батюшки-царя»!

Верится? Как-то не очень...

Второй «жертвой» стала воспитанница Епархиального училища Елена Тимофеева. Она несколько лет вращалась около Распутина, а затем вдруг подняла шум на всю Российскую империю, утверждая, что Распутин ее растлил. Тимофеевой мало кто верил, больно уж демонстративны и фальшивы были ее обвинения. Да и что это, с позволения сказать, за жертва, которая (если, конечно, верить ей) из месяца в месяц, из года в год отдавалась насильнику, а потом вдруг, спохватившись, озаботилась своею поруганной честью?

Третьей и самой известной кандидаткой в «растленные» была придворная няня Мария Вишнякова, или Мэри, как ее на английский манер называли во дворце. Сам Григорий звал ее «Меря».

Незаконнорожденная дочь одного из сенаторов, Мария воспитывалась в крестьянской семье, окончила курсы детских нянь и успела недолгое время прослужить в семье герцога Лейхтенбергского, откуда поступила в няни к царским детям (царица тогда была беременна великой княжной Татьяной). К моменту знакомства с Григорием Вишнякова состояла в нянях при наследнике. Было ей тогда около тридцати пяти лет. Вскоре Вишнякова стала лечиться у Распутина от «блудного беса».

Вполне закономерное желание для тридцатипятилетней девицы, по своей воле не желавшей выходить замуж (замужество означало лишение высокооплачиваемого места при дворе — согласно установленным правилам, придворные няньки набирались только из девиц). Мария даже ездила к Распутину в Покровское, да не одна, а с компанией, в которой была и Лохтина. Там, в Покровском, Григорий Распутин в одну из ночей якобы явился в комнату к Вишняковой, улегся рядом с ней и «растлил» ее.

По другой версии Распутин сделал это прямо в царском дворце, в комнате, отведенной Вишняковой. В книге следователя Соколова «Убийство царской семьи» приводятся показания камер-юнгферы императрицы М. Ф. Занотти: «Я относилась к нему (Распутину. — А. Ш.) отрицательно. Я считала его и теперь считаю тем именно злом, которое погубило царскую семью и Россию. Он был человек вовсе не святой, а был развратный человек. Он соблазнил у нас няньку Марию Ивановну Вишнякову. Это была няня Алексея Николаевича. Распутин овладел ею, вступив с нею в связь. Мария Ивановна страшно любила Алексея Николаевича. Она потом раскаялась и искренне рассказала о своем поступке Императрице. Государыня не поверила ей. Она увидела в этом чье-то желание очернить Распутина и уволила Вишнякову. А то была самая настоящая правда, о которой она в раскаянии не таилась, и мнение это

знали от нее же самой. Вишнякова сама мне рассказывала, что Распутин овладел ею в ее комнате, у нас во дворце. Она называла его „собакой“ и говорила о нем с чувством отвращения: Вишнякова тогда именно хотела открыть глаза на Распутина: какой это человек. Она хотела рассказать это и Государю, но она не была допущена к нему».

Камер-юнгфера Занотти была безгранично предана императрице, а Григория Распутина ненавидела всей душой. Неизвестно, почему. До нас не дошло никаких сведений о конфликтах или ссорах между фрейлиной и старцем.

Всеведущий Илиодор писал о «растлении» Вишняковой так: «М. И. В. Дочь сенатора, девица очень красивая, 35 лет. Познакомилась со „старцем“ на первых порах его деятельности в Петрограде. Увлеченная учением Распутина об изгнании блудных бесов, она, боримая, не желая выходить замуж и лишаться через это высокого придворного места, решила лечиться в „старческой лечебнице“ Распутина.

„Старец“, конечно, оказал милосердие и начал лечить ее. Сначала врачевал обычными поцелуями, прикосновениями и банями. Меря, как ее всегда звал „блаженный“, повиновалась и, по всей вероятности, ожидала, что вот-вот она будет чистая и святая и ей легко будет пребывать в девичестве...

После одной бани, где „старец“ убедил Мерю, что он бесстрастен и ничего не чувствует, когда прикасается к женщине, Мери легла рядом с Григорием, заснула, и — о, ужас! — в это время „блаженный“ сделался страстным и растлил чистую, невинную девушку... Мери рассказала об этом Феофану на исповеди...»

Существуют показания самой Вишняковой, данные ею на следствии в 1917 году. Их приводит в своей книге о Распутине Э. Радзинский: «Как-то весной 1910 года Государыня предложила мне поехать в Тобольскую губернию в Верхотурский монастырь на 3 недели, для того, чтобы в мае вернуться к поездке в шхеры. Я с удовольствием согласилась, так как люблю монастыри. В поездке должна была принять участие некая Зинаида Манштедт, которую я встречала в Царском Селе у своих знакомых, и она мне очень понравилась... В поездке, по словам Государыни, должны были принять участие Распутин и Лохтина... По приезде на Николаевский вокзал я встретила всех своих спутников... В Верхотурском монастыре мы пробыли два или три дня, а затем направились в гости к Распутину в село Покровское. У Распутина дом двухэтажный, большой, обставленный довольно хорошо, как у чиновника средней руки... В нижнем этаже живет жена Распутина со своими приживалками, в верхнем поселились мы по

разным комнатам. Несколько дней Распутин вел себя прилично по отношению ко мне... а затем как-то ночью Распутин явился ко мне, стал меня целовать и, доведя до истерики, лишил меня девственности... В дороге Распутин ко мне не приставал. Но проснувшись случайно, я увидела, что он лежит в одном белье с Зиной Манштедт. Возвратившись в Петроград, я обо всем доложила Государыне... а также рассказала при личном свидании епископу Феофану. Государыня на мои слова внимания не обратила и сказала, что все, что делает Распутин, свято. С этого времени я Распутина не встречала, а в 1913 году была уволена от должности няни. Причем мне было поставлено на вид, что я бываю у преосвященного Феофана...»

Сестра Николая II, великая княгиня Ольга Александровна, писала в своих мемуарах, «что всякая провинность со стороны дворцового персонала относилась злыми языками на счет Распутина. Одна такая история о мнимом изнасиловании одной из нянь дошла до Императора. Тот сразу же приказал произвести дознание. Выяснилось, что молодую женщину действительно застали в постели — но с казаком из Императорского конвоя».

Как тут не вспомнить: «Я заблудился, как овца потерянная: взыщи раба Твоего, ибо я заповедей Твоих не забыл» (*Пс.118:176*).

Великой княгине Ольге Александровне можно верить. Она не любила Распутина и никогда бы не стала кривить душой, выгораживая его. Скорее наоборот.

Ее неприязнь к Распутину началась с не вполне уместных, а по мнению самой Ольги — откровенно бесцеремонных вопросов. Дело в том, что при первой же встрече с ней Григорий поинтересовался, счастлива ли она, любит ли она своего мужа, а если любит, то почему у них нет детей.

Провидческий талант сибирского старца сказался и здесь — если Ольга Александровна и состояла в браке, то только формально, потому что ее супруг женщинам предпочитал мужчин. Но то что было приемлемо для простодушного искреннего странника, оказалось совершенно неприемлемым для сестры императора. Кроме того, чопорную Ольгу Александровну раздражали простецкие манеры Григория. «Если уж на то пошло, — писала Ольга в своих воспоминаниях, — то я находила его довольно примитивным. Голос у него был низкий и грубый, разговаривать с ним было почти невозможно. В первый же вечер я заметила, что он перескакивает с одного предмета на другой и очень часто приводит цитаты из Священного Писания. Но это не произвело на меня ни малейшего впечатления... Я достаточно хорошо изучила крестьян и знала, что очень

многие из них помнят наизусть целые главы из Библии».

Чувствуя неприязнь Ольги, Распутин, с присущей ему непосредственностью, попытался, как принято говорить нынче, «нормализовать отношения», но потерпел неудачу. «После того как хозяйка вместе с Ники и Алики отлучились из гостиной на несколько минут, Распутин поднялся, обнял меня за плечи и начал гладить мне руку, — вспоминала Ольга. — Я отодвинулась от него, ничего не сказав. Я просто встала с места и присоединилась к остальным. Этим человеком я была сыта по горло. Я невзлюбила его еще больше, чем прежде. Хотите — верьте, хотите — нет, но, вернувшись в Петербург, я совершила странный поступок: пошла к мужу в его кабинет и рассказала ему обо всем, что произошло. Он выслушал меня и с серьезным лицом посоветовал мне избегать встреч с Распутиным в будущем. В первый и единственный раз я знала, что муж прав».

Помимо растления легионов невинных дев, недоброжелатели и завистники обвиняли Григория Распутина в греховной связи с... императрицей Александрой Федоровной и ее старшими дочерьми. По этому поводу исчерпывающе высказался Арон Симанович. В своей книге «Распутин и евреи» он писал: «В Петербурге усиленно распространялись слухи, что Распутин находится в интимной связи с царицей и ведет себя также неблагопристойно по отношению к царским дочерям. Эти слухи не имели ни малейшего основания.

Распутин никогда не являлся во дворец, когда там не было царя. Я не знаю, по собственной ли инициативе или по царскому указанию он так поступал. Изредка Распутин встречался с царицей в ее лазарете, но всегда в присутствии свиты.

Также в слухах о царских дочерях нет ни слова правды. По отношению к царским детям Распутин был всегда внимателен и благожелателен. Он был против брака одной из царских дочерей с великим князем Димитрием Павловичем, предупреждая ее и даже советуя не подавать ему руки, так как он страдал болезнью, от которой можно было заразиться при рукопожатии. Если же рукопожатие неизбежно, то Распутин советовал сейчас же после этого умываться сибирскими травами.

Советы и указания Распутина оказывались всегда полезными, и он пользовался полным доверием царской семьи. Царские дети имели в нем верного друга и советника. Если они вызывали его недовольство, то он срамял их. Его отношения к ним были чисто отеческие. Вся царская семья верила в божественное назначение Распутина.

Он часто упрекал царицу в ее скупости. Он был очень недоволен, что

вследствие бережливости царские дочери ходили плохо одетыми. Скупость царицы при дворе вошла в поговорку. Она стремилась даже в мелочах экономить. Ей было до того тяжело расставаться с деньгами, что она даже платья покупала в рассрочку.

Грязные сплетни давали мне повод к частым разговорам с Распутиным по поводу его отношений к царице и ее дочерям. Эти злостные сплетни меня сильно беспокоили, и я считал бессовестным распространение безобразных слухов про безукоризненно ведущих себя царицу и ее дочерей. Чистые и безупречные девушки не заслуживали этих распространяемых бессовестными создателями сенсаций обвинений. Несмотря на их высокое положение, они были беззащитны против такого рода слухов.

Было стыдно, что даже родственники царя и высокие сановники также занимались муссированием этих слухов. Их поведение можно назвать тем более низким, что им доподлинно была известна вздорность этих слухов. Распутин возмущался этими слухами, но по причине своей невинности не принимал их особенно горячо к сердцу. Я учитывал положение в этом отношении иначе и считал необходимым выступать против этих слухов и часто упрекал Распутина в его безразличии к этому вопросу.

— Что ты хочешь от меня, — кричал на меня во время таких разговоров Распутин. — Что я могу сделать? Разве я виноват, что про меня клеветают таким образом?

— Но недопустимо, чтобы из-за тебя разводились нелепые сплетни на великих княжен, — возражал я. — Ты должен же понять, что каждому жаль бедных девушек и что даже царицу замешивают в эту грязь.

— Убирайся к черту! — кричал Распутин. — Я ничего не сделал. Люди должны понять, что никто не загрязняет то место, где он кушает. Я служу царю и никогда ничего подобного не осмелюсь сделать. На такую неблагодарность я неспособен».

Старец действительно не был способен на неблагодарность. Ни на большую, ни даже на малую. Он воздавал добром за добро, а зло обычно прощал.

Когда-то обычный женатый мужик, Григорий Распутин решил испытать себя воздержанием. Достижение бесстрастия было его целью.

С бесстрастием, увы, ничего не получилось. «Блудный бес», а точнее говоря — любовь к жизни, к ее большим и малым радостям, оказалась сильнее воли старца. Тогда Григорий изменил свои взгляды. Конечно же, он страдал. Мучился сознанием собственной слабости, упрекал себя в отсутствии воли.

Похоть возобладала над святостью, и тогда Распутин решил изгонять

грех грехом и перестал сдерживать себя. Чистая душа его оградилась от грешной плоти невидимым барьером, и пока плоть грешила, дух пребывал в святости.

Как такое возможно?

А почему бы и нет? Все ведь определяется помыслами, намерениями. Своим многочисленным женщинам Григорий Распутин дарил любовь, наиглавнейший и бесценный дар Божий. Сознание собственной греховности нисколько не умаляло величия любви, а, напротив, возвышало ее еще больше.

Он грешил и страдал. Страдание очищало его ненадолго — плоть начинала требовать своего, и дух снова и снова не мог совладать с нею. Распутин раскаивался, мучился неизбежностью новых грехов и постепенно пришел к выводу о том, что в плотской любви вообще нет никакого греха, подобно тому, как нет его в Любви вселенской.

Тогда он смог вздохнуть спокойно и предаться земным радостям без самоедства. Любовь победила, да победила так, что порой Распутин начинал терять чувство меры...

Но никогда не совершал он насилия над женщинами, ибо любовь и насилие несовместимы. Принуждение убивает любовь и превращает радость в страшный грех.

Выполняя свое предназначение на земле, Распутин дарил утешение всем, кто обращался к нему за помощью. И разве есть его вина в том, что многим женщинам было мало утешения словесного, духовного?

Обличителям же нелишне вспомнить: «Когда же продолжали спрашивать Его, Он... сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Иоанн.8:7) и «Нет человека, который не согрешил бы» (2, Пар. 6, 24).

Матрена Распутина писала: «Я запомнила один спор, который шел между Марией Евгеньевной Головиной и Анной Александровной Вырубовой в присутствии, разумеется, отца — во время обычных чаепитий.

А разговор, как это бывало, начался с материй духовных и плавно перетек на материи вполне житейские, к чему, собственно, все, кто не обнаруживал себя ханжой, и стремились.

Что сильнее — любовь или страсть? Где скрещенье? И есть ли оно?

Мария Евгеньевна утверждала, что любовь сильнее страсти, потому что способна длиться дольше, что сладка как раз не страсть, а любовь, и даже безответная, безнадежная, больная и мучительная.

Анна Александровна же, напротив, уверяла, что страсть сильнее, так

как всегда подавляет и подчиняет себе любовь, что никакого скрещенья нет и быть не может — либо одно, либо другое...

Обе горячились, сбиваясь от волнения на французский, тут же торопясь перевести каждая отцу свои доводы.

Отец так и не вмешался. Он просто смотрел на них с жалостью — никак не хотели договориться между собой две несчастные в любви и страсти женщины, одна обманутая, другая поруганная».

Ярой ненавистницей Распутина прослыла фрейлина Софья Ивановна Тютчева, внучка известного поэта, состоявшая при царских дочерях. Некоторые склонны видеть в ней безвинную страдальцу, осмелившуюся открыть царю и царице глаза на истинный облик Распутина и за то пострадавшую, а некоторые — весьма самонадеянную дамочку, рискнувшую учить жизни своих царствующим работодателям.

Ее карьера при дворе вначале складывалась весьма удачно. Отличное происхождение (Тютчевы были старинным московским дворянским родом), острый ум, отменные, как и следовало ожидать, манеры, твердый, «настоящий педагогический» характер.

Распутина Тютчева невзлюбила с первого взгляда, невзлюбила беспричинно (не сыграло ли здесь роль «столбовое» дворянское чванство?), невзлюбила, несмотря на то, что нелюбовь эта весьма огорчала ее воспитанниц и саму императрицу. «Я так боюсь, что С. И. (Софья Ивановна. — А. Ш.) может сказать... что-нибудь дурное о нашем Друге. Я надеюсь, что наша няня теперь будет мила с нашим Другом», — писала императрице ее дочь Татьяна в марте 1910 года.

История с Тютчевой длилась долго. Поначалу ее нелюбовь к Распутину вызывала у императорской семьи удивление, граничившее с недоумением, затем стала раздражать. Софья Ивановна унаследовала от деда хорошо подвешенный язык, которым без стеснения молола всякую чепуху, нарушая не только нормы приличия, но и профессиональную придворную этику, согласно которой было не принято выносить сор из избы, то есть из дворца. Смысл ее болтовни сводился к тому, что Распутин — вульгарный хам, что Распутин — развратник, что Распутин имеет обыкновение бесцеремонно врывать в комнаты юных царских дочерей, даже если в это время они лежат раздетыми в постели.

Короче говоря — лезет со своим свинячьим рылом в калашный ряд и делает вид, что так и надо.

Дошло до того, что Тютчева получила взбучку от вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Об этом в феврале 1912 года упомянула в своем дневнике сестра Николая II, великая княгиня Ксения Александровна,

некогда весьма благосклонно относившаяся к Тютчевой. «Мама... ругала Тютчеву, которая много болтает и врет», — писала Ксения.

Наконец после бурного скандала, устроенного Тютчевой по поводу все того же посещения Распутиным комнат ее воспитанниц, Александра Федоровна потребовала от неугомонной фрейлины объяснений. Тютчева надерзила императрице и получила приказ удалиться от двора. По другой версии Тютчева сама попросила императрицу отпустить ее домой, в Москву. Министру двора, барону Фредериксу, удивленному столь молниеносной отставкой, было пояснено, что Тютчева вмешивалась в то, что ее не касается, и осмелилась указывать императрице на то, что можно ее детям и чего нельзя.

Протопресвитер Шавельский в своих «Воспоминаниях последнего протопресвитера русской армии и флота» писал: «В среду на первой неделе Великого поста (1912 г.) приехала ко мне за советом воспитательница царских дочерей, фрейлина Софья Ивановна Тютчева, — писал протопресвитер Шавельский. — Она не знала, как поступить: Распутин начал бесцеремонно врываться в комнаты девочек — царских дочерей, даже и в то время, когда они бывали раздетые, в постели, и вульгарно обращаться с ними. Тютчева уже заявляла Государю, но Государь не обратил внимания. Теперь она спрашивала меня, должна ли она решительно протестовать перед Государем против этого. Я ответил, что должна, не считаясь с последствиями ее протеста. Положим, сейчас ее могут не понять и уволить, но зато после поймут и оценят. Если же она теперь не исполнит своего долга, то в случае какого-либо несчастья она подвергнется огромной ответственности. Тютчева протестовала, и ее за это уволили.

Потом я видел ее в 1917 году в Москве. Она не раскаивалась в своем поступке».

Уехав в Москву, Тютчева не только не раскаялась, но и продолжила всячески чернить Распутина. Ее московская квартира (Средний Спасский переулок, дом Носова) и подмосковное родовое имение Мураново стали центром антираспутинских настроений Первопрестольной столицы. Став одной из активисток Московского Красного Креста, Софья Тютчева большую часть своей энергии расходовала на очернение Распутина, а не на благие дела.

В мемуарах Анны Вырубовой сказано: «Фрейлина Тютчева поступила к Великим Княжнам по рекомендации Великой Княгини Елизаветы Феодоровны; принадлежала она к старинной дворянской семье в Москве. Поступив к Великим Княжнам, она сразу стала „спасать Россию“. Она

была не дурной человек, но весьма ограниченная. Двоюродным братом ее был известный епископ Владимир Путята (который сейчас в такой дружбе с большевиками и ведет кампанию против Патриарха Тихона). Этот епископ и все иже с ним имели огромное влияние на Тютчеву.

Приехав как-то раз в Москву, я была огорошена рассказами моих родственников, князей Голицыных, о Царской Семье, вроде того, „что Распутин бывает чуть ли не ежедневно во дворце, купает Великих Княжон и т. д.“, говорят, что слышали это от самой Тютчевой. Их Величества сперва смеялись над этими баснями, но позже Государю кто-то из министров сказал, что надо бы обратить внимание на слухи, идущие из дворца. Тогда Государь вызвал Тютчеву к себе в кабинет и потребовал прекращения подобных рассказов. Тютчева уверяла, что ни в чем не виновата. Если впоследствии Их Величества и чаще видали Распутина, то с 1911 года он не играл никакой роли в их жизни. Но о всем этом потом, сейчас же говорю о Тютчевой, чтобы объяснить, почему именно в Москве начался антагонизм и интриги против Государыни.

Тютчева и после предупреждения Государя не унималась; она сумела создать в придворных кругах бесчисленные интриги — бегала жаловаться семье Ее Величества на нее же. Она повлияла на фрейлину княжну Оболенскую, которая ушла от Государыни, несмотря на то, что служила много лет и была ей предана. В детской она перессорила нянь, так что Ее Величество, которая жила детьми, избегала ходить наверх, чтобы не встречаться с надутыми лицами.

Когда же Великие Княжны стали жаловаться, что она восстанавливает их против матери, Ее Величество решила с ней расстаться. В глазах московского общества Тютчева прослыла „жертвой Распутина“; в самом же деле все нелепые выдумки шли от нее, и она сама была главной виновницей чудовищных сплетен на чистую семью Их Величеств».

Спустя три года после изгнания Тютчевой императрица писала мужу по поводу назначения новым обер-прокурором Священного Синода А. Д. Самарина: «Скажи ему про все, и что его лучший друг — Соф. Ив. Тютчева — распространяет клеветы про наших детей. — Подчеркни это и скажи, что ее ядовитая ложь принесла много вреда, и ты не позволишь повторения этого».

Софья Тютчева была непоследовательна в своих обвинениях. То она обвиняла Распутина в слишком вольном обращении с царскими дочерьми, то совершенно забывала об этом и начинала вещать о растлении девицы Вишняковой.

Всякое лыко годно в строку. Лишь бы уесть врага...

В Нижегородском государственном художественном музее хранится портрет Софьи Ивановны Тютчевой, написанный Михаилом Нестеровым спустя десять лет после Октябрьских событий 1917 года. Мастер точно подметил и четко отобразил основные черты характера внучки поэта. Твердый упрямый подбородок, скорбно сжатые губы с нагоняющими тоску складками по углам, недружелюбный взгляд, наполовину скрытый стеклами пенсне...

На почве ненависти к Распутину Тютчева близко сошлась с окружением великого князя Николая Николаевича, недолголюбивавшего своего венценосного племянника, его семью и его приближенных по множеству причин, первой из которых была банальная зависть. Титул великого князя был маловат для амбициозного Николая Николаевича. Ему самому хотелось быть самодержцем российским.

Отношения Распутина с женщинами крайне занимали его современников. Несведущим людям может представляться, что столичное общество, всячески осуждавшее Распутина, отличалось высокой нравственностью и безукоризненной моралью.

Это далеко не так. И высший свет, и те, кто вращался в его орбите, погрязли в самых разнообразных пороках. Достаточно вспомнить кутежи гвардейских офицеров, разнузданные гулянки купцов и промышленников или, например, многочисленные «шалости» великих князей.

Суть нападок на Распутина крылась не в его поведении и не в его образе жизни, а в его близости к императорской чете. Близость эта была удивительной, необъяснимой и пугающей.

Но самое сильное чувство, которое она возбуждала в окружающих, называлось завистью.

Глава восьмая. Петербургская жизнь

Близость к царю и царице обернулась для Григория Распутина небывалой популярностью.

В глазах представителей всех слоев общества Распутин был могущественнее любого из высших сановников империи, ведь он имел прямое влияние на царя. Им невозможно было представить себе характер этого влияния, как невозможно было представить, что Распутин не пользуется своей властью в корыстных целях.

Постепенно Николай II настолько привык интересоваться мнением старца, что спрашивал его практически по любому вопросу.

«Одного слова Распутина было достаточно, чтобы чиновники получали высокие ордена или другие отличия. Поэтому все искали его поддержки, — писал Арон Симанович. — Назначения, для которых была необходима долголетняя служба, Распутиным проводились в несколько часов. Он доставлял людям должности, о которых они раньше и мечтать не смели. Он был всемогущий чудотворец, но при этом доступнее и надежнее, чем какая-нибудь высокопоставленная особа или генерал. Ни один царский фаворит никогда в России не достигал такой власти, как он».

Простой неотесанный мужик правил огромной империей? Нет — одаренный крестьянин силою своего духа поддерживал не слишком одаренного правителя шестой части суши.

Поддерживал как мог, как умел, как было заповедовано свыше.

«Устами лицемер губит ближнего своего, но праведники прозорливостью спасаются», — сказано в Писании (Сол.11:9). Будучи убежденным противником лицемерия, Григорий Распутин избегал всяческих его проявлений, в частности не спешил перенимать «приличные манеры», принятые в свете.

Вспоминает Матрена Распутина: «Чаще всего отец ел руками. К приборам, за исключением ложки, он не привык, а потому и не считал нужными. Говорил:

— Еду Бог дает, что ж ее тыкать.

Одергивал меня, когда я пыталась есть по всем правилам хорошего тона:

— По крайности ложкой ешь.

У многих описано, как отец раздавал за столом кушанья руками. Это верно. Но делал он так не от некультурности, а потому что полагал

церемонией:

— Христос руками хлеба делил и голодных одаривал».

Не для того чтобы шокировать окружающих или тем паче возвыситься над ними, Григорий Распутин чурался светских манер. Он делал это по убеждению, пусть и весьма своеобразному, самобытному. Но даже близкие к старцу люди не понимали его мотивов. Тот же Симанович писал: «Распутин не старался перенять манеры и привычки благовоспитанного петербургского общества. Он вел себя в аристократических салонах с невозможным хамством.

По-видимому, он нарочно показывал свою мужицкую грубость и невоспитанность.

Это была удивительная картина, когда русские княгини, графини, знаменитые артистки, всесильные министры и высокопоставленные лица ухаживали за пьяным мужиком. Он обращался с ними хуже, чем с лакеями и горничными. По малейшему поводу он ругал этих аристократических дам самым непристойным образом и словами, от которых покраснели бы конюхи. Его наглость бывала неопишима».

Не наглость — о какой наглости применительно к Распутину могла идти речь? — а простота и искренность. Что же касается слов, «от которых покраснели бы конюхи», то достаточно вспомнить, как, к примеру, любили выражаться великие князья Владимир Александрович или Николай Николаевич. И если крестьяне зачастую сквернословили неосознанно, по привычке, в силу необразованности, то аристократы умением вставить к месту «крепкое словцо» гордились и бравировали.

Симанович доходил даже до того, что пытался объяснить поведение Распутина чуть ли не с классовых, сословных позиций: «Я не сомневаюсь, что Распутин нередко вел себя возмутительно, безобразно, чтобы показать свою ненависть к дворянству. С особенною любовью он ругался и издевался над дворянством, называл их собаками и утверждал, что в жилах любого дворянина не течет ни капли русской крови.

Разговаривая же с крестьянами или своими дочерьми, он не употреблял ни единого бранного слова».

Квартира Распутина всегда была полна самого разномастного народу. Многие приходили сюда как к себе домой — приносили какую-нибудь снедь и пили чай в столовой, где к услугам гостей в любое время был огромный самовар с кипятком.

Можно было прийти сюда и без еды. Для тех, кто явился, что называется, с пустыми руками, на столе всегда было приготовлено нехитрое угощение. Чаще всего — вареный картофель, кислая капуста и

черный хлеб, как свежий, так и в виде сухарей.

Мяса Распутин не ел, отдавая предпочтение рыбе. Очень уважал икру. Воздерживаясь от сладостей, любил полакомиться фруктами.

Наемной прислуги старец не держал, то ли считая это неподобающей роскошью, то ли не видя в том нужды: с ведением хозяйства прекрасно справлялись его племянницы Нюра и Катя. Они же присматривали и за дочерьми Распутина, которые жили вместе с отцом.

Сын Григория Распутина, Дмитрий, по оценке знавших его, «очень тихий и добродушный мальчик», прожил с отцом недолго. Проучившись кое-как (способностями Дмитрий не блистал) два года в Духовном училище, он вернулся домой, в Покровское, к обычной крестьянской жизни.

Жена Распутина, Прасковья, бывала в Петербурге лишь кратковременными наездами, навещая мужа и дочерей примерно раз в год. «Во время ее приездов Распутин не стеснял себя, но обходился с ней очень приветливо и любил ее по-своему, — рассказывал Симанович. — Она не обращала много внимания на любовные похождения своего мужа и в таких случаях говорила: „Он может делать, что хочет. У него хватает для всех“.

Он целовал своих аристократических поклонниц в присутствии своей жены, и ей это даже льстило. Обычно очень упрямый, легко вспыльчивый, не терпящий противоречий и готовый всегда драться со своим противником, Распутин относился к своей жене очень податливо. Они жили в сердечной дружбе и никогда не спорили между собой».

Ефим Распутин, отец Григория, незадолго до своей смерти навестил сына в столице и, по словам очевидцев, остался весьма доволен его положением. Родной сыну по крови, но бесконечно далекий по духу, Ефим Распутин был склонен расценивать знакомство Григория с царем и царицей не как стечение обстоятельств и не как предназначение, а всего лишь как венец блистательной карьеры.

Хотя если и был там какой венец, то разве что мученический. Чем обернулась для Григория близость ко двору, всем хорошо известно...

Каждое утро, между десятью и одиннадцатью часами, Распутин принимал посетителей. Сановников, генералов, страждущих, поклонников и поклонниц, странников... Не одни лишь женщины добивались внимания старца — хватало и мужчин. Порой число посетителей доходило до двухсот человек...

Он мог многое, и люди беззастенчиво пользовались этим.

Одних приводило к нему желание сделать карьеру, другие искали доходных мест, третьи — защиты от обидчиков, четвертые просили

исцеления... Посетителям не было конца, и для каждого надо было найти хоть минутку.

«Если он не спал после ночного кутежа, — писал Симанович, под кутежами понимавший все виды ночного времяпрепровождения, отличные ото сна, начиная с молитвенных бдений и заканчивая поздними застольями, — то он обычно выходил к этой разношерстной, набившей все углы его квартиры толпе просителей. Он низко кланялся, оглядывал толпу и говорил:

— Вы пришли все ко мне просить помощи. Я всем помогу.

Почти никогда Распутин не отказывал в своей помощи. Он никогда не задумывался, стоит ли проситель его помощи и годен ли он для просимой должности. Про судом осужденных он говорил: „Осуждение и пережитый страх уже есть достаточное наказание“».

Для Распутина было решающим то, что проситель нуждался в его помощи. Он помогал всегда, если было только возможно, и он любил унижать богатых и власть имущих, если он этим мог показать свои симпатии бедным и крестьянам. Если среди просителей находились генералы, то он насмешливо говорил им: «Дорогие генералы, вы привыкли быть принимаемыми всегда первыми. Но здесь находятся бесправные евреи, и я еще их сперва должен отпустить. Евреи, подходите. Я хочу для вас все сделать».

Я всем помогу...

Я хочу для вас все сделать...

Многие беззастенчиво пользовались добротой Григория, а он верил, потому что не мог не верить, и помогал, потому что не мог не помочь. Помогал бескорыстно, безвозмездно.

Враги обвиняли его в алчности, но обвинения эти, как, впрочем, и все остальные, были беспочвенными. Распутин никогда не искал богатства материального — только духовного. Накопительство, стяжательство и преследование личной выгоды были чужды его широкой натуре.

Можно представить, как бы озолотился любой неразборчивый в средствах человек, окажись он на месте Григория Распутина. Близость к императорской чете могла обернуться неслыханным состоянием, стоило лишь правильно ее использовать.

Но не таков был сибирский странник. Он не оставил после себя никаких капиталов, хотя без труда мог бы скопить их. Было бы желание...

Желания не было.

«Ему не стоило бы много труда получать от лиц, которым он устраивал должности и всякие другие выгоды, денежные вознаграждения. Но он

никогда не требовал денег. Он получал подарки, но они не были высокой стоимости, — свидетельствовал Симанович. И продолжал: — Для себя он ничего не требовал. Я пытался его заинтересовать в моих делах, но он всегда отказывался».

Обязательно найдется кто-то, кто упрекнет любого биографа Григория Распутина в необъективности. Особенно достается биографам из числа современников, начиная с Илиодора и заканчивая Матреной Распутиной. Не избежал упреков и Арон Симанович, хотя по сравнению со свидетельствами того же Илиодора его мемуары производят куда более убедительное впечатление и не верить ему в целом нет никаких оснований.

Очень редко Распутин отказывал просящему. Сам он порой страдал от невозможности помочь ближнему больше того, кто обращался к нему за помощью. «Люди должны жить рука об руку и помогать друг другу», — считал Распутин. Его желание дарить ближним радость было настолько всеобъемлющим, что, даже отправляясь в ресторан, он непременно набивал карманы разными подарками для тех, кого он мог там встретить, в первую очередь для цыганок — Распутин очень любил цыганское пение (особенно большие цыганские хоры, человек по тридцать, а то и сорок), под которое нередко и сам пускался в пляс.

Плясать он любил. Для него это был целый ритуал, особая, не сравнимая ни с чем радость, можно даже сказать — жизненная потребность. Какое наслаждение — полностью раствориться в ритмичном движении, позволяя музыке целиком овладеть тобой.

Танец — великолепное средство самовыражения как для профессионального танцора, так и для простого крестьянина. В танце можно выплеснуть все скопившееся на душе, включая и то, что невозможно выразить словами.

Танец Распутина был не прихотью, а необходимостью, излитием мистического духовного потока, одновременно выражавшим и потаенное страдание, и бурную радость жизни.

Мистика и танец недаром взаимосвязаны, ведь именно в танце, совершая определенные ритмичные движения, человек утрачивает свое «я» и словно прикасается обнаженной душой своей ко Вселенной, неосознанно стремясь к единству с ней. В танце нет желаний, нет помыслов, а есть только ритм, вечный ритм мироздания, пульсация высшего разума.

Танец — это ритуал, танец — это первозданный способ общения с миром, а для русского крестьянина танец был и подобием молитвы, духовного радения. Достаточно вспомнить хотя бы хлыстов с их групповыми танцами.

Распутин мог пуститься в пляс совершенно неожиданно для окружающих, во время завтрака, беседы, совместного моления или одной из своих кратких, но емких по смыслу проповедей. Вскикивал, притопывал и плясал до изнеможения, не находя в том ничего странного. Танец обрывался так же внезапно, как и начался.

Танец давался Распутину легко, без особых усилий. Его большая, довольно-таки тяжеловесная фигура вдруг становилась легкой, воздушной, стремительной, как бы бесплотной. Он кружился, приседал, подпрыгивал, а мог взять и выхватить из круга зрителей одну из женщин и танцевать вместе с нею. Его танцам было далеко до расписанных по шагам полонезов и вальсов, первозданный танец старца походил на салонный ровно настолько, насколько бурный водопад подобен парковому фонтану.

«К музыке и танцам он питал неодолимую слабость. Во время кутежей музыка должна была играть непрерывно. Часто Распутин вставал из-за стола и пускался в пляс. В плясках он обнаруживал изумительную неутомимость. Он плясал по 3–4 часа», — писал о Распутине известный в начале XX века публицист Иван Ковыль-Бобыль.

«Он (Распутин. — А. III.) был также страстным танцором и великолепно танцевал русские танцы. В этом отношении было трудно с ним конкурировать даже профессиональным танцорам», — подтверждает Симанович.

Можно вспомнить слова Распутина, уже приводившиеся на страницах этой книги: «И царь Давид танцевал перед ковчегом Господа».

Страсть Григория Распутина к танцу передалась по наследству и его дочери Матрене. Октябрьские события 1917 года вынудили семью Матрены к эмиграции. В 1924 году после смерти своего мужа (Борис Соловьев умер от туберкулеза) она осталась в Париже с двумя дочерьми на руках практически без гроша. Недолго поразмыслив, Матрена пошла в танцовщицы, достигнув на этом поприще определенных успехов.

Недруги припомнили Распутину и совершенно невинную страсть к танцам. Поэт и сектант Николай Клюев, знавший Распутина и поначалу оценивавший его личность очень высоко («Клюев — это неудавшийся Распутин», — считал поэт Михаил Кузмин; «по Распутинской дороге он хочет пробраться к царю», — сказал о Клюеве писатель Алексей Ремизов), а в последние годы жизни — резко отрицательно, писал:

Это я плясал перед царским тронem
В крылатой поддевке и злых сапогах.
Это я зловещей совою влетел в Романовский дом,

Чтоб связать возмездье с судьбою
Неразрывным красным узлом,
Чтоб метлою пурги сибирской
Замести истории след...
Зырянин с душою нумидийской
Я — родной мужицкий поэт.
«Четвертый Рим».

Тяжеловесный «душный» слог, выпренные фразы. Недаром же сказал Сергей Есенин:

...Клюев, ладожский дьячок,
Его стихи как телогрейка,
Но я их вслух вчера прочел,
И в клетке сдохла канарейка.

Вряд ли кто-то из недоброжелателей Распутина позволил себе циничнее Клюева отозваться о гибели старца:

Сегодня корень азиатский
С ботвою срежет князь Димитрий,
Чтоб не плясал в плющевой митре
Козлообраз в несчастном Царском.

Князь Димитрий — это великий князь Димитрий Павлович. Лейтенант третьего конного лейб-гвардейского полка, единственный сын великого князя Павла Александровича, внук императора Александра II, блестящий спортсмен и ярый ненавистник Григория Распутина, ставший одним из его убийц.

Столичный уклад жизни Григория Распутина, конечно же, резко отличался от сибирского, деревенского. Как пример, можно привести отрывок из мемуаров Анны Вырубовой, которая по поручению императрицы посещала Покровское: «Хотя, как я сказала, Ее Величество доверяла ему (Распутину. — А. III.), но два раза она посылала меня с другими к нему на родину, чтобы посмотреть, как он живет у себя в селе Покровском. Конечно, нужно было выбрать кого-нибудь опытнее и умнее

меня, более способного дать о нем критический отзыв; я же поехала, ни в чем не сомневаясь, с радостью исполняя желание дорогой Государыни, и доложила, что я видела. Поехала я со старой г. Орловой, моей горничной и еще двумя дамами. Мать, разумеется, меня очень неохотно отпускала. Из Тюмени до Покровского ехали 80 верст на тарантасе. Григорий Ефимович встретил нас и сам правил сильными лошаdkами, которые катили нас по пыльной дороге через необъятную ширь сибирских полей. Подъехали к деревянному домику в два этажа, как все дома в селах, и меня поразило, как зажиточно живут сибирские крестьяне. Встретила нас его жена — симпатичная пожилая женщина, трое детей, две немолодые девушки-работницы и дедушка-рыбак. Все три ночи мы, гости, спали в довольно большой комнате наверху, на тюфяках, которые расстилали на полу. В углу было несколько больших икон, перед которыми теплились лампы. Внизу, в длинной темной комнате, с большим столом и лавками по стенам обедали; там была огромная икона Казанской Божьей Матери, которую они считали чудотворной. Вечером перед ней собирались вся семья и „братья“ (так называли четырех других мужиков-рыбаков), все вместе пели молитвы и каноны.

Водили нас на берег реки, где неводами ловили массу рыбы и тут же, еще живую и трепетавшую, чистили и варили из нее уху; пока ловили рыбу, все время пели псалмы и молитвы. Ходили в гости в семьи „братьев“. Везде сибирское угощение: белые булки с изюмом и вареньем, кедровые орехи и пироги с рыбой. Крестьяне относились к гостям Распутина с любопытством, к нему же безразлично, а священники враждебно. Был Успенский пост, молока и молочного в этот раз нигде не ели; Григорий Ефимович никогда ни мяса, ни молочного не ел. По возвращении я рассказывала все, что видела».

Далеко не праздное любопытство вынудило императрицу отправить Вырубову в Покровское. Противники Распутина развернули против него настоящую кампанию. Обличали, разоблачали, уличали.

Одним словом — травили.

Разумеется, императрица чувствовала себя обязанной разобраться во всем и установить истину.

Глава девятая. Травля

Совершенно того не желая, Распутин вызвал недовольство собой у множества лиц.

Его возненавидели церковники-традиционалисты, видящие в его патриархальном учении опасность для церковных устоев и в первую очередь для своей собственной власти.

Его возненавидели родственники царя, придворные и большинство влиятельных сановников, которых не только раздражало, но и сильно пугало то, что император не только общается с каким-то мужиком как с равным себе, но и позволяет тому советовать. Мало того — император принимает эти советы к сведению и нередко руководствуется ими в своих поступках. Таким образом «монаршая воля» помазанника Божья подменяется волей неотесанного мужика. Неслыханное нарушение правил и приличий, подрывающее сами основы общества, опирающегося в первую очередь на кастовые принципы, и сводящее к нулю роль аристократии. У великой княгини Милицы Николаевны, настроившей против Распутина великого князя Николая Николаевича и его окружение, были свои претензии к старцу. Завистливая Милица так и не смогла смириться с тем, что Распутин стал бывать у императрицы без нее, хотя ранее якобы обещал этого не делать. Поговаривали, что пресловутое дело Тобольской консистории «по обвинению крестьянина Григория Ефимовича Распутина-Нового в распространении подобного хлыстовскому лжеучения» было начато осенью 1907 года именно с подачи Милицы.

Его возненавидели правые, на которых «народничество» в любом его выражении действовало точно так же, как красный плащ тореадора на быка. Они могли смириться со многим, но не с «мужицким влиянием» на императора. Справедливости ради надо заметить, что пока Распутин приятенно относился к «Союзу русского народа», правые его любили и всячески хвалили.

Его возненавидели и либералы, считавшие, что Распутин своей близостью к царю (ох уж эта проклятая близость, поистине от нее все напасти!) дискредитирует и опошляет идею народничества. Либералы вообще не упускали ни одной возможности уесть ненавистное им самодержавие.

Его возненавидели административно-полицейские власти, у которых столь близкие отношения простого мужика с императором вызывали

определенные опасения. Бюрократы не любят ничего нестандартного, не укладывающегося в их замшелые рамки дозволенного.

«У государя, как и у императрицы, — писал последний дворцовый комендант В. Н. Воейков, — сложилось достаточно обоснованное убеждение, что всякое пользующееся их доверием лицо тем самым обрекается на нападки завистников и клеветников».

Так оно и было. За все надо платить. В том числе и за близость к трону.

«Темная сила» (уж не отсюда ли взяли большевики свое сакраментальное: «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут»?).

«Хлыст».

«Мошенник».

«Шарлатан».

«Развратник». Как вариант — «Пьяница и развратник».

«Дьявол».

Всех эпитетов и прозвищ, которыми наградили Распутина его недоброжелатели, и не перечислить. Впрочем, самых расхожих достаточно, чтобы составить мнение о масштабах травли, развернутой против сибирского старца.

С середины 1909 года под воздействием всей той грязи, которая щедро выливалась на Распутина, изменил свое отношение к нему Феофан. Этот «скромный, тихий, молчаливый, ходивший всегда с опущенными глазами, избегавший даже вида женщин, застенчивый, как девушка» церковный деятель счел, что Распутин находится в состоянии «духовной прелести», то есть прельщен нечистой силой (в светском и церковном языках слово «прелесть» имеет совершенно разные, если не сказать диаметрально противоположные значения).

На Феофана сильно подействовали истории, услышанные на исповеди от экзальтированных поклонниц Распутина. Эти истории, в которых вымысел тесно переплетался с правдой, а недостижимое желаемое нередко выдавалось за действительное, были полны самых пикантных подробностей и оттого казались весьма убедительными.

Григорий начал беспокоиться, что Феофан и новый инспектор столичной Духовной академии архимандрит Вениамин оговорят его перед императрицей. Он предпринимал шаги к сближению, слал Феофану примирительные телеграммы, но примирения так и не добился. Опасения прозорливого старца сбылись — весной 1910 года Феофан решил «раскрыть глаза» императору, выложив перед ним «правду» о поведении

Распутина.

Решил — и вскоре добился своего, благо при дворе его знали и помнили. Только вот сам Николай встречаться с Феофаном не пожелал — епископа-правдолюбца приняла императрица Александра Федоровна. Их разговор происходил в присутствии Анны Вырубовой.

Битый час Феофан обличал Распутина, напирая на все то же состояние «духовной прелести». Речь его была убедительна (гладко излагать свои мысли Феофан умел) и полна так называемых «доказательств», но императрица ему не поверила. Она взволнованно возражала Феофану и в конце аудиенции дала ему понять, что остается при своем прежнем мнении о Распутине.

Несмотря на то что Феофан открыто выступил против него перед лицом самой императрицы, незлопамятный Григорий предпринял еще одну попытку к примирению. Он написал Феофану: «Ежели я огорчил, помолись и прости: будем помнить хорошую беседу, а худую забывать и молиться. А все-таки бес не столь грех, а милосердие Божие боле. Прости и благослови как прежний единомышленник. Писал Григорий».

Феофан не смог оценить доброго, истинно христианского поступка Распутина и отверг протянутую ему руку.

Но если Григорий простил своего «обличителя» и не держал на него зла, то императрица вскоре явила Феофану свое недовольство. В ноябре 1910 года Феофан внезапно лишился поста ректора Петербургской Духовной академии, который он получил при содействии Григория Распутина, и был назначен (а точнее — сослан) в Крым епископом Таврическим и Симферопольским. В 1912 году из-за нежелания императорской четы встречаться с ним в Крыму Феофан был переведен в Астрахань, а годом позже стал епископом Полтавским и Переяславским.

Влияние опального иерарха свелось к нулю, и в Петербурге о нем почти все позабыли.

Впрочем, официальная церковь придерживается совершенно иного взгляда о назначении Феофана «на периферию». Схимонах Епифаний в своей книге «Жизнь святителя Феофана» писал: «А что касается перевода Архиепископа в 1910 году из Петербурга в Крым, на Симферопольскую кафедру, то это была, как говорил Архиепископ, прежде всего личная забота Царского Семейства о его слабом здоровье, подорванном постами: климат Северной столицы, с ее дождями и туманами, явно не подходил Владыке. Для восстановления его здоровья лучшего места, чем солнечный Крым, не было. Перевод Преосвященного на Симферопольскую кафедру был сделан потому, что Августейшее Семейство проводило здесь полгода,

и Они лично могли следить за его здоровьем. Ошибается тот, кто утверждает, что короткий крымский период его жизни был началом „удаления“ Преосвященного от Царской Фамилии. Нет, это далеко не так, потому что сам Архиепископ говорил, что кратковременное его пребывание в Крыму было наивысшим выражением непосредственной близости к Августейшему Семейству. Так, например, он рассказывал, как Царские Дети приносили ему собранную ими лесную ягоду и как маленький Наследник Цесаревич передавал ее и как при этом его ручки дрожали. Он говорил о том, что из царских виноградников получал плоды на специальный курс лечения виноградом. Царская Семья предоставляла в его распоряжение свой автомобиль — в ту пору автомобили были редкостью — чтобы он мог побывать в горах, полюбоваться красотами природы Божией и подышать чистым, упоительным горным воздухом...»

История с Феофаном, активным членом крайне правого Союза русского народа, обострила отношения Распутина со всей этой организацией. Находя поначалу, что «союзники... воистину слуги церкви и батюшки, великого царя», и охотно исполняя просьбы того же Феофана, Илиодора или епископа Гермогена, впоследствии Григорий к Союзу русского народа охладел. В первую очередь его оттолкнула агрессивность союзников. «Не люблю я их... Худо они делают... Худо это — кровь...» — говорил Распутин о руководстве Союза русского народа.

Примечательно, что в Союз русского народа символически вступил и «первый русский дворянин» император Николай II. В канун Рождества 1905 года он принял депутацию Союза во главе с детским врачом А. Дубровиным, который торжественно вручил императору членские значки Союза для него самого и для наследника.

С Илиодором Распутиным впервые поспорил в 1901 году по поводу Льва Толстого, отлученного от церкви за глумление над таинством евхаристии. Сразу же после смерти Толстого в ноябре 1910 года Илиодор начал бомбардировать императора Николая II телеграммами, осуждающими великого писателя. Очень скоро Илиодору пришел ответ от Распутина: «Немного строги телеграммы. Заблудился в идее — виноваты епископы, мало ласкали. И тебя тоже бранят твои же братья. Разберись».

Илиодор не внял вразумлению. Скорее наоборот — у себя в монастыре выставил портрет Толстого для того, чтобы в него плевали благочестивые паломники (неужели подобный поступок подобает христианину?), а узнав о том, что дом Толстого собираются превратить в музей, отправил в столицу протест, призывающий не выставлять «наравне со священными реликвиями всей России» такие сомнительные экспонаты, как

«еретические рукописи, рубахи, лапти и грязные вонючие портянки кощунника, безбожника и еретика Толстого».

Кстати говоря, Распутин весьма уважал Льва Толстого как искреннего религиозного проповедника, глашатая праведной простоты.

Первый ощутимый удар по Распутину был нанесен из Москвы. Как тут не вспомнить вечное противостояние, противоборство двух столиц — петровской и Первопрестольной, чужеродной европейской и исконно славянской, Петербурга и Москвы.

Врагами Распутина были многие известные москвичи, входившие в окружение старшей сестры императрицы, великой княгини Елизаветы Федоровны, вдовы убитого террористом Каляевым дяди Николая II московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. К «московской клике» (термин этот ввела в обиход сама императрица) принадлежали внучка поэта Софья Тютчева, семья московского генерал-губернатора князя Юсупова, московский губернатор генерал Джунковский, впоследствии ставший товарищем министра внутренних дел, и московский предводитель дворянства А. Д. Самарин, несмотря на возражения императрицы все же назначенный обер-прокурором Священного Синода.

Отношения между сестрами — Елизаветой и Александрой — останутся натянутыми до конца их дней. Именно из-за великой княгини Елизаветы Федоровны Москва будет неудобной для императрицы даже в тяжелые годы Первой мировой войны.

Начальник дворцовой охраны генерал Спиридович вспоминал: «6-е декабря (1914 года. — А. Ш.), день своего Ангела, Государь решил провести в Воронеже, куда должна была приехать из Москвы Царица с двумя старшими дочерьми. Много работая на раненых в Царском Селе и Петрограде, Государыня объезжала и другие города, где контролировала учреждения своего имени и посещала, сколь хватало ее сил, госпиталя. Последние дни Царица провела в Москве, где производила осмотры с Елизаветой Федоровной.

В царские поезда уже дошли слухи, что там было не совсем ладно. Писали, что Царица недовольна генералом Джунковским, который будто бы скрыл от Москвы время приезда Ее Величества, народ не знал и т. д. Случай обобщили и развили в целую, против Царицы, интригу, которой якобы много содействовала бывшая воспитательница Тютчева. Присутствие при поездках Царицы Вырубовой, которая не занимала никакой придворной должности и имя которой было так тесно связано с именем Распутина, несло за Царицей все те сплетни, которые обычно были достоянием только Петрограда. Царица была упорна в своих симпатиях,

Вырубова же не желала отходить от Ее Величества и тем наносила много вреда Государыне. С ней тень Распутина всюду бродила за Царицей...

Настроение в Москве, в высших кругах было странное. Несмотря на то, что Распутин никакого участия в поездках Государя не принимал и отношения к ним не имел, московские кумушки очень им занимались. Правда, он к этому времени завязал близкие отношения со многими московскими дамами. Нашлись многие поклонницы его всяческих талантов. Центром всего этого недоброжелательства по связи с Распутиным было ближайшее окружение В. Кн. Елизаветы Федоровны во главе с упоминавшейся уже Тютчевой.

Сама Великая Княгиня, как будто отошедшая от мира сего, очень занималась, интересовалась вопросом о Распутине. Это создало около нее как бы оппозиционный круг по отношению Царицы. Все падало на голову Царицы и теперь особенно...»

Антираспутинская, если можно так выразиться, газетная кампания была с благословения епископа Феофана начата двумя москвичами — правым монархистом Львом Тихомировым, в молодости бывшим народовольцем, и православным миссионером, ассистентом профессора Московской Духовной академии и издателем «Религиозно-философской библиотеки» Михаилом Новоселовым, когда-то принадлежавшим к толстовцам. Новоселов входил в ближайшее окружение великой княгини Елизаветы Федоровны. В отличие от Тихомирова, он никогда не прекращал нападок на Распутина.

Тихомиров же впоследствии писал в своем дневнике: «Я писал о Гришке в газете, когда думал, что его можно уничтожить, и когда убедился, что нельзя, то уже не писал, п. ч., конечно, не хотел подрывать Царскую священную репутацию. Но что касается разврата Гришки, то это факт, о котором мне лично говорил покойный Столыпин. Столыпин просил меня не писать больше, именно потому, что ничего, кроме подрыва царского, из этого не выйдет. Но самый факт гнусности Гришки — им вполне подтверждался.

И вот рок продолжал свое губительное дело. Гришка все более наглед, о нем стала кричать постепенно вся Россия. И как теперь это исправить? Хоть бы его и прогнали — все равно не поверят... Тяжкий грех на Саблере и на епископах, допускавших обнагление этого негодяя, поведение которого иногда способно возбудить мысль, что он нарочно компрометирует Царскую Семью».

Примечательно, что словно в благодарность за кампанию против Григория Распутина в 1912 году Новоселова избрали почетным членом

Московской Духовной академии.

Названия сенсационных материалов в «Московских ведомостях» сразу же привлекли внимание публики: «Прошлое Григория Распутина», «Духовный гастролер Григорий Распутин», «Еще нечто о Григории Распутине».

Довольно скоро при содействии Председателя Государственной думы, основателя и лидера дворянско-купеческой партии октябристов москвича Александра Гучкова из малоповоротливых и малоизвестных за пределами Первопрестольной «Московских ведомостей», газетная компания перекинулась в Северную столицу — в петербургскую газету «Речь», орган партии кадетов. Гучков приложил к этому руку не потому, что испытывал неприязнь к Распутину, а потому что терпеть не мог Николая II.

Гучков вообще был яркой личностью — старообрядец, авантюрист, дуэлянт. Главным его качеством было непомерное честолюбие. Собственного возвышения Гучкову было мало — для полного счастья ему хотелось принизить тех, кто стоял над ним и над всей Россией — семейство Романовых.

Гучков выступал против употребления слова «самодержавный» в обращении к царю, нападал на великих князей, утверждая, что они наносят русской армии один лишь вред. Он с удовольствием включился в травлю Григория Распутина, увидев в ней прекрасную возможность досадить ненавистному императорскому дому.

За месяц с небольшим — с мая по июнь в «Речи» за подписью «С. В.» было напечатано целых десять статей о Григории Распутине, которого чаще всего называли «преступным старцем». Статьи были написаны мастерски, содержали кучу высосанных из пальца подробностей, свидетельств «жертв» Распутина, рассказов мнимых участников «оргий» и читались с живым, неослабевающим интересом. Тираж «Речи» к четвертой статье вырос чуть ли не вдвое. Для придания пасквилям совершенно не присущей им объективности неизвестным автором порой отмечалось, что Григорий Распутин действительно обладает внутренним даром откровения и может предсказывать будущее или еще что-то в этом роде.

Но главной мишенью газетной кампании все же был не Распутин, а императорская чета.

Надо сказать, что, несмотря на все разногласия, Илиодор сразу же после первой же статейки в «Московских ведомостях» выступил в защиту Распутина. Возглавляемые им царицынские верующие даже отправили в Петербург телеграмму, в которой свидетельствовали, что «блаженный старец Григорий имеет печать божественного призвания; дабы благодати,

данные ему, такие: бесстрашие, чудотворение, прозорливость, благодатный ум, изгнание бесов».

Куда осторожнее вел себя Гермоген, которому Распутин сделал немало добра. Гермоген явно выжидал, в какую сторону склонится чаша весов, и поэтому был весьма сдержан в высказываниях о Распутине: «Три года назад он произвел на меня впечатление человека высокой религиозной настроенности; после, однако, я получил сведения о его зазорном поведении... История церкви показывает, что были люди, которые достигали даже очень высоких духовных дарований, а потом падали нравственно».

Пребывая в смятении, Распутин обратился к митрополиту Петербургскому Антонию: «Благослови, миленький владыко, и прости меня! Желая вас видеть и охотно принять назиданье из уст ваших, потому много сплетней. Не виноват, дал повод, но не сектант, а сын православной церкви. Все зависит от того, что бываю там у них, у высоких, — вот мое страдание. Отругивать газету не могу».

Просьба старца не была услышана. Неизвестно из каких побуждений, но Антоний Распутина так и не принял.

Как раз в это время Мария Вишнякова пожаловалась императрице, что Распутин ее «растлил». Ее поддержала Софья Тютчева, тогда еще состоявшая в фрейлинах. Тютчева даже рассказала Николаю II о том, что Распутин-де сделал с Вишняковой, но царь ей не поверил. Тютчева стала настаивать на своем, но услышала в ответ, что «к чистому липнет все нечистое».

Великая княгиня Елизавета Федоровна тоже не осталась в стороне — выступила с предостережением против Распутина. Императрица ответила сестре, что считает порочащие Распутина слухи клеветой, которая обычно преследует людей святой жизни.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, основательница и настоятельница московской Марфо-Мариинской обители, приняла мученическую смерть от рук большевиков в 1918 году. Ужасные подробности ее казни сохранил для истории один из убийц, которого звали Василием Рябовым. «Первой подвели к шахте великую княгиню Елизавету Федоровну и, столкнув ее в шахту, слышали, как она продолжительное время барахтается в воде, — рассказывал он. — За ней столкнули и ее келейницу Варвару. Также слышали всплески воды и потом голоса двух женщин. Нам стало ясно, что великая княгиня, выбравшись из воды, вытащила и свою келейницу. Но другого выхода у нас не было, и мы одного за другим столкнули и всех мужчин (князя Иоанна Константиновича

Романова, князя Константина Константиновича Романова-младшего, князя Игоря Константиновича Романова, князя Владимира Павловича Палея и Федора Семеновича Ремеза, секретаря великого князя Сергея Михайловича. — А. III.). Никто из них, должно быть, не утонул и не захлебнулся в воде, так как немного времени спустя можно было услышать чуть ли не все их голоса. Тогда я бросил гранату. Граната взорвалась, и все смолкло. Но ненадолго.

Мы решили немного подождать и проверить, погибли ли они или нет. Через некоторое время мы опять слышали разговор и чуть слышный стон. Я снова бросил гранату.

И что вы думаете — из-под земли мы слышали пение! Жуть охватила меня. Они пели молитву „Спаси, Господи, люди твоя!“.

Гранат больше не было, оставлять дело незавершенным было нельзя. Мы решили завалить шахту сухим хворостом, валежником и поджечь.

Сквозь густой дым еще некоторое время пробивалось наверх их молитвенное пение».

Осенью 1910 года скандал вокруг имени Распутина затих, что многими историками и биографами связывается с отбытием императорской семьи на воды в Германию.

Затих ненадолго, чтобы возобновиться в следующем, 1911 году, по воле тогдашнего премьер-министра Петра Столыпина, известного своими прогрессивными (но и половинчатыми) реформами.

Это Столыпин сказал в 1909 году: «Дайте правительству двадцать лет покоя... и вы не узнаете нынешней России!» Покоя не дали, но тем не менее Россия 1929 года разительно отличалась от России 1909 года.

На основании всего, что только могло попасться под руку: от полицейских сводок до давно закрытого синодального дела о «хлыстовстве» — был состряпан доклад о Распутине, который премьер представил Николаю II, добиваясь удаления старца от двора.

Впервые Столыпин пытался достичь этой цели еще осенью 1908 года, когда по возвращении в Петербург после тобольского консисторского следствия Григорий Распутин, как говорится, попал из огня да в полымя: едва оправдавшись от обвинений церковной власти, угодил в расставленный ему капкан светской интриги, в которой рука об руку с придворными участвовали и полицейские чины.

Дело было вот как. Дворцовый комендант генерал-лейтенант В. А. Дедюлин, как бы заботясь о безопасности монаршей четы, сообщил начальнику Петербургского охранного отделения полковнику А. В. Герасимову, что в доме Вырубовой появился некий мужик, по всей

вероятности — переодетый революционер (недостатком фантазии дворцовый комендант не страдал). Поскольку у Вырубовой часто бывают государь и государыня, стоит обратить внимание на этого мужика.

Герасимов, словно не зная ничего о сибирском старце (поразительное неведение для человека, занимавшего подобный пост!), тут же установил наблюдение за Распутиным, после чего «запросил» сведения о нем из Тобольска (сведениями этими оказались все те же данные о мнимом «хлыстовстве») и доложил все министру внутренних дел Петру Столыпину.

Тот повел себя по меньшей мере странно: попросил Герасимова ничего не сообщать ни своему собственному заместителю, заведующему полицией Макарову, ни директору Департамента полиции Трусевичу, мотивируя столь удивительную просьбу тем, что сам желает поговорить о Распутине с царем. Активность Столыпина дошла до того, что он натравил на Распутина полицейских агентов, от которых тот несколько дней скрывался во дворце Милицы Николаевны. Агенты имели предписание арестовать Распутина и выслать его в Восточную Сибирь, гораздо дальше тех мест, где он родился.

Николай II собственной властью замял дутое «дело Распутина», но Столыпин не привык легко сдаваться.

Когда в августе 1906 года в результате неудавшегося покушения на Столыпина сильно пострадала его маленькая дочь (у девочки были раздроблены обе ноги, и она на всю жизнь осталась калекой), Григорий посетил ее и молился у ее ложа. Распутин был допущен к Столыпину по высочайшей рекомендации — сам Николай II писал безутешному отцу: «Несколько дней назад я принял крестьянина из Тобольской губернии... который принес мне икону Святого Симеона Верхотурского... Он произвел на Ее Величество и на меня замечательно сильное впечатление... и вместо пяти минут разговор с ним длился более часа. Он в скором времени уезжает на родину. У него есть сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконой. Я очень надеюсь, что Вы найдете минутку принять его на этой неделе. Адрес его следующий: СПб., 2-я Рождественская, 4. Живет у священника Ярослава Медведя». Не исключено, что дочь Столыпина выжила именно благодаря Распутину.

Отчего же Столыпин так невзлюбил Григория? Тому было две причины. Во-первых, всесильный (разумеется, в рамках самодержавия) премьер-министр не желал мириться ни с чьим посторонним влиянием на императора, а во-вторых, он проявлял своеобразную заботу о престиже власти, считая, что все порочащее Николая II (например, близкое знакомство царя с мужиком) ложится тенью и на его собственную

репутацию.

К тому же Столыпин не выносил крайне правого Союза русского народа и его идеологов вроде Илиодора и Гермогена, видя в них прямую угрозу своему положению. «Союзники» платили премьеру той же монетой.

Не любил властного и амбициозного премьера и сам император. Их «сотрудничество» было классическим примером симбиоза и основывалось не на общих целях, не на обоюдной приязни, не на взаимном уважении, а всего лишь на выгоде. Пока в российском обществе были сильны революционные настроения, Николай II нуждался в Столыпине как в крепкой подпорке для шатающегося трона и был даже готов пойти на некоторое ограничение собственной самодержавной власти. Но впоследствии напористый до бесцеремонности (хоть и по делу) Столыпин начал тяготить Николая. Император никак не мог смириться с тем, что все реформы ретивого премьера ведут к дальнейшему ограничению самодержавной власти.

Едва придя в себя после 1905 года, Николай II сразу же затосковал по былому неограниченному самодержавию и вплоть до отречения мечтал вернуть себе прежнюю полноту власти. Парадокс — Николай II изнывал под непосильным для него бременем государственных дел, всячески пытался отстраниться от перманентного управления империей, но не мог смириться с потерей даже мельчайшей доли своей власти.

Первый открытый конфликт между императором и премьер-министром произошел весной 1909 года по вопросу принятия Думой законопроекта о кредитах и штатах морского Генерального штаба. Дума проект утвердила, но сенаторами Государственного Совета он был отклонен по причине того, что в ведении законодательных палат находились одни лишь кредиты, а всеми штатами распоряжался царь. Сам Столыпин, выступая в Государственном Совете, высказался за принятие законопроекта в думской редакции. В конце концов законодательно-бюрократические игры дошли до того, что Столыпин, занимавший посты Председателя Совета министров и министра внутренних дел, заговорил об отставке, но Николай II пресек эти разговоры в зародыше, написав Столыпину: «Я не допускаю и мысли о чьей-нибудь отставке».

Петру Аркадьевичу Столыпину в момент назначения его премьером шел сорок пятый год. Его предшественник граф Витте, как и положено, не питавший к Столыпину ни малейших симпатий, писал, что «по темпераменту Столыпин был государственный человек, и если бы у него был соответствующий ум, соответствующее образование и опыт, то он был бы вполне государственным человеком».

Под отсутствием опыта Витте подразумевал то, что Столыпин до своего «вознесения» занимал посты губернаторские, не более того. Николая II в Столыпине прельстила репутация «сильного человека».

Память о «сильном человеке» навсегда осталась в памяти народа. Не всякий способен ответить на вопросы о том, как звали Столыпина, какие посты он занимал, как закончилась его жизнь, но практически любой человек в России знает, что «столыпинский вагон» — это вагон для перевозки заключенных (о нем даже в песнях поется — «столыпинский вагон, железные колеса...»), а если поднапряжет память, то вспомнит и «столыпинский галстук» — петлю висельника (Столыпин был сторонником сильной власти и крайних мер; в свое оправдание он говорил, что Россия «сумеет отличить... кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных врачей»). Но, наверное, плохая память все же лучше полного забвения.

Второй конфликт между Николаем II и Столыпиным разгорелся весной 1910 года, когда правительство внесло в Думу законопроект о введении земств в шести западных губерниях, пропитанный столыпинским «национал-либерализмом».

В точности повторилась история со штатами морского Генштаба. В Думе проект прошел на ура, а в Государственном Совете вокруг него разгорелась ожесточенная дискуссия — правые во главе с П. Н. Дурново и Д. Ф. Треповым нашли в цензовых ограничениях польского дворянства ослабление консервативных принципов.

Николай II, с одной стороны, предложил правым поддержать правительство Столыпина, но с другой, на вопрос Трепова о том, следует ли им расценивать государевы слова как приказ, ответил, что члены Совета могут и должны при голосовании прежде всего руководствоваться собственной совестью. Намек был понят — проект в Государственном Совете забаллотировали.

На следующий день Петр Столыпин сделал ответный ход — снова подал в отставку.

«Я подумаю», — ответил ему Николай II. В сравнении с прежними словами императора, что он «не допускает мысли об отставке», ответ звучал угрожающе. Поговаривали, что сам Николай II был готов принять отставку Столыпина, но его отговорили от этого шага вдовствующая императрица Мария Федоровна вместе с великими князьями Александром и Николаем Михайловичами, боявшиеся нового подъема революционных настроений, бороться с которыми посредством военно-полевых судов и виселиц Столыпин был большой мастер.

Столыпин оказался настолько неосмотрительным и самонадеянным, что в ответ на просьбу забыть об отставке рискнул ставить императору условия: роспуск на три дня Совета и Думы, принятие Положения о земствах на основании статьи 87 Основных законов, удаление Дурново и Трепова из Петербурга хотя бы до конца года.

У Николая II не было другого выхода, как принять все эти условия. Столыпину казалось, что он одержал очередную победу, но на самом деле это было началом его конца. Слабовольный император мог сделать вид, что прощает единичное насилие над своей волей, но систематического давления простить не мог. Амбиции у Николая II были те еще...

Новые нападки на Григория Распутина только усугубили неприязнь императора к своему премьер-министру.

Лишь однажды Петр Столыпин и Григорий Распутин сошлись во мнениях. Телеграф принес в Россию весть: Австро-Венгрия аннексировала балканские территории — Боснию и Герцеговину, где жило много православных сербов. Разумеется, в ответ на этот шаг в России, оплоте православия, не могло не начаться широкое движение в защиту «братьев-славян».

Подданные требовали от царя-батюшки пойти войной на австрийского супостата. В Праге с большой помпой собрался Всеславянский конгресс, в котором приняли участие и депутаты российской Думы. Конгресс призвал славянский мир к борьбе.

Даже властитель Черногории, отец великих княжон Милицы и Анастасии, просил Николая II вступить за братьев по вере. Тестя поддержал и великий князь Николай Николаевич.

Войны хотели все.

Аристократов вдохновлял великий князь Николай Николаевич, «главный специалист по военному делу» среди Романовых.

Российские генералы жаждали реванша, стремясь сгладить впечатление о позорно проигранной японской кампании.

Буржуазию и купечество привлекали новые перспективы, новые рынки, новые сферы влияния.

Патриоты из простонародья поддерживали сербских «братьев по вере» из идейных соображений, не ожидая никаких личных выгод.

Никто не вспоминал в те дни слов императора Александра III, сказавшего: «За все Балканы я не отдам жизни и одного русского солдата».

Подсуетился кайзер Вильгельм. 8 марта 1909 года Германия предъявила России ультиматум. Николаю II предлагалось выбирать между признанием аннексии Боснии и Герцеговины и вторжением австрийской

армии при прямой поддержке Германии в Сербию.

Столыпин, мечтавший о пресловутых «двадцати годах покоя для России», войны не желал. Не желала ее и императрица, чье родное герцогство Дармштадтское было верным союзником Германии.

И Столыпин, и Александра Федоровна прозревали главную опасность войны, которая при любом исходе, при любом раскладе неизбежно привела бы к новому всплеску революционных идей в обществе.

Николай II прислушивался к мнению своей супруги гораздо чаще, чем стоило, но вот в вопросе поддержки сербов он больше склонялся на сторону своего воинственного дяди, великого князя Николая Николаевича. Ну и, разумеется, императору не хотелось входить в историю всего лишь с одной проигранной кампанией за плечами. Самолюбие не позволяло.

Дело шло к войне.

Распутину пришлось вмешаться.

Одни считают, что старец выступил против войны, желая потрафить императрице. Другие склонны думать, что он исходил из своего извечного миролюбия. Третьи убеждены, что провидец Распутин знал о том, что противоборство с Германией ничем хорошим для Российской империи и ее правителей не закончится. Гадать можно бесконечно, и, не имея объяснений самого Распутина, никто не в силах (и не вправе) выносить окончательное решение о мотивах, руководивших им в тот миг, когда он решительно высказался против войны и убедил-таки Николая II.

Вооруженный конфликт для Распутина вообще был неприемлем. Много позже, за месяц до вступления России в Первую мировую войну, в газете «День» были приведены слова Распутина, обращенные к одному из высокопоставленных сторонников кампании: «Тебе хорошо говорить-то, тебя убьют, там похоронят под музыку, газеты во-о какие похвалы напишут, а вдове твоей сейчас тридцать тысяч пенсии, а детей твоих замуж за князей, за графов выдадут, а ты там посмотри: пошли в кусочки побираться, землю взяли, хата раскрыта, слезы и горе, а жив остался, ноги тебе отхватили — гуляй на руках по Невскому или на клюшках ковыляй да слушай, как тебя великий дворник честит — ах ты такой-сякой сын, пошел отсюда вон! Марш в проулок!.. Видал: вот японских-то героев как по Невскому пугают? А? Вот она, война! Тебе что? Платочком помахашь, когда поезд солдатиков повезет, корпию щипать будешь, пять платьев новых сошьешь... — а ты вот посмотри, какой вой в деревне стоял, как на войну-то брали мужей да сыновей... Вспомнишь, так вот сейчас: аж вот здесь тоскует и печет».

Император сдался, и спустя некоторое время Совет министров признал

аннексию Боснии и Герцеговины.

Распутин и Столыпин по «боснийскому вопросу» придерживались одного и того же мнения, но премьер почувствовал себя уязвленным. Как же — император послушал не его, а Распутина! Слово мужика оказалось сильнее доводов Председателя Совета министров!

Осенью 1910 года Столыпин снова приказал Департаменту полиции установить наружное наблюдение за Распутиным, но очень скоро этот приказ был отменен самим императором.

Кстати, «боснийский», а если точнее — «балканский вопрос» привел к дальнейшему охлаждению в отношениях между черногорскими княгинями и великим князем Николаем Николаевичем, с одной стороны, и Распутиным, с другой. К недовольству их высочеств по поводу того, что «сибирский лапоть» выжил их из императорского дворца, добавилось негодование, что «придворный мужик» не только посмел влезть в политику, но и помешал императору поддержать Черногорию. Благими намерениями...

Желая обезопасить Григория Распутина от дальнейших нападок со стороны церкви, императрица решила поставить во главе Священного Синода обер-прокурора, заведомо лояльного к сибирскому старцу. По замыслу Александры Федоровны, для пущей надежности кандидаты на высокую должность должны были пройти собеседование у самого Распутина. Вскоре во главе Православной церкви встал обрусевший немец Владимир Саблер, полностью устроивший как императорскую чету, так и Григория.

Кампания, развернутая против Распутина, привела к тому, что, вернувшись осенью 1910 года из Германии, императорская чета вернулась к позабытому было ритуалу тайных встреч с ним у Анны Вырубовой.

О том сохранилось упоминание в дневнике Николая: «12 февраля... поехали к Ане, где долго беседовали с Григорием».

Конечно же, при дворе о «тайных» встречах у Вырубовой знали все, но тем не менее враги Распутина немного приутихли. То ли сочли «Вырубовские встречи» началом заката придворной карьеры сибирского старца, то ли удовлетворились хотя бы внешним соблюдением приличий.

О закате придворной карьеры не могло быть никакой речи. Во-первых, само понятие карьеры вряд ли было применимо к Распутину, а во-вторых, все нападки только упрочили расположение к нему императорской четы. Императрица даже завела особую тетрадь с надписью «Подарок моей сердечной маме. Г. Распутин, 1911, 3 февраля».

Подарком была не только тетрадь, но и записываемые в нее изречения

Распутина.

«Господи, как умножились враги мои!.. Многие восстают на меня... В гоненьях Твой путь. Ты нам показал крест Твой за радость... Дай терпение и загради уста врагам...»

Двор очищается от недоброжелателей и клеветников — увольняются и недалекая нянька Вишнякова, и упрямая фрейлина Тютчева. Остальные придворные быстро прикусили языки — служба при дворе, подобно чиновной службе, прежде всего воспитывает в людях умение держать нос по ветру и делать правильные выводы из происходящего.

Роптало только большое семейство Романовых, но тут у императора и императрицы были связаны руки. Не посоветуешь же, в конце концов, великому князю Николаю Николаевичу держать язык за зубами и не сошлешь в Туруханский край великую княгиню Елизавету Федоровну. Родня как-никак.

Для успокоения семьи следовало как можно скорее отослать Распутина назад в Покровское и постараться забыть о нем навсегда. Разумеется, это было неприемлемо ни для императрицы, ни для императора. Если бы Александра Федоровна умела бы время от времени идти на уступки, ее отношения с родней были бы не в пример лучше.

Наконец было найдено столь характерное для последних российских самодержцев половинчатое решение, согласно которому Распутин покидал Петербург и отправлялся в странствие, в новое паломничество — на милую сердцу каждого христианина Святую землю.

Сказано — сделано. Вскоре в группе русских паломников Григорий Распутин отправился в Иерусалим. На этот раз уже не пешком. На пешее паломничество у Григория не было времени — его возвращения с нетерпением ждали Государь и Государыня.

Надо было поторапливаться...

К началу лета Григорий вернулся в Петербург. Конечно же, это событие было отражено в дневнике императора: «4 июня... после обеда мы имели удовольствие видеть Григория после того, как... он вернулся из Иерусалима».

Свои впечатления от паломничества в Иерусалим Распутин описал в книге, озаглавленной «Мои мысли и размышления». Есть версия, что литературными редакторами этой книги, как, впрочем, и «Жития опытного странника», были императрица Александра Федоровна и ее верная Анна Вырубова.

Почему бы и нет? Стиль обеих книг и впрямь далек от стиля распутинских записок.

«Что реку о той минуте, когда подходил ко Гробу Христа... И такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать, и такая любовь к людям, что все кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у Гроба видишь духовным сердцем всех людей... Но он знает: далее — молчание, далее — Тайна, и должны закрыться уста, охраняя великую минуту встречи с Гробом Господним: Боже, что я могу сказать о Гробе! Только скажу в душе моей: „Господи, Ты сам воскреси меня из глубины греховной...“

О, какое впечатление производит Голгофа!.. С этого места Матерь Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на кресте. Как взглянешь на это место, где Матерь Божия стояла, поневоле слезы потекут, и видишь перед собой, как это было. Боже, какое деяние свершилось! И сняли тело, положили вниз. Какая тут грусть, и какой плач на месте, где тело лежало! Боже, Боже, за что это? Боже, не будем более грешить. Спаси нас своим страданием...»

Спаси нас своим страданием, Боже!

Итак, в начале 1911 года Столыпин предпринял новый выпад против Григория Распутина. Премьер доложил императору все порочащие Распутина сведения, которые только смог собрать, не забыв упомянуть и о совместных походах в баню с женщинами.

Николай ответил ему: «Я знаю, он и там проповедует Священное Писание».

По одной версии император, выслушав доклад, предложил Столыпину встретиться с Распутиным и лично убедиться в собственной неправоте, а по другой — попросту бросил доклад в камин после ухода Столыпина.

В своей книге «Царь и Царица» Владимир Гурко приводит свой собственный вариант ответа Николая: «Я знаю и верю, Петр Аркадьевич, — сказал Государь, — что вы мне искренно преданы. Быть может, все, что вы мне говорите, — правда. Но я прошу вас никогда больше мне о Распутине не говорить. Я все равно сделать ничего не могу».

Распутин, в свою очередь, послал Столыпину телеграмму: «Добрый господин! Пожалуйста, скажи мне и спроси у императорских великих нашей Земли: какое я сделал зло, и они свидетели всему, ведь у них ум более чем у кого, и примут кого хотят, или спросят кухарку. Я думаю просто: они хотят и видят».

«Погоняется, да отстанет... он тебе что сделает, когда мы с тобою, а ты с нами», — ответил Николай II Распутину, когда тот пожаловался «папе» на преследования Столыпина.

О нелюбви отца к Распутину писала в своих воспоминаниях дочь

Столыпина Мария Петровна Бок: «Хотя Распутин в те годы не достиг еще апогея своей печальной славы, но близость его к царской семье уже начинала возбуждать толки и пересуды в обществе. Мне, конечно, было известно, насколько отрицательно отец мой относится к этому человеку, но меня интересовало, неужели нет никакой возможности открыть глаза государю, правильно осветив фигуру „старца“! В этом смысле я и навела раз разговор на эту тему. Услышав имя Распутина, мой отец болезненно сморщился и сказал с глубокой печалью в голосе: „Ничего сделать нельзя. Я каждый раз, как к этому представляется случай, предостерегаю государя“. Но вот что он мне недавно ответил: „Я с вами согласен, Петр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы“. Конечно, все дело в этом. Императрица больна, серьезно больна, она верит, что Распутин один на всем свете может помочь наследнику, и разубедить ее в этом выше человеческих сил».

Немного трудно поверить в то, что император мог снизойти до столь интимных откровений с нелюбимым премьером и употребить применительно к своей обожаемой супруге слово «истерика».

Дни Столыпина были сочтены — недовольство и раздражение Николая II переросли в ненависть к премьеру, одновременно занимавшему и пост министра внутренних дел.

«За разоблачение и удаление Распутина, вскоре, впрочем, возвращенного отправившеюся за ним Вырубовой, возненавидела Столыпина царица», — писал в своих «Записках» бывший директор департамента Министерства иностранных дел Лопухин.

После некоторого раздумья в Царском Селе остановились на кандидатуре нижегородского губернатора Алексея Хвостова, богатого помещика крайне правых взглядов и вдобавок племянника министра юстиции.

Хвостов был молод — только-только готовился разменять пятый десяток, но уже успел зарекомендовать себя наилучшим образом на посту губернатора.

Огромный, тучный, видом своим напоминавший медведя, Алексей Хвостов был ярым черносотенцем и взглядов своих не скрывал. До Нижнего Новгорода он успел погубернаторствовать в Туле и Вологде, но звезда его взошла именно в Нижнем, откуда Хвостов отправил императору записку о том, что Столыпин не уничтожил революцию окончательно, а всего лишь загнал революционеров в подполье. Хвостов осуждал Столыпина за мягкотелость и недостаток служебного рвения, предлагая, в свою очередь, «всех лиц, подозреваемых как революционеров и смутьянов,

просто-напросто тем или другим путем, но энергично уничтожать».

Призыв «энергично уничтожать» Николаю II понравился. Император вообще любил энергичных людей, если те думали так же, как и он. Хвостов был принят Николаем, обласкан и взят на заметку.

Час пробил — и по поручению императорской четы Григорий Распутин отправился в Нижний Новгород, чтобы познакомиться с кандидатом на замену Столыпину (повторилась история с обер-прокурором Священного Синода). Распутина сопровождал хорошо знакомый ему журналист Георгий Сазонов, одновременно бывший другом семьи Хвостовых.

Сазонов был хорошо знаком и с графом Витте. Летом 1911 года он писал Витте в Биарриц, где тот поправлял здоровье, о том, что «судьба Столыпина спета, что государь твердо решил от него избавиться, и не позже как после торжеств в Киеве», что министром внутренних дел государь желает видеть нижегородского губернатора Хвостова и что Сазонов с Распутиным едут в Нижний Новгород, чтобы окончательно переговорить по этому поводу с Хвостовым.

В письме Сазонов делился сомнением — сможет ли Хвостов в силу своего молодого возраста заменить Столыпина не только на посту министра внутренних дел, но и на посту Председателя Совета министров, и спрашивал Витте, не согласится ли тот занять председательское место.

В лучших традициях конспиративной науки письмо Сазонова было не отправлено по почте, а передано с оказией.

«Я на это тоже через оказию ответил Сазонову, — вспоминал Витте, — что я получил его письмо и остался в недоумении, кто из нас сумасшедший. Они, которые мне такую вещь предлагают, или я, которому они считают возможным такую вещь предлагать. Нужно сказать, что Хвостов — один из самых больших безобразников. Между нынешними губернаторами столыпинской эпохи есть масса больших безобразников; но Хвостов имеет перед ними первенство: для него никаких законов не существует».

На предложение ему Распутиным поста министра внутренних дел Хвостов с удивлением заметил, что это место уже занято. Распутин ответил, что Столыпин все равно уйдет. Хвостов заподозрил провокацию и оттого был с Распутиным весьма холоден — даже не пригласил его отобедать и отказался познакомить со своей семьей, хотя Григорий выразил такое желание. Несомненно, на отношении Хвостова сказались и предубеждение против старца, сформировавшееся в результате антираспутинской кампании.

Хвостов оказался настолько благоразумен и предусмотрителен, что

приказал полицейским агентам установить наружное наблюдение за странными гостями. Вскоре он узнал, что Распутин послал на имя Анны Вырубовой телеграмму, в которой говорилось, что хотя Бог на Хвостове и почует, но чего-то в нем недостает.

Телеграмма расставила все на свои места — Хвостов решил, что всю эту нелепую интригу затеяла Вырубова, и постарался поскорее забыть о нелепых столичных визитерах и их еще более нелепом предложении.

Правда, спустя всего лишь каких-то десять дней после разговора Хвостова с Распутиным Нижний Новгород вместе со всей Российской империей был потрясен известием об убийстве Столыпина. Интересно, что чувствовал Хвостов, поняв, что Распутин сказал ему правду?

История с покушением на Столыпина выглядит по меньшей мере странной.

Произошло оно в Киеве, где по случаю полувекового юбилея отмены крепостного права состоялось открытие памятника царю-освободителю Александру II, деду Николая. Разумеется, император не мог пропустить такого события. Поговаривали, что сам Столыпин в Киев ехать не хотел (то ли дела не позволяли, то ли предчувствие было), но государь настоял на его присутствии.

В Киеве окружение императора демонстративно игнорировало Столыпина. По прибытии для него даже не нашлось места в экипажах царского кортежа. Спас положение киевский городской голова, предоставивший в распоряжение опального премьера свой собственный экипаж.

Перед самым началом торжеств в Киевское охранное отделение явился помощник присяжного поверенного, бывший революционер-террорист Дмитрий Богров (агентурная кличка — «Аленский»), выкрест из евреев, давно вставший на путь сотрудничества с полицией. За ненадобностью о нем давно позабыли, но он вдруг напомнил о себе. Да еще как напомнил — сообщил, что во время парадного спектакля в городском Оперном театре будет совершено покушение на Столыпина!

Аленского-Богрова принял сам начальник Киевского охранного отделения полковник Кулябко. По словам Богрова, ему случайно стало известно о предстоящем приезде в Киев двух членов «боевого» крыла партии эсеров, мужчины и женщины, для убийства Столыпина.

Одним лишь доносом Богров не ограничился — он благородно вызвался это покушение предотвратить, опознав террористов!

А дальше началось самое странное, похожее на сценарий плохого индийского фильма.

Ответственные за безопасность высоких гостей лица: начальник Киевского охранного отделения Кулябко, глава Корпуса жандармов, товарищ министра внутренних дел Курлов и начальник дворцовой охраны Спиридович (кстати, он приходился Кулябко шурином) — поверили Богрову настолько, что пустили его в театр с револьвером в кармане. Старайся, мол, предотвращай, а мы с нашими людьми пока на артистов полюбуемся. Праздник ведь.

Дальше — больше. В антракте между вторым и третьим актом патриотической оперы Глинки «Жизнь за царя» Николай II с дочерьми Ольгой и Татьяной вышли из своей ложи.

В это время к Столыпину, стоявшему возле сцены и беседовавшему с министром двора Фредериксом, подошел Богров. Вестник смерти был одет в черный фрак. Он достал из кармана браунинг и дважды выстрелил в Столыпина. «Мы услышали два звука, похожие на стук падающего предмета, — вспоминал Николай в письме к матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, — я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову, и вбежал в ложу... Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то, несколько дам кричало, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой. Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь... В коридоре рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей; по-моему — к сожалению, полиция отбила его от публики».

Письмо к матери сын завершил неожиданной фразой: «Радость огромная попасть снова на яхту!» Только ли по поводу яхты так радовался император?

Вечером 1 сентября 1911 года Богров стрелял в Столыпина, 5 сентября Столыпин умер, а 11 сентября Богров был казнен по приговору военно-полевого суда. Поразительная поспешность, помимо всего прочего свидетельствующая и о том, что по факту убийства Столыпина не проводилось тщательного расследования.

В предсмертном письме родителям, написанном Богровым накануне казни, говорилось: «Единственный момент, когда мне становится тяжело, это при мысли о вас, дорогие. Я знаю, что вас глубоко поразила неожиданность всего происшедшего, знаю, что вы должны были растеряться под внезапностью обнаружения действительных и мнимых тайн. Что обо мне пишут, что дошло до сведения вашего, я не знаю. Последняя моя мечта была бы, чтобы у вас, милые, осталось обо мне мнение как о человеке, может быть, и несчастном, но честном. Простите

меня еще раз, забудьте все дурное, что слышите».

«Несчастном, но честном» наводит на определенные размышления, особенно вкупе с тем, что назначенное было сенатское расследование действий (правильнее было бы сказать — «бездействия») Курлова и Спиридовича прекратили по личному распоряжению императора.

Одни считали, что «Богров — террорист-одиночка, революционер, которого бессилие революционных партий, общественная инертность и апатия и до нестерпимости душная послереволюционная моральная атмосфера, пресыщенная миазмами санинщины, порнографии, предательства и провокации — толкнули на путь, казалось, единственно доступный одинокому борцу, мечтающему разрядить эту застоявшуюся атмосферу благодетельным ударом», и провозглашали ему вечную память.

По мнению других, Богров был провокатором, «после разоблачения вместо самоубийства кончивший убийством Столыпина».

В газете «Знамя Труда», центральном органе партии эсеров (сокращенное от «социалисты-революционеры»), после убийства Столыпина появилась заметка, в которой говорилось: «Киевская группа П. С.-Р. (партии социалистов-революционеров. — А. Ш.) издала прокламацию по поводу убийства Столыпина. Выяснив роль Столыпина и отметив холопское отношение к акту его убийства со стороны либеральной печати, прокламация заканчивается так: „Кто бы ни был Богров, продукт ли Столыпинской провокации или орудие организованного революционного террора, мы, с. р. — ы, горячо приветствуем убийство Столыпина, как событие, имеющее крупное агитационное значение, как удар, внесший растерянность в правящие сферы, и как акт политической мести „рыцарю“ виселицы и погромов“, однако в том же номере Центральный комитет партии социалистов-революционеров поспешил заявить: „Ввиду появившихся во всех почти русских газетах известий о причастности партии соц. — революционеров к делу Дм. Богрова Центральный Комитет П. С. — Р.-ов заявляет: ни Ц. К-т, ни какие либо местные партийные организации не принимали никакого участия в деле Дм. Богрова“».

Либеральное «Русское Слово» писало: «Безумие. Покушение на убийство П. А. Столыпина с любой точки зрения является актом безумия, стоящим за пределами здравого смысла».

Это смотря для кого. Императору смерть ненавистного премьера пришла весьма кстати.

Несколько слов о самом Богрове. Родился он в 1887 году в семье богатого киевского адвоката и домовладельца, состояние которого оценивалось чуть ли не в полмиллиона рублей (огромная по тем временам

сумма). По окончании гимназии в июне 1905 года Дмитрий поступил на юридический факультет Киевского университета, но уже в сентябре того же года из опасения грядущих погромов отправился продолжать образование в Мюнхен.

В декабре 1906 года Богров вернулся в Киев, а в следующем году был уличен властями в революционной деятельности. Осенью 1908 года он впервые был арестован, но почти сразу же вышел на волю. Свобода его была полной, он даже неоднократно выезжал за границу. Окончив университет в феврале 1910 года, Богров начал заниматься адвокатурой в качестве помощника присяжного поверенного Гольденвейзера.

Вполне обычная жизнь юноши из приличного семейства, оступившегося было по молодости лет, и совершенно неожиданный, трагический конец этой обычной жизни...

Владимир Богров, брат Дмитрия, показывал в августе 1917 года на допросе в не раз упоминавшейся здесь Чрезвычайной следственной комиссии: «О знакомстве брата с Кулябко (начальником Киевского охранного отделения. — А. III.) в то время мне ничего не было известно, но для меня не может быть никакого сомнения в том, что сношения его с охранным отделением могли быть им предприняты только с чисто революционной целью. Никаких иных мотивов у брата моего быть не могло. Им не могли руководить корыстные побуждения, так как отец мой человек весьма состоятельный, при этом щедрый не только по отношению к родным и близким, но и по отношению к совершенно чужим людям, всегда обращающимся к нему за помощью, и конечно, Кулябко не мог бы соблазнить брата 50–100 рублями. Тем более по отношению к брату, убеждений которого отец всегда так опасался, он готов был пойти на какие угодно расходы и материальные жертвы, чтобы удержать брата от революционной деятельности, и, как я указывал, даже тщетно пытался удержать его за границей. Кроме того, брат мой жил сравнительно скромно, а потому не испытывал нужды в деньгах, и бюджет его, как студента, не выходил за пределы 50–75 рублей в месяц. Лучшим подтверждением этого служит то, что после смерти его не осталось никаких долгов, никаких векселей или иных обязательств, им выданных. Не могло также побудить моего брата к вступлению в сношения с Кулябко какое-либо давление или принуждение со стороны Кулябко...»

Владимир Богров также показал, что «в революционной деятельности брата был почти 2-летний перерыв — начиная с конца 1909 года по август 1911 года. Этот перерыв он объяснял полным разочарованием в своих товарищах по революционной работе. По собственному его заявлению, он

убедился, что большинство из них были не идейными сторонниками анархизма, а людьми, преследующими свои узко эгоистические или даже корыстные цели».

На молебне о выздоровлении Столыпина не было ни одного члена императорской семьи и никого из императорской свиты.

Императрица восприняла известие о покушении на Столыпина спокойно и спустя месяц в разговоре с министром финансов Коковцовым, которого прочили в премьеры, доверительно заявила: «Верьте мне, что не надо так жалеть тех, кого не стало... Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить вам место, и что это — для блага России».

Коковцов принял предложение, особо оговорив свое нежелание работать с Хвостовым, сказав, что Хвостова «никто в России не уважает». Император уступил — министром внутренних дел стал Александр Макаров. Его министерская карьера была недолгой — чуть больше года.

В историю Макаров вошел благодаря своей знаменитой фразе «Так было и так будет впредь», сказанной во время своей речи в Государственной думе 11 мая 1912 года по поводу запроса о стрельбе в рабочих на Ленских приисках.

Из Киева императорская чета отправилась в Крым, в Ливадию. Вскоре туда же из Киева приехал и Григорий Распутин. Должно быть, он был счастлив, радуясь не смерти Столыпина, а всего лишь избавлению от могущественного врага.

Однако судьба уготовила старцу новое испытание, пришедшее с той стороны, откуда он не ждал, не мог ждать подвоха.

«Есть лукавый, который ходит согнувшись, в унынии, но внутри он полон коварства.

Он поник лицом и притворяется глухим, но он предварит тебя там, где и не думаешь.

И если недостаток силы воспрепятствует ему повредить тебе, то он сделает тебе зло, когда найдет случай.

По виду узнается человек, и по выражению лица при встрече познается разумный.

Одежда и ослабление зубов и походка человека показывают свойство его.

Бывает обличение, но не вовремя, и бывает, что иной молчит, — и он благоразумен» (*Кн. Иисуса сына Сирахова 19:23–28*).

Глава десятая. Заклятые друзья

Смерть Столыпина развязала руки его врагам, среди которых был и Илиодор.

В миру Илиодор звался Сергеем Михайловичем Труфановым. Он родился в 1881 году на Дону. В 1905 году Труфанов закончил Петербургскую Духовную академию и был посвящен в монашеский сан.

Его направили преподавателем в Ярославскую семинарию. Для семинарии это назначение было роковым — едва прибыв на место, патриотически настроенный Илиодор организовал в Ярославле отделение Союза русского народа и принялся активно конфликтовать с теми семинаристами, которые не разделяли его взглядов. Дошло до того, что от греха подальше семинарию пришлось закрыть.

Илиодора приютил в Почаевской лавре волынский архиепископ Антоний, придерживавшийся крайнего консерватизма. Примечательно, что Григорий Распутин не любил Антония «за лукавство», а Антоний утверждал, что Распутин «в Казани на бабе ездил, такой человек не может быть праведником».

С Антонием Илиодор не сошелся во взглядах, ввиду чего начал активно подыскивать себе новое место. В феврале 1908 года саратовский епископ Гермоген пригласил неуживчивого монаха в свою епархию, в тихий город Царицын.

В Царицыне Илиодор развернулся. Организовал сбор средств, на которые выстроил Свято-Духов мужской монастырь, и начал проводить среди царицынского плебса активнейшую антисемитскую и антиреволюционную агитацию на платформе все того же Союза русского народа.

В «потакательстве жидам и революционерам» он обличал всех — купцов, дворян, промышленников, чиновников (доставалось и саратовскому губернатору графу С. С. Татищеву), всех, кроме царя-батюшки, от которого беззастенчивые эксплуататоры простого народа (они же — «злонамеренные потакатели») скрывают истинное положение дел, те бедствия и лишения, которые по их вине терпит русский народ.

Язык у Илиодора был подвешен превосходно — иеромонах мог уболтать кого угодно. «Этот удивительный человек, почти юноша, с нежным, красивым, женственным лицом, но с могучей волей, где бы он ни появился, сразу привлекает к себе толпы народные, — еще в бытность

Илиодора в Петербурге писалось о нем в газетах. — Его страстные, вдохновенные речи о Боге, о любви к царю и отечеству производят на массы глубокое впечатление и возжигают в них жажду подвига».

Илиодор был, что называется, радикалом. Монархист Василий Шульгин, хорошо знавший Илиодора, в своей книге «Последний очевидец» описал сцену, происходившую в Русском собрании: «За длинным столом, накрытым зеленым сукном с золотой бахромой, на двух противоположных узких концах сидели председатель и иеромонах Илиодор.

Речь шла о современном положении. Сильно критиковали слабость власти. Илиодор слушал язвительные замечания по адресу правительства и что надо было бы сделать и вдруг, не попросив слова у председателя, заговорил:

— Слушаю я, слушаю вас и вижу. Не то вы предлагаете, что надо. Предки наши говорили: „По грехам нашим послал нам Господь царя Грозного“. А я говорю: „По грехам нашим дал нам Бог Царя слабого!“

И вот что надо сделать — как подниму я всю черную Волынь мою и как приведу ее сюда, в город сей — столицу, Санкт-Петербург враг именитый, и как наведем мы здесь порядок, тогда будет, как надо».

В конце концов Илиодор настолько досадил Татищеву своей самобытной демагогией, что тот обратился за помощью к Столыпину, мотивируя свое обращение опасением беспорядков, могущих произойти при подстрекательстве Илиодора.

Обращение сработало — в марте 1909 года тогдашний обер-прокурор Священного Синода Лукьянов с подачи Столыпина провел через Синод постановление о переводе Илиодора в Минск.

Бросать насиженное место и тысячи сторонников Илиодору не хотелось, тем более что после православного Царицына Минск, населенный множеством евреев, а также поляками и литовцами, не сулил Илиодору, при его взглядах, никакой политической карьеры.

Илиодор опрометью кинулся в Петербург — искать защиты у своего бывшего учителя и покровителя Феофана, но тот от помощи устранился, сказав, что «часто обращаться с просьбами к царям опасно». Однако Илиодору повезло — он неожиданно нашел заступника в лице Григория Распутина. Тот мудро посоветовал не конфликтовать с властями и даже устроил Илиодору встречу с императрицей Александрой Федоровной. И пусть эта встреча не была официальным приемом во дворце, а происходила тайно, у верной Анны Вырубовой, тем не менее императрица озаботилась судьбой Илиодора и решила ему помочь.

Кстати говоря, самому Илиодору Александра Федоровна не

понравилась. «Высокая, вертлявая, с какими-то неестественно вычурными ужимками и прыжками, совсем не гармонизировавшая с моим представлением о русских царицах... — вспоминал он. — Государыня... засыпала, как горохом, или, лучше сказать, маком: „Вас отец Григорий прислал?.. Вы привезли мне расписку по его приказанию, что вы не будете трогать наше правительство... Да, да, вот, вот... Да смотрите, слово отца Григория, нашего общего отца, спасителя, наставника, величайшего современного подвижника, соблюдайте, соблюдайте...“»

После этой встречи Николай II отменил недавно подписанный собственноручно указ о переводе Илиодора в Минск и милостиво повелел: «Разрешаю иеромонаху Илиодору возвратиться в Царицын на испытание в последний раз».

Илиодор вернулся в Царицын, преисполненный самой глубокой благодарности к Распутину.

Осенью 1909 года Распутин и Гермоген навестили Илиодора в Царицыне. В монастырской церкви, сразу же по окончании проповеди Гермогена, Илиодор вывел Распутина на амвон и объявил собравшимся: «Дети! Вот наш благодетель! Благодарите его!»

Присутствовавшие поблагодарили Распутина низким поклоном. Распутин был тронут настолько, что написал императорской чете: «Миленькие папа и мама! Здесь беда, прямо беда, за мною тышшы бегают. А Илиодорушке нужно метру...»

«Метрой» Григорий называл митру, головной убор, составляющий принадлежность богослужебного облачения архиереев, архимандритов, а также священников, которым право ношения митры дается в качестве награды. Распутин, в доброте своей, просил у Николая и Александры для Илиодора не просто награды, а высокого пастырского чина.

Поистине «Грешник расстроит состояние поручителя, и неблагодарный в душе оставит своего избавителя» (*Кн. Иисуса сына Сирахова 29:19*). Илиодор отплатил самой что ни на есть черной неблагодарностью.

В бытность свою в Царицыне Распутин пригласил Илиодора погостить у него в Покровском. Поехали они вместе. Коротая время в дороге, беседовали о том о сем. Распутин был откровенен с симпатичным ему слугой церкви, простодушно рассказывая тому о своей дружбе с царями и о многом другом. Уже в Покровском он показал гостю письма царицы и великих княжон — и тут Илиодора попутал нечистый. Илиодор украл у старца несколько писем, утверждая впоследствии, что Распутин сам подарил их ему.

В объяснение Илиодора поверить невозможно — подобные письма не дарят знакомым. Он их попросту украл.

Но этим Илиодор не ограничился. Движимый завистью, он побывал у местного священника и набрался от него «фактов», порочащих Распутина.

В конце декабря Распутин и Илиодор вернулись в Царицын, где Распутин устроил в монастыре раздачу подарков, на которую собралось около пятнадцати тысяч человек, а затем отбыл в Петербург. Илиодор со товарищи устроили старцу торжественные проводы.

После смерти ненавистного им Столыпина архиепископ Гермоген и иеромонах Илиодор воспрянули духом и принялись «развивать успех». Илиодор начал издавать черносотенную газету «Гром и молния», а Гермоген начал «борьбу за чистоту церкви», выступив против введения корпорации диаконисс и чтения «заупокойного чина» по инославным христианам. За диаконисс, вспоминая первые века христианства, ратовал первоприсутствующий в Синоде Московский митрополит Владимир, желавший угодить жаждавшей получения этого чина сестре императрицы Елизавете Федоровне, настоятельнице московской Марфо-Марьиной обители. Гермоген, бывший членом Синода, в декабре 1911 года послал «всеподданнейшую телеграмму» императору, где осуждал «еретические» нововведения, по его мнению, противоречащие канонам православия.

Отношения императрицы с сестрой к тому времени испортились окончательно, поэтому императорская чета поспешила согласиться с мнением Гермогена, тем более что противником введения диаконисс был и Распутин, полагавший, что «архиереи делают диаконисс для того, чтобы завести у себя в покоях бардаки».

У Гермогена и Илиодора от успехов закружились головы, причем закружились настолько, что они решили ни много ни мало избавиться от Григория Распутина, чтобы занять освободившееся место духовных друзей и наставников царя и царицы. Помимо зависти сыграла свою роль и нетерпимость Распутина к агрессивности «союзников», что в глазах заговорщиков ставило его на одну доску с «проклятыми либералами».

Потрясающе самонадеянной была эта парочка! Илиодор, приехавший в Петербург по делам своего «Грома и молнии», остановился у Гермогена в Ярославском подворье и начал подбивать того пригласить Распутина к себе якобы для дружеской беседы, а затем «обличить его, запереть его в угловую комнату, никого до него не допускать... подавать в комнату пищу и даже горшок». Пока старец томился бы в заключении, Гермогену надлежало пасть в ноги императору и молить его об удалении Распутина в ссылку.

16 декабря 1912 года заговорщики начали действовать. В помощь себе

они позвали юродивого Митю Козельского, бывшего некоторое время, еще до Распутина, в фаворе у императрицы (Митя Козельский винил в своем отстранении от двора Распутина и держал на него зло), публициста из патриотов Родионова, время от времени помогавшего Илиодору писать памфлеты, и еще четырех свидетелей — трех священников и одного купца. Самого Илиодора отправили за Распутиным.

Илиодор привез на Ярославское подворье ничего не подозревающего Распутина, а вскоре туда явился запоздавший было Митя — и действие началось. «Только я хотел раскрыть рот, — вспоминал Илиодор, — как... Митя с диким криком: „А-а-а! Ты безбожник, ты много мамок обидел! Ты много нянек обидел! Ты с царицею живешь! Подлец ты!“ — начал хватать „старца“ за член. „Старец“ очень испугался, губы у него запеклись, он, пятясь назад к дверям, сгибался дугою... Наконец... он дрожащим голосом произнес: „Нет, ты — безбожник! Ты безбожник!“

Конец препирательствам положил Гермоген, приказавший Илиодору начать „обличения“. Стоило Илиодору закончить, как Гермоген в епитрахили и с крестом в руках закричал на Григория:

— Говори, бесов сын... правду ли про тебя говорил отец Илиодор?

„Старец“... проговорил замогильным голосом со спазмами в горле:

— Правда, правда, все правда!

Гермоген продолжал:

— Какою же ты силою делаешь это?

— Силою Божью! — уже более решительно отвечал „старец“.

Гермоген, схватив „старца“ кистью левой руки за череп, правой начал бить его крестом по голове и страшным голосом, прямо-таки потрясающим, начал кричать: „Диавол! Именем Божиим запрещаю тебе прикасаться к женскому полу! Запрещаю тебе входить в царский дом и иметь дело с царицей... Святая церковь своими молитвами, благословениями, подвигами вынянчила великую святыню народную — самодержавие царей. А теперь ты, гад, рубишь, разбиваешь наши священные сосуды — носителей самодержавной власти!“»

Затем Гермоген потащил Григория в храм, куда за ними последовали только Илиодор и Родионов. «Остальные, пораженные странным зрелищем, остановились в дверях храма и с испуганным видом дожидались, что будет дальше... — писал Илиодор. — Гермоген по-прежнему дико кричал: „Поднимай руку! Становись на колени! Говори: клянусь здесь, пред святыми мощами, без благословения епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора не преступать порога царских дворцов!..“ Григорий, вытянувшись в струнку, трясаясь, бледный,

окончательно убитый, делал и говорил все, что ему приказывал Гермоген... Что было дальше, я положительно не помню».

Навряд ли Илиодор писал полную правду, но покушение на Распутина (по словам самого Григория, его хотели убить или хотя бы оскопить) действительно имело место.

Каким-то чудом вырвавшись из рук заговорщиков, Распутин напрямик отправился к Марии Головиной и Ольге Лохтиной. Он не понимал, что могло произойти с Илиодором и Гермогеном, чтобы те решились на подобное бесчинство. Лохтина с Головиной звонили Илиодору и уговаривали его пойти на мировую со старцем.

На следующий день к Илиодору приехал сам Распутин с просьбой о примирении. Кроме того, Григорий просил Илиодора помирить его с Гермогеном.

В первую очередь Григорий думал не о себе, а об императорской чете. «Папа и мама шума бояться... пожалей папу и маму, ведь они тебя так любят», — говорил он Илиодору.

Гермоген, должно быть, тронувшийся рассудком, изъявил согласие на встречу с Распутиным, но стоило тому войти, как он увидел обращенный к нему зад архиепископа. Илиодор писал, что при виде подобной картины пораженный Распутин укоризненно воскликнул: «Владыка!», «и как бы кем ужаленный, выбежал из покоев, на ходу надевая шубу и шапку».

Действительно — что еще ему оставалось делать?

Узнав о произошедшем, императрица вознегодовала и предложила расстричь Илиодора, но Николай II решил не доводить дело до крайностей. Закончилось все тем, что Синод постановил епископа Гермогена за неповиновение отстранить от управления Саратовской епархией и назначить ему пребывание в Жировицком монастыре Гродненской епархии, без права посещения Петербурга, Москвы и Саратова, а иеромонаха Илиодора из Царицына переместить во Флорищеву пустынь Владимирской епархии в число братии.

Вполне возможно, что с Илиодором и Гермогеном обошлись бы не столь сурово, но с их подачи скандал получил большую огласку. Заговорщики с удовольствием давали интервью газетам, обвиняли Священный Синод, делали недвусмысленные намеки, затрагивающие царя и царицу. И конечно же, на все лады честили Григория Распутина, человека, который не только не делал им никакого зла, но и до последнего пытался их образумить. Миротворительный характер старца вкупе с его добротой проявился и здесь.

Как ни оспаривал Гермоген решение Синода, как ни пытался его

отменить, но в конце концов получил предписание о срочном выезде в Жировицкий монастырь и прекращении «обсуждения решений и действий духовной власти перед лицами, к обсуждению сего не призванными».

Отчаявшись, Гермоген отправил императору телеграмму, в которой писал, что всю жизнь свою верой и правдой служил церкви и престолу, и вот на склоне лет с позором, словно преступник, изгоняется из столицы. «Готов ехать куда угодно, но прежде прими меня, я открою тебе одну тайну», — запросто, обращаясь на «ты» к императору, писал Гермоген. Скорее всего тайной этой могло стать мнимое сожительство императрицы с Распутиным.

Кстати — императрице Гермоген тоже послал телеграмму с просьбой о встрече, но ответ был ее краток и холоден: «Нужно повиноваться властям, от Бога поставленным».

Премьер-министр Коковцов вспоминал: «Гермоген тут же послал Государю телеграмму с просьбою об аудиенции, намереваясь раскрыть перед ним весь ужас создающегося положения, а тем временем покровители Распутина, а может быть, сам „старец“, поспешили лично передать о всем случившемся. По крайней мере, уже 17-го января днем Саблер (обер-прокурор Священного Синода. — *А. Ш.*) получил от Государя телеграмму Гермогена с резкою собственноручною надписью, что приема дано не будет и что Гермоген должен быть немедленно удален из Петербурга и ему назначено пребывание гденибудь подальше от Центра. Смущенный всем случившимся, Саблер был у Макарова, потом приехал ко мне посоветоваться, что ему делать, и в тот же день поехал в Царское Село, пытаясь смягчить гневное настроение. Ему это не удалось. В тот же день, около 6-ти часов он сказал мне по телефону, что встретил решительный отказ, что все симпатии на стороне Распутина, на которого — как ему было сказано — „напали, как нападают разбойники в лесу, заманивши предварительно свою жертву в западню“, что Гермоген должен немедленно удалиться на покой, в назначенное ему место, которое Саблер выбрал в одном из монастырей Гродненской губернии, где он будет, по крайней мере, прилично помещен, а Илиодору приказано отправиться во Флорищеву пустынь около гор. Горбатова, где и пребывать, не выходя из ограды монастыря, и отнюдь не появляться ни в Петербурге, ни в Царицыне. Физического насилия над Илиодором, а тем более Гермогеном употреблять не позволено во избежание лишнего скандала, но дано понять, что в случае слушания не останутся и перед этим, так как не допускают возможности изменения твердо принятого решения и находят даже, что все явления последнего времени представляются естественным проявлением

„слабости Столыпина и Лукьянова“, которые не сумели укротить Илиодора, явно издевавшегося над властью...

Весь этот инцидент еще более приковал внимание Петербурга к личности Распутина.

В обществе, в Государственной думе и Совете только и говорили что об этом, и меня вся эта отвратительная история держала в нервном состоянии. Дела было масса, посещений, разговоров еще больше; каждый только и говорил о событии дня, а время тянулось без всяких проявлений готовности опальных духовных подчиниться Высочайшей Воле...

Саблер продолжал расточать сладкие речи о том, что все устроится, не нужно только натягивать струну; газеты печатали массу мелких заметок. Государь, со мною не заговаривая о происшествии и даже наводимый мною на этот предмет, ловко уклонялся. Так прошла целая неделя. Гермоген в четверг послал вторичную телеграмму Государю, прося Его смягчить Его требование и дать ему хотя бы некоторую отсрочку в отъезд ввиду его болезненного состояния, и сослался на то, что последнее может быть удостоверено доктором Бадмаевым, которого Государь знает лично с давних пор, когда еще в начале девятисотых годов, при гр. Витте, примерно в 1901 или 1903 г., при участии князя Ухтомского, начиналась активная политика на Дальнем Востоке. Бадмаеву была даже выдана, по докладу Витте, из Государственного банка ссуда в 200 т. рублей для пропаганды среди бурят и монголов в пользу России.

Эта телеграмма, так же как и первая, осталась без ответа...

В воскресенье, 22-го января, утром, приехал к Макарову генерал Дедюлин вместе с Саблером и в качестве Генерал-Адъютанта передал повеление Министру внутренних дел, потребовав, чтобы Гермоген выехал в тот же день. Дедюлин передал при этом, что Государь не допускает более никаких отговорок и, при неповиновении Гермогена, повелел Градоначальнику вывезти его силою. Саблер все еще пытался умиротворять и предложил послать к Гермогену двух епископов, в том числе Сергея Финляндского, нынешнего заместителя местоблюстителя Патриарха Московского, усостыжить его и склонить его добровольно подчиниться царскому гневу.

Посылка посольства не состоялась, потому что около 1 часа дня тот же Дедюлин передал Макарову по телефону просьбу доктора Бадмаева разрешить ему повидаться с Гермогеном и попытаться уговорить его. Разрешение было дано, но до 7-ми часов вечера не были известны его результаты, и распоряжение было дано двоякое: на случай упорства Начальнику Охранного отделения генералу Герасимову приказано быть у

Гермогена к 11-ти часам вечера, с экипажем, посадить Гермогена в него даже силою и отвезти на Варшавский вокзал и поместить в особый вагон, прицепленный к 12-часовому поезду.

В случае же готовности подчиниться приказано только наблюдать за отъездом и не допускать ослушания в последнюю минуту. Около 8-ми часов Бадмаев сообщил Макарову по телефону, что Гермоген подчинился, и действительно в 11^{1/2} ч. вечера Макарову сообщили по телефону с Варшавского вокзала, что Гермоген приехал с юродивым Митей Козельским. Увидевши на вокзале жандармского генерала Соловьева, он хотел было вернуться домой, но тут вмешался Митя Козельский, стал дергать Епископа за рукав, громко повторяя много раз фразу: „Царя нужно слушаться, воле Его повиноваться“. Епископа усадили в вагон, и поезд спокойно отошел с опозданием всего на пять минут. При отходе поезда почти никого не было, какая-то женщина начала было причитать. Другая бросилась перед вагоном на колени, но ожидавшаяся демонстрация так и не состоялась. Замечательно при этом то, что Митю Козельского приказано было еще неделю тому назад выслать по этапу, но Градоначальник заверил Министра внутренних дел, что он скрылся из города и его нет в столице, между тем как он преспокойно проникал к арестованному Гермогену и открыто приехал с ним на вокзал. Вероятнее всего, что он просто жил на подворье Гермогена».

В Саратов тем временем уже прибыл новоназначенный епископ Алексей.

Вопрос о диакониссах и поминовении инославных христиан был отложен до Поместного собора.

Интересно послушать, как сам Гермоген объяснял причину столь резкого изменения его отношения к Григорию Распутину в 1914 году на следствии по делу о покушении на старца: «В начале 1910 года, времени точно не помню, я получил письмо от владыки Феофана. В письме этом последний сообщал мне, что Григорий Распутин оказался совершенно недостойным человеком. Владыка приводил мне целый ряд фактов, порочащих Распутину как человека развратной жизни. Получив это письмо, я при встрече с Распутиным указал ему недостойность его поведения. Полученное мною письмо, а также мои личные, неблагоприятные Распутину наблюдения за ним послужили поводом к резкому изменению моего отношения к Распутину, которого я даже перестал принимать».

Зятю Распутина (мужу Матрены) Борису Соловьеву Гермоген в 1918 году говорил о Григории так: «Я его любил и верил в него, вернее, в его

миссию внести что-то новое в жизнь России, что должно было укрепить ослабевшие связи между Царем и народом на пользу и благо последнего. Но его самовольное отступление от нашей программы, противоположный моему путь, по которому он пошел, его нападки на аристократию и на таких людей, как Великий князь Николай Николаевич, которых я всегда считал опорой трона, заставило вначале меня отвернуться от него, а затем, видя его усилившееся влияние при Дворе и учитывая, что при этом условия его идеи будут еще вредоноснее, я начал энергичную кампанию против него». Об этом рассказывает в своей книге «Покинутая царская семья» Сергей Марков.

Как вспоминал Родзянко, Николай II не испытывал к Гермогену личной неприязни: «В одном из ближайших моих всеподданнейших докладов я доложил всю подноготную инцидента в Св. синоде и просил смягчить участь невинно пострадавшего владыки. Государь ответил мне буквально следующее: „Я ничего не имею против епископа Гермогена. Считаю его честным, правдивым архипастырем и прямодушным человеком, способным стойко и бесстрашно отстаивать правду и непоколебимым в служении истине и достоинству Православной церкви. Он будет скоро возвращен. Но я не мог не подвергнуть его наказанию, так как он открыто отказался подчиниться моему повелению“.

Но прощения все же не последовало. Вероятно, иные воздействия оказались сильнее и поколебали слабую волю императора».

Наиболее прямо и откровенно высказался о Гермогене митрополит Евлогий: «Одним из друзей Распутина, которые от него отшатнулись, лишь только они поняли, с кем имеют дело, был Саратовский епископ Гермоген. Аскет, образованный человек, добрейший и чистый, епископ Гермоген был, однако, со странностями, отличался крайней неуравновешенностью, мог быть неистовым. Почему-то он увлекся политикой и в своем увлечении крайне правыми политическими веяниями потерял всякую веру. Интеллигенцию он ненавидел, желал, чтобы всех революционеров перевешали... Он ополчился против Распутина, когда убедился в его безнравственном поведении, и решил позвать его к себе, дабы в присутствии писателя Родионова и иеромонаха Илиодора взять с него заклятие, что он отныне не переступит порога царского дворца. Говорят, епископ Гермоген встретил его в епитрахили, с крестом в руке. Распутин клятвы давать не хотел и пытался скрыться. Родионов и Илиодор бросились за ним на лестницу, его настигли, и все трое покатались по ступеням вниз... а епископ Гермоген, стоя на площадке в епитрахили и с крестом в руке, кричал: „Будь проклят! проклят! проклят!..“ Распутин

вырвался из рук преследователей. „Попомните меня!“ — крикнул он и исчез. Епископ Гермоген и Илиодор стали бомбардировать Государя телеграммами, умоляя его не принимать Распутина. Государь оскорбился и приказал вернуть епископа Гермогена в епархию, а Илиодора Святейший синод сослал во Флорищеву пустынь (Владимирской епархии). Епископ Гермоген приказу не подчинился; тогда Государь прислал флигель-адъютанта, который „именем Государя Императора“ приказал ему сесть в автомобиль; его отвезли на вокзал и переправили в Жировицкий монастырь (Гродненской губернии). Была назначена ревизия Саратовского Епархиального управления; она обнаружила полную безответственность главы епархии и непорядки вопиющие. Оказалось, что епископ Гермоген не распечатывал многих приходящих на его имя бумаг, в том числе даже указов Святейшего синода, — бросал их в кучу, в пустой комнате. Заточение создало епископу Гермогену ореол мученика. Впоследствии, уже после революции, его выпустили и назначили епископом Тобольским; в этом звании он и был членом Всероссийского Церковного собора. Когда царская семья находилась в заточении в Тобольске, он пытался что-то для Государя сделать. Большевики с ним расправились жестоко — его привязали к колесу парохода и пустили машину в ход: лопастями колеса его измочалило...»

Митрополит Евлогий был врагом Распутина. Это он, как вспоминал октябрист Александр Гучков, «в присутствии Саблера обрушился на Синод и Обер-прокурора со всей несдержанностью накипевшего негодования. Он говорил не голословно — приводил факты, которые разоблачали весь ужас того, что происходит. Из его речи можно было заключить, что Синод Распутину мироволит и Оберпрокурор всячески добивается его расположения...»

Илиодор покинул Петербург раньше Гермогена, распространив слух о том, что покаяния ради отправляется во Флорищеву пустынь пешком. На самом же деле Петербурга он не покидал, а попросту прятался около недели у тибетского доктора Бадмаева, сочиняя между делом для знакомых письма о своем «паломничестве»: «Шел ночами... В котомке за плечами нес святую Библию... Отдыхал днем в самых глухих деревушках... Все время я пел псалмы и молитвы... На станции Чудово меня нашел по условному знаку нарочный владыки Гермогена и передал письмо. Горько мне было прекращать паломничество, но повеление подвижника-святителя победило меня. Я возвратился утром двадцать шестого января в четверг в Питер... и добровольно и охотно отдался в руки полиции».

Петр Александрович Бадмаев, происходивший из знатного бурятского

рода и еще в юности приехавший в Петербург из Восточной Сибири, поначалу работал в тибетской аптеке, принадлежавшей его старшему брату, затем учился на восточном отделении Петербургского университета и в Военно-медицинской академии. В Петербурге Бадмаев принял православие и из Жамсарана превратился в Петра Александровича. Алесандровича — потому что его крестным отцом был великий князь Александр Александрович, будущий император Александр III.

Поначалу Бадмаев наметил себе дипломатическое поприще, недолгое время прослужив в Министерстве иностранных дел, затем столь же недолго преподавал монгольский язык в Петербургском университете, но вскоре отдался своему призванию — занялся медицинской практикой, причем лечил пациентов исключительно методами тибетской медицины. Примечательно, что, окончив полный курс Военно-медицинской академии, Бадмаев добровольно отказался от получения диплома, чтобы, не будучи врачом «официальным», иметь право лечить больных, используя принципы тибетской медицины.

Тибетскими травами Бадмаев исцелял буквально ото всех болезней, начиная с мигрени и кончая чахоткой, но большая часть его клиентов лечилась от импотенции, и, как говорили современники, весьма успешно.

Великосветская клиентура и широкие связи в верхах сделали Бадмаева весьма влиятельным человеком. Устройство разнообразных дел в качестве посредника приносило Бадмаеву столько же дохода, сколько и медицинская практика, если не больше.

Бадмаев уговаривал Гермогена повиноваться властям и давал приют Илиодору, так как считал, что «с государственной точки зрения весьма важно сделать этих двух лиц послушными властям — их можно сделать такими только благоразумными и кроткими мерами», и был хоть и скрытым, но недоброжелателем Распутина. Бадмаев даже посоветовал Илиодору составить записку о Распутине, которую намеревался передать императору через дворцового коменданта Дедюлина. С Дедюлиным Бадмаева связывали «деловые», то есть посреднические интересы. Дворцовый комендант помогал тибетскому лекарю, как принято сейчас говорить, решать вопросы. Помогал ему в этом и Григорий Распутин, причем практически бескорыстно, ведь Бадмаев был его хорошим знакомым. Но благодарности редко находится место в человеческом сердце, тогда как зависти этого места и искать не приходится...

«Пусть наказывает меня праведник: это милость; пусть обличает меня: это лучший елей, который не повредит голове моей; но мольбы мои — против злодейств их» (Пс.140:5).

За «втоптанного в грязь» Гермогена активно вступилась «московская клика», возглавляемая сестрой императрицы. 24 января 1912 года в «Московских ведомостях» появилась петиция «Св. Синод и епископ Гермоген. Голос мирян», подписанная Ф. Самариным, В. Васнецовым, М. Новоселовым и другими видными москвичами, близкими к великой княгине Елизавете Федоровне. «Невольно напрашиваются смущающие душу мысли: не определялся ли ход этого дела какими-то нам неизвестными соображениями? Не видим ли мы, например, что явные еретики и отступники, дерзко совершающие свое богомерзкое дело, остаются свободными от церковного суда?» — говорилось в петиции.

В тот же день финансируемая Гучковым газета «Голос Москвы» опубликовала статью Новоселова «Голос православного мирянина»: «Quosque tandem abutere patientia nostra? (До каких же пор ты будешь испытывать наше терпение? — А. III.) — эти негодующие слова невольно вырываются из груди православных русских людей по адресу хитрого заговорщика против святыни церкви и гнусного растлителя душ и телес человеческих, Григория Распутина... Доколе, в самом деле, Святейший Синод, перед лицом которого уже несколько лет разыгрывается этим проходившем преступная трагикомедия, будет безмолвствовать и бездействовать? Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя? Почему молчат и стражи Израилевы, когда в письмах ко мне некоторые из них откровенно называют этого лжеучителя — лжехлыстом, эротоманом, шарлатаном? Где Его Святейшество, если он по нерадению или малодушию не блюдет чистоты веры церкви Божией и попускает развратного хлыста творить дело тьмы под личиной света? Где его правящая десница, если он пальцем не хочет шевельнуть, чтобы низвергнуть дерзкого растлителя и еретика из ограды церковной? Быть может, ему недостаточно известна деятельность Григория Распутина? В таком случае прошу прощения за негодующие дерзновенные слова и почтительнейше прошу меня вызвать в высшее церковное учреждение для представления данных, доказывающих истину моей оценки хлыстовского обольстителя».

Отрывки из этой статьи в тот же день напечатала газета «Вечернее время».

По Григорию Распутину, образно говоря, был дан залп из всех орудий. Враги пошли ва-банк.

«Блажен человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у ворот моих и стоя на страже у дверей моих! потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа; а согрешающий против

меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть» (Сол. 8:34–36).

Глава одиннадцатая. Изгнание

Лавина газетных статей о Григории Распутине привела императора в ярость. Он приказал недавно назначенному министру внутренних дел Макарову принять «решительные меры к обузданию печати».

«Первое ясное проявление неудовольствия Государя на кампанию печати против Распутина проявилось в половине января 1912 года, — вспоминал Коковцов. — Мне приходилось в ту пору постоянно видаться с Макаровым, чтобы улавливать об организации выборов в Государственную думу... Я застал его в очень угнетенном настроении. Он только что получил очень резкую по тону записку от Государя, положительно требующую от него принятия „решительных мер к обузданию печати“ и запрещение газетам печатать что-либо о Распутине. В этой записке была приложена написанная в еще более резких выражениях записка о том же от 10-го декабря 1910 г. на имя покойного Столыпина, прямо упрекавшая последнего. Макаров буквально не знал, что делать. Я посоветовал ему при первом же всеподданнейшем докладе объяснить Государю всю неисполнимость его требований, всю бесцельность уговоров редакторов не касаться этого печального места и еще большую бесцельность административных взысканий (запрещение розничной продажи и т. п.), только раздражающих печать и все общественное мнение и создающих поводы к разным конфликтам с Правительством и, наконец, полнейшую безнадежность выработки такого законопроекта о печати, о котором мечтали наши крайние правые организации и который должен был облечь Правительство какими-то сверхъестественными полномочиями.

Я предупредил его, что Государь уже заговаривал со мною об этом, и я высказал Ему тогда же все эти мысли. Если бы доклад Макарова встретил недружелюбный прием, а тем более резкий отпор, я советовал ему просить об увольнении от должности».

Печать обуздали. Министерство внутренних дел настоятельно посоветовало редакторам российских газет и журналов ничего более о Григории Распутине не печатать. Вдобавок по распоряжению Главного управления по делам печати номера газет со статьей Новоселова были конфискованы, а редакторы «Голоса Москвы» и «Вечернего времени» привлечены к ответственности.

Императорская чета облегченно вздохнула, но не тут-то было. Раскручивался новый виток скандала вокруг Григория Распутина.

Фракция октябристов, возглавляемая Гучковым, тут же внесла в Думе запрос министру внутренних дел. В запросе у министра спрашивали, известно ли ему, что российской прессе запрещено писать о Распутине, известно ли, что в противном случае тиражи газет конфискуются, как это было в Москве, и если известно, то какие меры приняты им к восстановлению порядка — возвращению печати обещанных ей свобод.

Совершенно неожиданно для себя и совершенно не желая того, Григорий Распутин оказался вовлеченным в конфликт с Государственной думой. Он дал телеграмму царям: «Миленькаи папа и мама! Вот бес-то силу берет окаянный. А Дума ему служит: там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы Божьего помазаннека долой. И Гучков господин их прихвост клеветает, смуту делает. Запросы. Папа, Дума твоя, что хошь, то и делай. Какие там запросы о Григории. Это шалость бесовская. Прикажи. Не какех запросов не надо. Григорий».

В 1912 году российскому императору было трудно приказывать Думе. Порой — совсем невозможно.

«Неблагополучно в нашем государстве. Опасность грозит нашим народным святыням. Безмолвствуют иерархи, бездействует государственная власть. И тогда патриотический долг прессы и народного представительства — дать исход общественному негодованию», — ораторствовал Гучков.

«Газеты разнесли по всем уголкам России факт запроса Государственной Думы о Распутине, и вокруг его имени стали громоздиться всевозможные легенды и грязные инсинуации, зачастую далеко не соответствующие истине и дискредитирующие Престол... Это был очень неосторожный шаг Государственной Думы; первый раз законодательная палата затронула в своем запросе интимную сторону жизни царской семьи и этим невольно заронила в сердцах некоторых кругов России тень недоверия, неуважения к монарху. Надо удивляться, как Председатель Думы М. В. Родзянко, принадлежа к центру, не учел этого и не принял со своей стороны должных мер, чтобы предотвратить это нежелательное явление», — считал генерал Джунковский.

29 января Николай II поручил председателю Совета министров Коковцову, министру внутренних дел Макарову и обер-прокурору Священного Синода Саблеру принять меры к скорейшему прекращению шумихи, поднятой вокруг Распутина. «Тут впервые я оказался уже открыто пристегнутым к этой печальной истории», — замечает Коковцов.

Бюрократ и чинуша Коковцов любил спокойствие и стабильность. Ни того, ни другого скандал вокруг Распутина не обещал. Скорее — совсем

наоборот.

После недолгого совещания триумвират счел единственным выходом из создавшегося положения скорейший отъезд Григория Распутина домой, в Покровское. Не на время, а навсегда.

Решение было принято, оставалось уговорить императора и самого Распутина. К Григорию отправили Даманского, совсем недавно по протекции старца назначенного товарищем (заместителем) обер-прокурора. Тяжкую миссию переговоров с императором возложили на министра двора барона Фредерикса.

«В тот же вечер, около 12-ти часов мы поехали с Макаровым к Фредериксу, — вспоминал Коковцов. — Саблер отказался нас сопровождать, сказавши, что его ждут с нетерпением его друзья, желающие узнать результаты нашего совещания.

С Бароном Фредериксом наша беседа была очень коротка. Этот недалекий, но благородный и безупречно честный человек хорошо понимал всю опасность для Государя Распутинской истории и с полной готовностью склонился действовать в одном с нами направлении. Он обещал говорить с Государем при первом же свидании, и Макаров и я настойчиво просили его сделать это до наших очередных докладов, — Макарова в четверг, а моего в пятницу, так как к его докладу Государь отнесется проще, чем к нашему, будучи уже раздражен, в особенности против Макарова, за его отношение к печатным разоблачениям, и, несомненно, недоволен и мною за то, что я высказал Ему еще ране те же мысли по поводу мер воздействия на печать.

В воскресенье 1-го февраля вечером Бар. Фредерикс сказал мне по телефону по-французски: „Я имел длинный разговор сегодня; очень раздражены и расстроены и совсем не одобряют нашу точку зрения. Жду Вас до пятницы“.

Я приехал к нему в среду днем и застал старика в самом мрачном настроении. В довольно бессвязном пересказе передал он мне его беседу, которая ясно указывала на то, что Государь крайне недоволен всем происходящим, винит во всем Государственную Думу и, в частности, Гучкова, обвиняет Макарова в „непростительной слабости“, решительно не допускает какого бы то ни было принуждения Распутина к выезду и выразился даже будто бы так: „Сегодня требуют выезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой и потребуют, чтобы и он уехал“».

Хитрый Коковцов «пошел в обход» — испросил аудиенции у вдовствующей императрицы. 13 февраля он был принят Марией Федоровной и добился от нее обещания поговорить с сыном и по возможности повлиять на него. Неизвестно, разговаривала ли

вдовствующая императрица со своим сыном, и если да, то чем закончился этот разговор, но в мемуарах Родзянко сохранилось воспоминание о встрече с Марией Федоровной, пригласившей к себе Председателя Государственной Думы для того, чтобы сказать ему следующее: «Я слышала, что вы имеете намерение говорить о Распутине Государю. Не делайте этого. К несчастью, он вам не поверит, и к тому же это его сильно огорчит. Он так чист Душой, что во зло не верит».

Родзянко начал утверждать, что дело зашло слишком далеко и что ради сохранения престижа императорской семьи он просто обязан вмешаться, а под конец своей пылкой речи попросил у императрицы благословения.

«Она посмотрела на меня своими добрыми глазами, — вспоминал Родзянко, — и взволнованно сказала, положив свою руку на мою:

— Господь да благословит вас.

Я уже уходил, когда она сделала несколько шагов и сказала:

— Но не делайте ему слишком больно».

Родзянко предостережению императрицы матери не внял, за что и поплатился, лишившись расположения государя. Но об этом — чуть позже.

В день аудиенции у вдовствующей императрицы Коковцов получил письмо от самого Распутина с предложением встретиться и поговорить. После недолгого раздумья Коковцов согласился и вечером 15 февраля встретился с Григорием. Встреча происходила в присутствии зятя Коковцова, сенатора Мамонтова, знакомого с Распутиным.

«Что ж, уезжать мне, что ли? Житья мне больше нет, и чего плетут на меня! — спросил Распутин и, выслушав уговоры Коковцова и Мамонтова, сказал: — Ладно, я уеду, только уж пущай меня не зовут обратно, если я такой худой, что царю от меня худо».

Несколько человек, начиная с Матрены Распутиной и заканчивая Анной Вырубовой, утверждают, что Коковцов предлагал Распутину в качестве отступного за отъезд двести тысяч рублей, от которых Григорий наотрез отказался. Сам же Коковцов, оставивший после себя весьма пространные мемуары, ничего не пишет об этом.

О Распутине у Коковцова сложилось откровенно предвзятое впечатление. Другого, впрочем, и не следовало ожидать, ведь каждый видит в первую очередь то, что ему хочется увидеть. «По-моему, Распутин типичный сибирский варнак, бродяга, умный и выдрессировавший себя на известный лад простеца и юродивого и играющий свою роль по заученному рецепту, — писал Коковцов. — По внешности ему не доставало только арестантского армяка и бубнового туза на спине.

По замашкам — это человек, способный на все. В свое кривляние он,

конечно, не верит, но выработал себе твердо заученные приемы, которыми обманывает как тех, кто искренно верит всему его чудачеству, так и тех, кто надует самого своим преклонением перед ним, имея на самом деле в виду только достигнуть через него тех выгод, которые не даются иным путем».

В газетах появилось короткое сообщение о приеме Григория Распутина председателем Совета министров Коковцовым, продолжавшемся два часа.

На следующей неделе Распутин, держа свое слово, отбыл в родное Покровское. На вокзале его провожала Вырубова с сестрой. Дворцовый курьер вручил Распутину роскошный букет белых роз. В интервью корреспонденту «Нового времени» Распутин якобы заявил, что едет в Тобольск за дочерью, которую Николай II намерен воспитать вместе с великими княжнами, и что вскоре он вместе с императорской семьей поедет в Крым. Насчет Крыма старец сказал правду, но то, что его дочь будет воспитываться с дочерьми императора, не соответствовало действительности. Не исключено, что журналист попросту кое-что присочинил.

Тем временем во Флорищевой пустыни плел свою паутину неутомимый Илиодор. Сразу же по прибытии он послал телеграмму брату Александру в Царицын, чтобы тот привез ему письма, некогда украденные Илиодором у Распутина. Письма были ему доставлены. Илиодор заботливо сделал с них копии.

8 февраля 1912 года за письмами прибыли посланцы от Бадмаева и Родионова. Подлинники Илиодор отправил Родионову для передачи Гермогену, а копии — Бадмаеву. Он так волновался, что отправил Бадмаеву всего четыре письма из шести, позабыв вложить в конверт копии писем старцу от великих княжон Ольги и Анастасии.

Бадмаев передал одно из посланий: письмо императрицы Распутину — Родзянко и Гучкову для возбуждения страстей в обществе. Те запустили «копии с копии» по рукам.

«Уста праведника источают мудрость, а язык зловерный отсеется» (Сол. 10:31).

Уму непостижимо, сколько людей, занимавших видное положение в обществе и искренне убежденных в собственной порядочности, занималось перлюстрацией и использованием в корыстных целях чужих писем! И это творилось в Российской империи начала XX века! Благословенны времена...

Тысячекратно прав был один из современников Распутина, ярый

монархист и стойкий консерватор публицист Иван Солоневич, участник Белого движения, который писал: «Во всей распутинской истории самый страшный симптом не в пьянстве. Самый страшный симптом — симптом смерти, это отсутствие общественной совести. Вот температура падает, вот — нет реакции зрачка, вот — нет реакции совести. Совесть есть то, на чем строится государство. Без совести не помогут никакие законы и никакие уставы. Совести не оказалось. Не оказалось элементарнейшего чувства долга, который бы призывал наши верхи хотя бы к защите элементарнейшей семейной чести Государя. Поставим вопрос так. На одну сотую секунды допустим, что распутинская грязь действительно была внесена внутрь Царской Семьи. Даже и в этом случае элементарнейшая обязанность всякого русского человека состояла в следующем — по рецепту ген. Краснова, правда, уже запоздалому, — виселицей, револьвером или просто мордобоем затыкать рот всякой сплетне о Царской Семье.

Я плохо знаю Англию, но я представляю себе: попробуйте вы в любом английском клубе пустить сплетню о королеве, любовнице иностранного шпиона, и самые почтенные джентльмены и лорды снимут с себя сюртуки и смокинги и начнут бить в морду самым примитивным образом, хотя и по правилам самого современного бокса. А наши, черт их дери, монархисты не только не били морду, а сами сладострастно сюсюкали на всех перекрестках: „А вы знаете, Распутин живет и с Царицей, и с Княжнами“. И никто морды не бил. Гвардейские офицеры, которые приносили присягу, которые стояли вплотную у трона, — и те позволяли, чтобы в их присутствии говорились такие вещи».

Забегая вперед, хочется еще раз процитировать Солоневича. «По тхоржевско-голливудскому сценарию выходит так, что и Империю, и Монархию погубил-де пьяный мужик, — писал он в 1939 году. — Распутинская борода, а также и прочие вторичные и первичные признаки таинственного старца заслонили собою и историю России, и преступления правящего слоя, и военный разгром, и тяжкую внутреннюю борьбу, и безлюдье, и бесчестность — все заслонили. Осталась одна пьяная борода, решившая судьбы России. Чем не Голливуд?

Это банально-дурацкое, тхоржевско-голливудское, детективно-сенсационное представление о роли Распутина слишком уж настойчиво и назойливо вдальблывается в сознание всего мира — в том числе и в сознание русской эмиграции. Это представление — насквозь лживо. Для всех виновников гибели Империи и Монархии Распутин — это неоценимая находка. Это козел отпущения, на спину которого можно перевалить свои

собственные грехи. Это — щит, под прикрытием которого так просто и так легко болтать о болезненности Императрицы и о слабости Императора: сами-де виноваты, зачем были болезненными, зачем были слабыми».

О самом Григории Распутине Иван Солоневич писал с некоторым предубеждением: «Если мы начнем слой за слоем смывать с Распутина его голливудский грим — то под этим гримом обнаружится: пьяный, развратный и необычайно умный мужик. Этот мужик был действительно целителем, и он действительно поддерживал своим гипнозом жизнь Наследника. Разговоры о его влиянии чрезвычайно сильно преувеличены. Основного — сепаратного мира — он так добиться и не смог. Жаль».

Матрена Распутина, слегка путаясь в датах, писала: «В начале декабря или в конце ноября 1910 г. стали распространяться копии писем Александры Федоровны и великих княжон к моему отцу. Они были написаны незадолго до этого. В них (особенно в письме Александры Федоровны) действительно были места, которые при большом желании можно истолковать превратно».

Коковцов вспоминал об одной из своих встреч с министром внутренних дел Макаровым: «Наш разговор перешел затем на распространяемые с ссылкой на Гучкова письма Императрицы и Великих Княжон, и мы оба высказали предположение, что письма апокрифичны и распространяются с явным намерением подорвать престиж Верховной власти и что мы бессильны предпринять какие бы то ни было меры, так как они распространяются не в печатном виде и сама публика наша оказывает им любезный прием, будучи столь падкою на всякую сенсацию... Подлинных писем я тогда не видал и не знал, откуда попали они к Гучкову и каким образом мог он иметь копии с них. Содержание письма Императрицы, в особенности некоторые выражения его, вроде врезавшегося в мою память выражения: „Мне кажется, что моя голова склоняется, слушая тебя, и я чувствую прикосновение к себе твоей руки“, конечно, могли дать повод к самым непозволительным умозаключениям, если воспроизвести их отдельно от всего изложения, но и всякий, кто знал Императрицу, искупившую свою мученическую смертью все ее вольные и невольные прегрешения, если они даже и были, и заплатившую такую страшную цену за все свои заблуждения, тот хорошо знает, что смысл этих слов был совсем иной. В них сказалась вся Ее любовь к больному сыну, все Ее стремление найти в вере в чудеса последнее средство спасти его жизнь, вся экзальтация и весь религиозный мистицизм этой глубоко несчастной женщины, прошедшей вместе с горячо любимым мужем и нежно любимыми детьми такой поистине страшный крестный путь».

Подлинные письма попали в руки Макарова позже.

Коковцов утверждал, что их передал министру «неизвестный человек», в свою очередь получивший письма от некоей женщины, которой Илиодор отдал письма, опасаясь, что их могут отобрать у него при обыске. На самом деле речь шла о Родионове, человеке, сохранившем остатки благоразумия и порядочности.

Коковцов и Макаров были готовы письма выкупить, а если не получится, «изыскивать всякие иные способы», но, по словам Коковцова, «человек, в руках которого они находились, оказался вполне порядочным и после первых же слов согласился отдать их, понимая всю опасность хранения их, и сказал даже, намекая на бывших друзей Распутина Илиодора и других: „эти люди не задумаются просто задушить меня, если я их не отдам по их требованию“».

«Макаров дал мне прочитать все письма, — писал далее Коковцов. — Их было шесть. Одно сравнительно длинное письмо от Императрицы, совершенно точно воспроизведенное в распространенной Гучковым копии; по одному письму от всех четырех Великих Княжон, вполне безобидного свойства, написанных, видимо, под влиянием напоминаний матери, и почти одинакового свойства. Они содержали в себе главным образом упоминание о том, что они были в церкви и все искали его, не находя его на том месте, где они привыкли его видеть, и — одно письмо, или, вернее, листок чистой почтовой бумаги малого формата с тщательно выведенною буквою А. маленьким Наследником.

Мы стали разбираться с Макаровым, что ему делать с этими письмами. Первое его побуждение было просто спрятать их, чтобы они не попали в чьи-либо руки, но я это решительно отсоветовал ему, говоря, что его могут заподозрить в каких-либо недобрых намерениях. Затем он высказал намерение передать их Государю, против чего я также категорически возразил, говоря, что этим он поставит Государя в крайне щекотливое положение и наживет себе в лице Императрицы непримиримого врага, так как Государь не замедлит сказать ей о получении писем, и Императрица не простит ему этого поступка.

Я советовал Макарову попросить у Императрицы личную аудиенцию непосредственным и притом собственноручным письмом и передать ей письма из рук в руки, сказавши ей совершенно открыто, как попали они к нему.

Макаров обещал последовать моему совету, но поступил как раз наоборот. На следующем же всеподданнейшем своем докладе, имея эти письма под рукою и заметивши, что Государь находится в отличном

настроении духа, Макаров рассказал Ему всю историю этих писем и вручил конверт с ними Государю.

По собственному его рассказу, Государь побледнел, нервно вынул письма из конверта и, взглянув на почерк Императрицы, сказал: „Да, это не поддельное письмо“, — а затем открыл ящик своего стола и резким, совершенно непривычным ему жестом швырнул туда конверт.

Мне не оставалось ничего другого, как сказать Макарову: „Зачем же вы спрашивали моего совета, чтобы поступить как раз наоборот, теперь ваша отставка обеспечена“. Мои слова сбылись очень скоро».

Камергер и товарищ министра внутренних дел Владимир Гурко считал, что «изъять эти письма из частных рук и тем прекратить возможность превратить их в рыночный товар было несомненной обязанностью царского министра. Но этим, казалось бы, и должна была ограничиться его деятельность в этом отношении. Макарову захотелось, по-видимому, на этом еще и выслужиться: проявить свою преданность царской семье, а также умение охранять ее от всяких неприятностей. Формальный ум Макарова, очевидно, не позволял ему постигнуть, что передача писем государю могла быть и ему и государыне лишь весьма неприятной. Велико должно было быть, следовательно, изумление Макарова, когда в ближайшие дни после этого он безо всякого предупреждения был уволен от должности».

Гурко немного неточен, когда пишет, что Макаров был уволен от должности «в ближайшие дни после этого». Отставка Макарова последовала лишь в декабре 1912 года, тогда как история с письмами была в феврале — марте. Впрочем, вполне возможно, что решение об удалении Макарова с поста министра внутренних дел было принято Николаем II еще во время злополучной аудиенции.

Дочь расстрелянного большевиками вместе с царской семьей придворного лейб-медика Евгения Боткина, Татьяна Боткина (в замужестве — Мельник), писала в своих «Воспоминаниях о Царской Семье и ее жизни до и после революции», впервые изданных в 1921 году в Белграде: «Насколько же рассказы о приближенности Распутина к царской семье были раздуты, можно судить из того, что мой отец, прослуживший при их величествах 10 лет и ежедневно в течение этих 10 лет бывавший во дворце, причем не в парадных комнатах, а как доктор, почти исключительно в детских и спальне их величеств, видел Распутина всего один раз, когда он сидел в классной Алексея Николаевича и держал себя как самый обыкновенный монах или священник. Александра Федоровна считала святым Распутина. В последнем же нет никакого сомнения: об этом говорят

письма ее величества и великих княжон к Распутину. В этих письмах, сплошь проникнутых горячей верой и содержащих в себе столько рассуждений на религиозные темы и просьбы молиться за всю царскую семью, никто не мог найти ничего предосудительного. Впоследствии, проезжая через Сибирь, я встретила одну даму, спросившую меня об отношении ее величества к Распутину. Когда я передала ей все вышеизложенное, она рассказала мне следующий случай. Ей пришлось быть однажды в следственной комиссии, помещавшейся в Петрограде в Таврическом дворце. Во время долгого ожидания она слышала разговор, происходивший в соседней комнате. Дело шло о корреспонденции царской семьи. Один из членов следственной комиссии спросил, почему еще не опубликованы письма императрицы и великих княжон.

— Что вы говорите, — сказал другой голос, — вся переписка находится здесь — в моем столе, но если мы ее опубликуем, то народ будет поклоняться им, как святым».

«Я целый месяц собирал сведения; помогали Гучков, Бадмаев, Родионов, Граф Сумароков, у которого был агент, сообщавший сведения из-за границы. Через князя Юсупова же мы знали о том, что происходит во дворце. Бадмаев сообщил о Гермогене и Илиодоре в связи с Распутиным. Родионов дал подлинник письма императрицы Александры Федоровны к Распутину, которое Илиодор вырвал у него во время свалки, когда они со служкой били его в коридоре у Гермогена. Он же показывал и три письма великих княжон: Ольги, Татьяны и Марии», — писал Председатель Государственной думы Родзянко, с удовольствием принявший участие в травле Распутина. Он даже имел разговор с Николаем II, во время которого пытался опорочить Распутина. «Всепопданнейший доклад» Родзянко больше напоминал нотацию. Председатель Государственной думы говорил своему государю: «Ваше Величество, присутствие при дворе в интимной его обстановке человека столь опороченного, развратного и грязного представляет из себя небывалое явление в истории русского царствования. Влияние, которое он оказывает на церковные и государственные дела, внушает немалую тревогу решительно во всех слоях общества. В защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппарат, начиная с министров и кончая низшими чинами охранной полиции. Распутин — оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под церковь и монархию. Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина. Всех пугает близость его к царской семье. Это волнует умы».

Вот еще отрывок из мемуаров Родзянко — диалог между ним и

Николаем:

«— Все, кто поднимает голос против Распутина, преследуется Синодом. Терпимо ли это, ваше величество? И могут ли православные люди молчать, видя развал Православия? Можно понять всеобщее негодование, когда глаза всех раскрылись и все узнали, что Распутин хлыст.

— Какие у вас доказательства?

— Полиция проследила, что он ходил с женщинами в баню, а ведь это из особенностей их учения.

— Так что ж тут такого? У простолюдинов это принято.

— Нет, ваше величество, это не принято. Может быть, ходят муж с женой, но то, что мы имеем здесь, — это разврат».

Помимо прочего, Родзянко оказался настолько глуп, бестактен и недалёковиден, что показал императору письма мнимых «жертв» Распутина и копии писем царицы и дочерей.

По окончании доклада император поблагодарил Родзянко, признав вслух, что тот «поступил как честный человек, как верноподданный», и успокоенный Председатель Думы ушел восвояси.

Спустя несколько дней, Родзянко, явно решивший закрепить успех и упрочить свое положение в глазах императора, вновь обратился к нему с просьбой о приеме, но Николай его не принял, отослав просьбу Коковцову со следующей резолюцией: «Я не желаю принимать Родзянко, тем более что всего на днях он был у меня. Скажите ему об этом. Поведение Думы глубоко возмутительно, особенно отвратительная речь Гучкова по смете Св. Синода. Я буду очень рад, если мое неудовольствие дойдет до этих господ, не все же с ними раскланиваться и только улыбаться».

В речи по смете Священного синода Гучков продолжил свои нападки и «обличения»: «Все вы знаете, какую тяжелую драму переживает Россия; с болью в сердце, с ужасом следим мы за всеми ее перипетиями, а в центре этой драмы загадочная трагикомическая фигура — точно выходец с того света или пережиток темноты веков... Быть может, изувер-сектант, творящий свое темное дело, быть может, проходимец-плут, обдeldывающий свои темные делишки. Какими путями достиг этот человек этой центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти? Вдумайтесь только — кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, кто тащит за собою и смену направлений, и смену лиц, падение одних, возвышение других?

Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство...»

Пылкий Гучков, должно быть, спутал 1912 год с 1812-м, когда

государство Российское и впрямь пребывало в опасности. Впрочем, ни Минина, ни Пожарского из Гучкова никогда бы не вышло — мнимый «спаситель отечества» мог только болтать, красуясь на думской трибуне.

Ненависть Родзянко к Григорию Распутину была столь сильной, что Председатель Думы не погнушался выгнать старца из Казанского собора перед торжественным молебном по случаю трехсотлетия дома Романовых.

«Барон Ферзен (барон Василий (Вильям) Ферзен, вице-адмирал, герой Цусимского сражения, был ответственным за порядок во время молебна. — А. Ш.) доложил, что, невзирая на протесты его и его помощника, какой-то человек в крестьянском платье и с крестом на груди встал впереди Государственной Думы и не хочет уходить, — писал в своих мемуарах Родзянко. — Догадавшись, в чем дело, я направился в собор к нашим местам и там действительно застал описанное бароном Ферзеном лицо. Это был — Распутин. Одет он был в великолепную, темно-малинового цвета, шелковую рубашку-косоворотку, в высоких лаковых сапогах, в черных суконных шароварах и такой же черной поддевке. Поверх платья у него был наперсный крест на золотой художественной цепочке. Подойдя к нему вплотную, я внушительным шепотом спросил его:

— Ты зачем здесь?

Он на меня бросил нахальный взгляд и отвечал:

— А тебе какое дело?

— Если ты будешь со мной говорить на „ты“, то я тебя сейчас же за бороду выведу из собора. Разве ты не знаешь, что я председатель Государственной Думы?!

Распутин повернулся ко мне лицом и начал бегать по мне глазами сначала по лицу, потом в области сердца, а потом опять взглянул мне в глаза. Так продолжалось несколько мгновений.

Лично я совершенно не подвержен действию гипноза, испытал это много раз, но здесь я встретил непонятную мне силу огромного действия. Я почувствовал накипающую во мне чисто животную злобу, кровь отхлынула мне к сердцу, и я сознавал, что мало-помалу прихожу в состояние подлинного бешенства.

Я в свою очередь начал прямо смотреть в глаза Распутину и, говоря без каламбуров, чувствовал, что мои глаза вылезают из орбит. Вероятно, у меня оказался довольно страшный вид, потому что Распутин начал как-то ежиться и спрашивал:

— Что вам нужно от меня?

— Чтобы ты сейчас убрался отсюда, гадкий еретик, тебе в этом святом доме нет места.

Распутин нахально отвечал:

— Я приглашен сюда по желанию лиц более высоких, чем вы, — и вытаскил при этом пригласительный билет.

— Ты известный обманщик, — возразил я. — Верить твоим словам нельзя. Уходи сейчас вон, тебе здесь не место.

Распутин искоса взглянул на меня, звучно опустил на колени и начал бить земные поклоны. Возмущенный этой дерзостью, я толкнул его в бок и сказал:

— Довольно ломаться. Если ты сейчас не уберешься отсюда, то я своим приставам прикажу тебя вынести на руках.

С глубоким вздохом и со словами „О, Господи, прости его грех“ Распутин тяжело поднялся на ноги и, метнув на меня злобным взглядом, направился к выходу. Я проводил его до западных дверей, где выездной казак подал ему великолепную соболью шубу, усадил его в автомобиль, и Распутин благополучно уехал».

Об этом позорном поступке Родзянко вспоминал без стыда и даже с гордостью. Он, должно быть, считал, что совершил подвиг, изгнав молящегося Распутина из храма Божьего, изгнав, несмотря на то, что у того был пригласительный билет. Родзянко действовал грубо, бесцеремонно, нахраписто, и что же получил в ответ? «О Господи, прости его грех», — вздохнул Распутин и вышел из храма. Миротлюбивый старец и тут остался верен себе.

Настал день — и страсти вокруг Распутина и императорской семьи улеглись.

Враги старца добились своего — изгнали его из Петербурга.

Освободилось место единственного друга и советчика при императоре, только вот кто мог его занять?

Завистники ликовали — старца ославили на всю империю, на весь мир, и теперь можно было предать его забвению. Как говорится, «С глаз долой — из сердца вон». Можно было сделать вид, что никакого Григория Распутина никогда не существовало.

Врагам казалось, что Распутина изгнали навсегда.

Но на самом деле Распутин отсутствовал в Петербурге недолго, ведь недаром сказано, что «надежда неблагодарного растает, как зимний иней, и выльется, как негодная вода» (Сол.16:29).

Глава двенадцатая. Скорое возвращение

Покровский иерей Петр (Остроумов) в мае 1912 года докладывал в Тобольск о том, что Григорий Распутин, совершивший кратковременную поездку в Петербург в начале марта месяца сего года, с 19 марта безвыездно проживает в селе Покровском, уделяя все свое время ведению крестьянского хозяйства. Иерей также сообщал о том, что религиозное мировоззрение Распутина (именуемое отцом Петром религиозным настроением) не претерпело никаких изменений. Этот вывод основывался на том, что богослужения в храме Покрова Богородицы Распутин посещал крайне нерегулярно, и хоть на последней неделе Великого поста он говел, но исповедь его была неоткровенной, чисто формальной.

Бдительный отец Петр присматривался и к гостям Григория. От его взора не ускользнуло, что начиная с января в доме у Распутина проживала петербургская генеральша Ольга Лохтина, гостившая у Распутина и в предыдущие годы. Лохтину отец Петр определял как почитательницу Григория Распутина с 1905 года. Он докладывал, что Лохтина на религиозной почве впала в состояние, близкое к помешательству — не таясь, во всеуслышание называла Распутина Богом и требовала того же от окружающих, грозя не желавшим признать божественность Распутина небесной карой.

По словам отца Петра, в конце апреля Лохтина покинула Покровское. Ее отъезд батюшка объяснял ссорой, имевшей место между ней и женой Распутина. Еще отец Петр писал о том, что Распутин выражал намерение в мае отправиться в Петербург, но поступил иначе — 17 мая на пароходе «Ласточка» отбыл в Тобольск для дальнейшего следования на богомолье в Абалакский монастырь.

Помимо богомолья Распутин посетил и императорскую семью, отдохавшую в Ливадии, но его пребывание в Крыму было кратковременным.

В Петербург же Григорий Распутин отлучался по делу. По делу о его мнимом сектантстве, в который уже раз раздутым его врагами. Теперь оно всплыло с подачи Гучкова и Родзянко.

В Петербурге Распутин имел семь встреч с признанным знатоком русского сектантства (кстати — по совместительству и соратником Владимира Ульянова-Ленина) Владимиром Бонч-Бруевичем. Бонч-Бруевич должен был на основе бесед с Распутиным дать авторитетное заключение о

его сектантстве, поставив точку в давнем споре о том, является ли Григорий Распутин сектантом или не является.

Владимир Гурко вспоминал: «Обратились с этой целью к известному знатоку русского сектантства Бонч-Бруевичу, тому самому, который впоследствии объявился убежденным большевиком и стал управляющим делами совета народных комиссаров. Бонч-Бруевич, через посредство баронессы В. И. Икскуль, охотно познакомился с Распутиным, вел с ним продолжительные беседы на различные темы, причем выказал к нему некоторую симпатию. Результат своего знакомства с Распутиным и его религиозными воззрениями Бонч-Бруевич доложил в собрании членов октябристской партии. Пришел он к тому выводу, что ни к какой определенной секте Распутин не принадлежит и в состав ее не входит, но ближе всего его взгляды подходят именно к хлыстовству. Доклад Бонч-Бруевича был, однако, в общем для Распутина благоприятным».

Бонч-Бруевич был близок со всеми политическими партиями — от октябристов, возглавляемых Гучковым, до большевиков.

Вот заключение Бонч-Бруевича о распутинском сектантстве: «Познакомившись с Г. Е. Распутиным-Новым и проведя много времени в ходе семи исчерпывающих с ним разговоров, считаю своим моральным долгом высказать свое мнение по вопросу, является ли Распутин сектантом, тем более что этот вопрос был затронут, хотя и не прямо, в интерpellации в Государственной Думе и в некоторых выступлениях депутатов при обсуждении бюджета Св. синода. Строго ограничиваясь упомянутым выше вопросом, я заявляю, что Григорий Ефимьевич Распутин-Новый является типом православного крестьянина из далекой и отсталой, провинциальной России и не имеет ничего общего ни с каким сектантством. Будучи более осведомленным о догматической стороне доктрины православия, чем это наблюдается среди крестьян, и зная Библию и Евангелие значительно хуже, чем большинство сектантов, Григорий Ефимьевич признает все таинства, ритуалы и догмы Православной церкви именно так, как они толкуются в православии, без малейших отклонений или критики. Он считает, что было бы чрезвычайно грешно и безнравственно даже обсуждать такие вопросы, ибо, как он сказал мне, „нечего мирянину обсуждать вопросы, установленные самим Господом...“ Исходя из широких личных наблюдений над сектантами и из обстоятельного знакомства с их методами мышления, методами рассуждения, толкования веры, обдумывания и из ряда почти неопределимых подробностей, основываясь на тщательном изучении всего, что до сих пор было написано о Г. Е. Распутине-Новом, включая последнюю брошюру Новоселова, исходя, наконец, из длительных

личных собеседований с Распутиным, которые велись в присутствии свидетелей, равно как и строго конфиденциально, при которых я умышленно пытался добиться полной ясности и точности в отношении его религиозных верований, я считаю своим долгом открыто заявить, что Г. Е. Распутин-Новый является полностью и совершенно убежденным православным христианином, а не сектантом».

Что ж — убедительно и исчерпывающе.

Впрочем, и это авторитетное мнение было подвергнуто сомнению и критике. Недоброжелателям Распутина, как и людям, предвзято к нему относящимся, пришлось впору принадлежность Бонч-Бруевича к большевикам. Исходя из этого можно было утверждать, что он в решении «распутинского вопроса» дал заведомо ложное заключение, для того чтобы присутствие Распутина при дворе «приблизило конец самодержавия».

К подобному выводу со временем пришел и Гучков: «Потом, когда я ознакомился с личностью Бонч-Бруевича и с его ролью во время большевиков, я стал задумываться, был ли он искренен в своей беседе со мной, не пришел ли он к тому убеждению, что это явление полезно для них, спекулировавших на разложении старой власти».

Историк Георгий Катков (внучатый племянник известного журналиста и консервативного мыслителя Михаила Каткова), посвятивший себя в первую очередь изучению русской революции и ее причин, также считал, что Бонч-Бруевич, решая вопрос о принадлежности Григория Распутина к сектантам, действовал не как ученый, а как политик. «Было бы несправедливо по отношению к Бонч-Бруевичу предположить, что его заключения диктовались соображениями низменного „буржуазного объективизма“ или уважением к фактам, — писал Катков. — Вся его предыдущая деятельность по организации подпольной большевистской прессы, то, что он делал в февральские дни, при Временном правительстве и в первые годы правления большевиков, показывает, что политические соображения были первостепенны в любом поступке, который Бонч-Бруевич считал „своим моральным долгом“. В данном случае цель его поручительства вполне ясна. Распутиным пользовались в думских речах, чтобы подорвать престиж престола. Маневр Гучкова, который в качестве предлога воспользовался памфлетом Новоселова, имел исключительный успех. Связь с Распутиным становилась ахиллесовой пятой самодержавия. Но ярость атаки стала беспокоить сторонников режима, и они попытались покрыть ущерб, причиняемый присутствием во дворце „божьего человека“. Обвинение в неправославии было мощным и, может быть, единственным средством добиться устранения Распутина. А с его устранением все те, кто

только и выискивал, к чему бы прицепиться, чтобы ударить по режиму, лишались самого безотказного оружия. Но в этот момент в дело вмешался (в качестве независимого и вполне объективного ученого) верный друг Ленина, и именно он составил наиболее обстоятельный доклад, в котором говорилось, что обвинения в неправославии, направленные против Распутина, вызваны злобным желанием растоптать „человека из народа“, простого крестьянина, который сумел найти доступ к царю. И уловка Бонч-Бруевича, как и во многих других случаях, сработала... Стоит добавить еще один штрих, показывающий, как тесно смыкались усилия всех тех, кто добивался падения Николая II. В опубликованных посмертно воспоминаниях Гучкова упомянуто, что именно он, Гучков, свел Бонч-Бруевича с Распутиным благодаря посредничеству некоей дамы, которая перед тем предлагала представить Распутина Гучкову. Встреча состоялась сперва в гостиной этой дамы, а потом в более конфиденциальной обстановке. Гучков сообщает, что через несколько недель Бонч-Бруевич написал ему письмо, „в котором он сообщал мне, что пришел к заключению, что Распутин не просто проходимец, нацепивший маску сектанта, а несомненный сектант, что, конечно, не мешает ему быть одновременно и проходимцем. По духу своего учения он близок к секте хлыстов, но не принадлежит к ней и является сектантом-одиночкой“. Нам нет надобности прилагать дальнейшие усилия и выяснять, кто прав — Бонч-Бруевич или Гучков. Важно, что на деле вмешательство Бонч-Бруевича сослужило службу антицарской агитации, которая была необходима Гучкову в видах будущей политической карьеры».

Летом 1912 года у Распутина в Покровском побывал известный на всю Россию московский священник и миссионер протоиерей Иоанн Восторгов. Восторгов ознакомился с бытом Распутина, с его религиозными взглядами и нашел, что Григорий Распутин является истинным христианином. Заключение авторитетного служителя церкви было обнародовано в начале августа 1912 года газетой «Вестник Западной Сибири».

Последнее слово должен был сказать недавно назначенный архиепископ Тобольский Алексей. Алексей не заставил себя ждать — он официально закрыл навсегда дело о принадлежности Распутина к секте хлыстов, начатое Тобольской консисторией в 1907 году.

В Заключении Тобольской духовной консистории о принадлежности Распутина к секте хлыстов от 29 ноября 1912 года, в частности, говорилось: «Преосвященный Алексей Епископ Тобольский... основательно изучил следственное дело о Григории Новом. Проезжая по Тюменскому уезду для обозрения церквей епархии, он останавливался в слободе Покровской и

подолгу здесь беседовал с кр. (крестьянином. — А. Ш.) Григорием Новым о предметах его веры и упования, разговаривал о нем с людьми, его хорошо знающими, дал ему возможность быть дважды у себя в Тобольске и здесь испытывал его религиозные убеждения. Из всего вышеуказанного Преосвященный Алексей вынес впечатление, что дело о принадлежности крестьянина Григория Распутина-Нового к секте хлыстов возбуждено в свое время без достаточных к тому оснований и со своей стороны считает крестьянина Григория Нового православным христианином, человеком очень умным, духовно настроенным, ищущим правды Христовой, могущим подавать при случае добрый совет тому, кто в нем нуждается».

Консистория постановила «дело о кр. сл. Покровской Григории Распутине-Новом дальнейшим производством прекратить и причислить оконченным». Алексей безотлагательно утвердил это решение.

Вопрос о сектантстве (хлыстовстве) Григория Распутина был решен окончательно.

Близилось его возвращение в Петербург.

В Крыму летом 1912 года с наследником престола произошло несчастье — он весьма неудачно подвернул ногу. Нога распухла и долго болела, но затем опухоль понемногу спала, и боль прошла, что позволило императорской семье переехать из Ливадии в Беловежье, куда Николая манила богатая охота (он был ее страстным поклонником).

В Беловежье случилась новая беда. В начале сентября Алексей, неосторожно прыгая в лодку, оступился и снова повредил недавно травмированную ногу. Затем он упал еще раз...

2 октября 1912 года у царевича началось внутреннее кровоизлияние «в левую подвздошную область и всю поясничную с той же стороны». Кровоизлияние сопровождалось высокой температурой.

Доктора Боткин, Федоров, Острогорский и Рауфхус никак не могли стабилизировать состояние больного.

Состояние все ухудшалось и ухудшалось. Вскоре мало кто сомневался в скорой смерти наследника престола. Разве что императрица. Но и у нее уже опускались руки...

«...три недели он находился между жизнью и смертью, день и ночь кричал от боли; окружающим было тяжело слышать его постоянные стоны, так что иногда, проходя его комнату, мы затыкали уши, — писала в своих воспоминаниях Анна Вырубова. — Государыня все это время не раздевалась, не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживая у кровати своего маленького больного сына, который лежал на бочку с поднятой ножкой, часто без сознания. Ногу эту Алексей Николаевич потом

долго не мог выпрямить. Крошечное, восковое лицо с заостренным носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был бессмысленный и грустный.

Как-то раз, войдя в комнату сына и услышав его отчаянные стоны, Государь выбежал из комнаты и, запершись у себя в кабинете, расплакался. Однажды Алексей Николаевич сказал своим родителям: „Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник“».

С 10 октября в газетах Российской империи начали печататься официальные бюллетени о состоянии здоровья наследника престола. Примечательно, что о гемофилии в них не говорилось ни слова.

В церквях усиленно молились за здоровье Алексея. Молебны сменяли друг друга, но маленькому царевичу не становилось лучше.

«Страна жила под страхом катастрофы, — вспоминает Коковцов. — Я не решался беспокоить государя никакими делами».

10 октября Алексея причастили, явно подготавливая к скорой кончине. «Вошли их величества в полном отчаянии, — вспоминала Вырубова. — Государыня повторяла, что ей не верится, что Господь их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину».

Распутин в это время пребывал в Покровском.

На следующее утро пришла успокаивающая и обнадеживающая телеграмма от Распутина, сообщавшего, что здоровье наследника вскоре пойдет на поправку и его страданиям настанет конец и что докторам не стоит чрезмерно его беспокоить. Несчастные родители немного воспрянули духом. «В два часа врачи пришли опять ко мне, — вспоминал начальник Канцелярии министра двора генерал Мосолов, — и первое, что они сказали, было, что кровотечение у цесаревича остановилось. По словам императрицы, это было уже не в первый раз, когда старец спасал жизнь наследника».

Телеграмма не сохранилась, но общий смысл был тот, что наследник не умрет, болезнь не так страшна, пусть только доктора его не слишком беспокоят. Надо сказать, что с медицинской точки зрения это был вполне разумный совет — бесплодная суета вокруг больного ребенка и непрекращающиеся истерики отчаявшейся Александры Федоровны создавали напряжение, пагубное само по себе. Вызванное телеграммой успокоение матери не замедлило передаться сыну и отцу.

Алексей быстро пошел на поправку.

2 ноября был опубликован последний бюллетень о состоянии здоровья наследника.

5 ноября императорская семья вернулась в Царское Село.

Отныне многие из придворных перестали сомневаться в могуществе Григория Распутина. Ну а император и императрица уверовали в него пуще прежнего.

Коковцов писал: «Я помню хорошо, как в 1913 году, под конец Романовских торжеств, в Москве, одна из свитных фрейлин, известная своим враждебным отношением к Распутину и утратившая, по этой причине, свое положение при Дворе, рассказывала мне, что она присутствовала однажды при разговоре врачей, во время одного из наиболее сильных припадков гемофилии, когда они были бессильны остановить кровотечение. Пришел Распутин, пробыл некоторое время у постели больного, и кровь остановилась. Врачам не оставалось ничего иного, как констатировать этот факт, не углубляясь в то, было ли это случайное явление, или нужно было искать какое-либо иное объяснение ему.

На этой, а не на какой-либо иной почве посещения „старца“ учащались, не доходя, однако, никогда до той повторяемости, о которой говорили в городе и разносили праздные пересуды».

Кого из свитных фрейлин имел в виду Коковцов, остается только гадать. Уж не Софью ли Тютчеву?

Разумеется, если одни признавали наличие целительского дара у Распутина, то другие его отрицали. Так, например, следователь Соколов в своей книге «Убийство царской семьи» Распутина усердно «развенчивал»: «Лжемонархисты распутинского толка пытаются ныне утверждать, что Распутин „благотворно“ влиял на здоровье Наследника. Неправда. Его болезнь никогда не проходила, не прошла, и он умер, будучи болен».

Можно, конечно, бессознательно для самого себя обмануть больную душу матери один-два-три раза. Но нельзя этого делать на протяжении ряда лет без лжи перед ней и перед самим собой.

Лгать помогала Распутину сама болезнь Наследника. Она всегда была одна: он начинал страдать от травмы или ушиба, появлялась опухоль, твердела, появлялись параличи, мальчик испытывал сильные муки.

Около него был врач Деревенько. Наука делала свое дело, наступал кризис, опухоль рассасывалась, мальчику делалось легче.

Состояние матери понятно. Веря в Распутина, она в силу целого комплекса психопатологических причин весь результат благополучного исхода относила не к врачу, а к Распутину.

Но каким же образом на одной вере матери держался Распутин столько лет?

Ложь Распутина требовала помощников. При безусловной честности

врача Деревенько, в чем я глубоко убежден, ему необходимо было, чтобы во дворце был или его соучастник, или полное орудие его воли, неспособное смотреть на вещи глазами нормального человека, от которого он в любую минуту мог бы получить нужные ему сведения, а около него, невежественного человека, был бы врач.

Так это и было.

Во дворце был его раб — Анна Александровна Вырубова.

В нашей следственной технике никогда не следует упускать из вида деталей. Они часто помогают понять истину.

Был болен ребенок и его мать. В такой обстановке Распутину нужна была во дворце скорее всего женщина. Так это и было.

При развратности своей натуры и истеричности Вырубовой Распутину ничего не стоило бы сделать ее жертвой своих вожделений. Он не делал этого, так как понимал, что он может утратить если не свое положение, то Вырубову, нужную ему...

Большая близость была между Распутиным и врачом Бадмаевым. Князь Юсупов, выведывая Распутина, вел с ним большие разговоры на эти темы. Много порождают они размышлений о таинственном докторе, незаметно исчезнувшем с горизонта тотчас же после революции. Юсупов утверждает, что в минуты откровенности Распутин проговаривался ему о чудесных бадмаевских «травках», которыми можно было вызывать атрофию психической жизни, усиливать и останавливать кровотечения.

Жильяр (придворный учитель французского языка, уже упоминавшийся на страницах этой книги. — А. III.) говорит: «Я убежден, что, зная через Вырубову течение болезни (Наследника), он, по уговору с Бадмаевым, появлялся около постели Алексея Николаевича как раз перед самым наступлением кризиса, и Алексею Николаевичу становилось легче. Ее Величество, не зная ничего, была, конечно, не один раз поражена этим, и она поверила в святость Распутина. Вот где лежал источник его влияния».

Занотти (камер-юнгфера императрицы, уже упоминавшаяся на страницах этой книги. — А. III.) показывает: «Я не могу вам сказать, каково было влияние на здоровье Алексея Николаевича в первое посещение Распутина, но в конце концов у меня сложилось мнение, что Распутин появлялся у нас по поводу болезни Алексея Николаевича именно тогда, когда острый кризис его страданий уже проходил. Я, повторяю, в конце концов это заметила».

Потом Распутин пошел дальше лжи. Став необходимостью для больной Императрицы, он уже грозил ей, настойчиво твердя: «Наследник жив, пока я жив. По мере дальнейшего разрушения ее психики он стал

грозить более широко: моя смерть будет Вашей смертью».

Суждение Соколова во многом спорно. Да, гемофилия неизлечима, но тем не менее Григорий Распутин неоднократно облегчал состояние наследника российского престола, останавливая у него кровотечения, чему сохранилось множество свидетельств.

Версия о «бадмаевских травках», подхваченная Соколовым со слов убийцы Григория Распутина, представляется ложной сразу по нескольким причинам.

Во-первых, ее излагает убийца, которому для оправдания собственного злодеяния требуется выставить жертву в невыгодном свете. В своих мемуарах Феликс Юсупов пытается предстать перед читателями таким «спасителем отечества», чуть ли не былинным витязем, одолевшим Чудюдо.

«Когда Распутин черной тенью стоял около престола, негодовала вся Россия. Лучшие представители высшего духовенства поднимали свой голос в защиту церкви и Родины от посягательств этого преступного проходимца, — пишет в самом начале Юсупов. — Об удалении Распутина умоляли государя и императрицу лица, наиболее близкие царской семье.

Все было безрезультатно. Его темное влияние все больше и больше укреплялось, а наряду с этим все сильнее нарастало недовольство в стране, проникая даже в самые глухие углы России, где простой народ верным инстинктом чуял, что у вершин власти творится что-то неладное. Распутинство — клубок темных интриг, личных эгоистических расчетов, истерического безумия и тщеславных домогательств.

И потому, когда Распутин был убит, его смерть была встречена всеобщим ликованием».

Гнусно и подло поливать грязью убитого при твоём участии человека, но «смерть была встречена всеобщим ликованием» — это уж вообще ни в какие рамки не лезет. Но вернемся к «травкам».

Во-вторых, если допустить, что «бадмаевские травки», способные останавливать кровотечения у наследника престола, действительно существовали, то что помешало самому Бадмаеву воспользоваться ими? Ведь он был вхож в императорский дворец и был весьма дельным человеком, не привыкшим упускать собственной выгоды.

В-третьих, и друзья, и враги характеризовали Анну Вырубову как человека, безгранично преданного императрице Александре Федоровне. Пошла бы Вырубова на то, чтобы сознательно систематически наносить вред здоровью Алексея? Сомнительно...

В «содействии» Распутину Вырубову обвиняли чуть ли не с момента

появления старца в Петербурге. Только вместо травок тогда упоминались некие «порошки». Вполне возможно, что Юсупов просто пересказал доверчивому (или пристрастному?) следователю старую сплетню, слегка ее видоизменив и приукрасив.

Да и не всегда Вырубова пребывала возле наследника престола. Вырубова не была ни нянькой, ни воспитательницей Алексея, ее придворные обязанности были совершенно иными.

Запись в дневнике Николая II: «1913. 17 июля. В 8^{1/4} Алексея принес Деревенько к нам в спальню, и он провел почти весь день с Аликс в кровати, боль у него продолжалась до вечера с небольшими перерывами... в 7 час. приехал Григорий, побыл недолго с Аликс и Алексеем, поговорил со мною и дочерьми и затем уехал. Скоро после его отъезда боль в руке у Алексея стала проходить, он сам успокоился и начал засыпать».

Обращают на себя внимание фразы «провел почти весь день с Аликс в кровати» и «Григорий, побыл недолго с Аликс и Алексеем». Уж не с ведома ли императрицы ее сына пичкали «травками-порошками»? Впрочем, советские историки в своем желании угодить властям допускали и такое.

Известно, что облегчать состояние наследника престола Григорий Распутин мог и на расстоянии. Вот что вспоминала Елена Джанумова: «Нюра позвала к телефону: говорят из Царского. Он (Распутин. — А. Ш.) подходит.

— Что, Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону. — Жест в нашу сторону, чтобы мы молчали. — Ты что, Алешенька, полуночничает? Болит? Ничего не болит. Иди сейчас, ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю тебе. Спи, спи сейчас. Спи, говорю тебе. Слышишь? Спи.

Через пятнадцать минут опять позвонили. У Алеши ухо не болит. Он спокойно заснул.

— Как это он заснул?

— Отчего же не заснуть? Я сказал, чтобы спал.

— У него же ухо болело.

— А я же сказал, что не болит.

Он говорил со спокойной уверенностью, как будто иначе и быть не могло».

Как быть тут с «травками»? По телефону их не передашь.

«Я уже говорила, что отец потерял первенца, — писала Матрена Распутина о „подтравливании“ цесаревича Алексея, — рассказывала я и о том, как тяжело переживал он эту потерю. Так вот, зная все это, нельзя себе

представить, чтобы он пошел на такие страшные шаги. Даже за все сокровища мира. Тем более что мог бы воздействовать на царственных особ другими средствами. Мог бы, но не делал этого. (И в дальнейшем я постараюсь показать это.) Он не за этим пришел. Он пришел помогать».

Действительно, Распутин пришел не за этим. Распутин пришел помогать.

И еще о Вырубовой. Начальник дворцовой охраны генерал Спиридович, писавший в мемуарах о железнодорожной катастрофе с Вырубовой и о том, как ее посетил Распутин, начисто отверг измышления о половой связи между Вырубовой и Распутиным.

«Катастрофа с Вырубовой вернула к ней ослабевшие очень в последнее время симпатии Ее Величества, — вспоминал Спиридович. — Катастрофа послужила к сближению подруг, дружба которых приходила к концу. А с возвратом подруги становится ближе ко дворцу и старец Григорий, который, с началом войны, отошел было в сторону и потерял прежнее внимание Их Величеств. Катастрофа пролила и новый свет на отношения между Распутиным и Вырубовой. Было распространено мнение, будто бы они были в близких интимных отношениях. Так говорили кругом. И тем более я был поражен, когда лейбхирург Федоров сказал мне, что, делая медицинское исследование госпожи Вырубовой еще с одним профессором вследствие перелома бедра, они неожиданно убедились, что она девственница. Больная подтвердила им это и дала кое-какие разъяснения относительно своей супружеской жизни с Вырубовым, с которым она была разведена. Это обстоятельство, исключавшее физическую близость между Распутиным и Вырубовой, заставило тогда очень задуматься над сущностью их отношений».

После того как осенью 1912 года старец вернул наследника престола к жизни, изгнание было окончено.

Распутин остался в Петербурге.

Распутин остался при императорской семье.

Он часто упоминается в дневниковых записях Николая II той поры (конец 1912 — начало 1914 года).

«В 4 часа приняли доброго Григория, кот. остался у нас час с $\frac{1}{4}$ ».

«Григорий приехал к нам и побыл больше часу».

«В 4 с $\frac{1}{2}$ приехал Григорий; пили с ним чай».

«После чая долго сидели с Григорием».

«В 6 час. был у меня Григорий».

«После чая увидел на минутку Григория».

«После чая приняли Григория, который остался до $7\frac{3}{4}$ ».

«Вечером имели отраду видеть Григория».

«Вечером посидели и пили чай с Григорием».

«После обеда приехал Григорий, поговорили вместе часок».

«Во время службы видел Григория в алтаре».

«Видели Григория, кот. был на вечерней службе».

«Вечер провели с Григорием, кот. вчера прибыл в Ялту».

«Видели Григория».

«Видели Григория и простились с ним».

«Вечером у нас посидел Григорий».

Если верить дневнику императора, можно сделать вывод, что Распутин бывал у Николая и Александры не реже раза в месяц. На самом деле императрица встречалась с ним гораздо чаще, и большинство этих встреч по-прежнему происходило в домике Вырубовой.

Газеты более не порочили Распутина и даже брали у него интервью, больше всего интересуясь его политическими взглядами.

Журналисту «Петербургской газеты» Распутин, с присущей ему простотой и искренностью, прояснил свой взгляд на пресловутый «балканский вопрос»: «Что нам показали наши „братушки“, о которых писатели так кричали, коих защищали, значит... Мы увидели дела братушек и теперь поняли... Все... Да... А что касемо разных там союзов — то ведь союзы хороши, пока войны нет, а коль она разгорелась бы, где бы они были? Еще неведомо...

Ведь вот, родной, ты-то, к примеру сказать, пойми! Была война там, на Балканах этих. Ну и стали тут писатели в газетах, значит, кричать: быть войне, быть войне! И нам, значит, воевать надо... И призывали к войне и разжигали огонь... А вот я спросил бы их, — с особенной экспрессией подчеркнул Распутин, — спросил бы писателей: „Господа! Ну, для чего вы это делаете? Ну, нешто это хорошо? Надо укрощать страсти, будь то раздор какой аль целая война, а не разжигать злобу и вражду“».

Война, ссора, конфликт — все это было неприемлемо для Григория Распутина. В интервью, данном газете «Дым Отечества», он говорил: «Готовятся к войне христиане, проповедуют ее, мучаются сами и всех мучают. Нехорошее дело война, а христиане вместо покорности прямо к ней идут. Положим, ее не будет; у нас, по крайней мере. Нельзя. Но вообще воевать не стоит, лишать жизни друг друга и отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу. Ну что мне, если я тебя разобью, покорю; ведь я должен после этого стеречь

тебя и бояться, а ты все равно будешь против меня. Это если от меча. Христовой же любовью я тебя всегда возьму и ничего не боюсь. Пусть забирают друг друга немцы, турки — это их несчастье и ослепление. Они ничего не найдут и только себя скорее прикончат. А мы любовно и тихо, смотря в самого себя, опять выше всех станем».

Как верно, как точно сказано: «Христовой же любовью я тебя всегда возьму и ничего не боюсь». Скорее бы настал тот день, когда человечество начнет «любовно и тихо смотреть в самого себя».

«Наш Друг был всегда против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал, и что Сербия окажется такой же неблагодарной, как и Болгария», — писала императрица своему супругу в разгар Первой мировой войны.

«— Но тогда, по-вашему, не нужно делать ничего, а только ждать; ни о чем не заботиться и ни с чем не бороться. Ведь это проповедь толстовца-непротивленца... Вы знаете это учение? — продолжил беседу с Распутиным сотрудник „Дыма Отечества“.

— Слышал, но плохо знаю, — ответил Распутин. — Я же не говорю: не противься злему, а говорю: не противься добру. Тягость и суета нашей жизни состоит в том, что мы противимся добру и не хотим его признавать. А ты оставь злое совсем в стороне,пусти его мимо, а укрепись около самого себя, и когда сам окрепнешь, тогда осмотришь и помоги совершенствоваться другим. Не настаивай на совершенстве, но помоги — каждый хочет быть чище, радостнее; вот ты ему и помоги. Не настаивая, вот как Илиодор, — огня в нем много, рвения, а нет света и дуновения, как весной в поле с ароматом цветов — которым веет от истинных подвигов духовных».

Все, казалось, вернулось на круги своя. Страсти улеглись, но враги старца не желали складывать оружие. Они не отказались от намерения свалить Распутина, лишить его высочайшего расположения — только притихли, накапливая силы, в ожидании нового удобного момента.

В конце 1912 года существовало два основных лагеря врагов Распутина. Первый возглавлял расстриженный из иеромонахов Сергей Труфанов (жизнь во Флорищеве была Илиодору в тягость, и в мае 1912 года, прожив в заточении три с лишним месяца, он подал прошение о снятии сана, и в декабре того же года был сана лишен, после чего сразу же отбыл из Флорищева в родную станицу Мариинскую на Дону), а второй — великий князь Николай Николаевич.

Глава тринадцатая. Любой ценой

Илиодор поначалу пошел путем политическим — желая заручиться поддержкой Государственной думы, он в январе 1913 года составил и выслал из Царицына на имя Родзянко антираспутинское письмо, подписанное пятью сотнями человек. В письме утверждалось, что Распутин живет у Саблера и постоянно бывает при дворе. «Опять появились намеки на Распутина, опять полились речи по адресу Саблера и Синода», — вспоминал Коковцов.

Недовольный тем, что Распутин устоял, Илиодор, теперь уже, впрочем, снова Сергей Труфанов, от политических методов решил перейти к откровенно уголовным.

В октябре 1913 года Илиодор собрал вокруг себя несколько якобы обиженных Распутиным и оттого жаждавших мести девушек и женщин. Мстительницам предстояло проникнуть к Распутину и оскопить его, лишив тем самым силы (похотливый и ограниченный Илиодор, убежденный, что Распутин прокладывал себе жизненный путь именно детородным органом, и предположить не мог, что сила может находиться в каком-либо ином месте). Ради «святого дела» Илиодор пошел на определенные траты, пошив своим валькириям приличные платья, в которых те должны были сойти за великосветских дам. Однако из окружения Илиодора произошла утечка информации. Распутин узнал о новых происках своего врага, и об оскотлении пришлось забыть.

С идеей убийства старца (яснее ясного, что оскотленный при помощи портновских ножниц Распутин скончался бы на месте от потери крови) носился не один Илиодор. Директор Департамента полиции Белецкий вспоминал, как в последние месяцы его директорства при министре внутренних дел Маклакове (осенью 1913 года), когда императорская семья находилась в Ливадии и Распутин должен был к ним приехать, от ялтинского градоначальника, генерал-майора Ивана Думбадзе (личности колоритной во всех отношениях: буяна, самодура, черносотенца и бабника — но при всем том пользовавшегося до поры расположением царя) пришла зашифрованная телеграмма. Телеграмма была выслана на имя Белецкого с пометкой «лично» и содержала просьбу Думбадзе разрешить ему избавиться от Распутина во время переезда последнего на катере из Севастополя в Ялту.

Убоявшись провокации, Белецкий препроводил телеграмму

Маклакову, а затем по прямому телефону спросил распоряжений.

Распоряжений не последовало — Маклаков сказал, что сам разберется с Думбадзе. Распутин остался жив и невредим.

Одна из валькирий Илиодора и по совместительству его «духовная дочь», некая Хиония Гусева, мыслей о мести Распутину не оставила, несмотря на то, что сама она со старцем не была знакома и никаких обид от него не терпела.

«Хионию Кузьминичну Гусеву я знаю хорошо; она — моя духовная дочь, — писал Илиодор-Труфанов. — Девица — умная, серьезная, целомудренная и трудолюбивая. Начитана очень в Священном Писании, и на почве этой начитанности она кое-где немного заговаривается... До 18 лет она была очень красива лицом, а потом сделалась уродом: у нее отпал нос. Сама она объясняет это тем, что она молила Бога отнять у нее красоту. И Он отнял. Просто она во время паломничества по Святым местам, ночуя по ночлежным домам в больших городах, заразилась скверною болезнью, сифилисом, и сделалась уродом.

В течение 1913 года она два раза бывала у меня в „Новой Галилее“. Во время бесед о причинах моей ссылки и ее последствиях я много рассказывал ей, как и другим гостям, о „блаженном“ Распутине. Она часто прерывала мои речи и горячо говорила: „Дорогой батюшка! Да Гришкато настоящий дьявол. Я его заколю! Заколю, как пророк Илья по повелению Божию заколол 450 ложных пророков Вааловых! А Распутин еще хуже их. Смотрите, что он делает. Батюшка, благословите с ним разделаться“».

За благословением дело не стало. «С мнением Гусевой о разделке с Гришкой я был согласен», — признавался Илиодор. Пылкая мстительница вооружилась кинжалом (кинжал в ножнах очень удобно прятать под юбкой, во всяком случае — не порежешься), купленным ею по случаю у армянина-торговца и остро наточенным, после чего отправилась на охоту за «настоящим дьяволом», искусно ухитряясь не замечать того, что дьявол поселился в ее душе.

Слежка за Распутиным продолжалась в течение нескольких недель, маршрут ее растянулся от Ялты до Покровского.

«Тюмень, Тобольской губ., 30, VI. Вчера около 12-ти часов дня какая-то женщина, подойдя к шедшему по улице с. Покровского Григорию Распутину, ранила „старца“ ударом кинжала в живот. Кинжал застрял на глубине 3¹/₂ вершков. Распутин упал, обливаясь кровью, и тотчас же потерял сознание. Почитатели „старца“ немедленно по телеграфу вызвали из Тюмени врачей. Положение раненого внушает серьезные опасения». Эта

заметка была опубликована в московской газете «Русское слово» 1 июля 1914 года.

3 июля 1914 года то же «Русское слово» уверяло читателей, что «Распутин — это характерный пережиток государства „старого порядка“, когда политику делали не в государственных учреждениях, не под контролем правовых гарантий, а путем личных происков... Распутин — это трагическая жертва нашего печального безвременья, с его попытками вернуть Россию на путь, уже покинутый ею».

Действительно — трагическая жертва печального безвременья. Верно сказано.

29 июня в Покровском, как и во всем православном мире, праздновался день Верховных первоапостолов Петра и Павла. Празднично одетый Григорий Распутин шел по улице родного села, как вдруг к нему подскочила неизвестная ему женщина и, не говоря ни слова, с размаху всадила ему в живот кинжал.

Судя по скорости и четкости, с которой было совершено покушение, Хиония долго и усердно тренировалась. Должно быть, исколола не один десяток подушек.

В своем преступлении она чистосердечно призналась, но не раскаялась.

«Я признаю себя виновной в том, что 29 июня в с. Покровском днем с обдуманным заранее намерением с целью лишения жизни ударом кинжала в полость живота причинила крестьянину села Покровского Григорию Ефимовичу Распутину-Новому рану, но задуманного осуществить не могла по обстоятельствам, от меня не зависимым... — показала Хиония Гусева на допросе. — Я решила убить Григория Ефимовича Распутина, подражая святому пророку Илье, который заколот ножом 400 ложных пророков; и я, ревнуя о правде Христовой, решила над Распутиным сотворить Суд Божий с целью убийства Распутина... Я считаю Григория Ефимовича Распутина ложным пророком и даже Антихристом, потому что он в Синоде имел большую славу благодаря Гермогену — епископу и батюшке Илиодору, а в действительности его пакостные дела указали, что он развратник и клеветник».

С головой у несчастной Хионии было явно не все в порядке: столь сильно возненавидеть человека, который не сделал тебе никакого зла, чтобы решиться на убийство, да еще и упорствовать в этом решении... Довольно любопытны сведения, которые Гусева сообщила о своей семье и о себе. Особенно заслуживает внимания информация о сумасшествии ее родного брата, ведь психические болезни в подавляющем большинстве —

дело семейное. Разумеется, «мученица» Хиония начисто открещивалась от такого позорного для праведницы заболевания, как сифилис, выдвигая малодостоверную версию о причинах, сделавших ее «безносой».

«Мой покойный отец Кузьма Алексеев Гусев болел ревматизмом ног, спиртными напитками не злоупотреблял, хотя водку и пил, — поведала Хиония на допросе 30 сентября 1914 года. — Мой покойный родной брат Симеон сошел с ума и умер; у него были, как и у отца, раны на ногах.

Среди родни нашей сифилитиков, насколько я знаю, не было, самоубийц, преступников и лиц, страдавших глухонемой или другими физическими уродствами, тоже не было.

Моя мать Марфа Петровна Гусева была женщина здоровая, умерла она от воспаления легких, от чего отец умер — не знаю, но он долго хворал.

Лет с девяти меня лечили травами, сулемой в вине от ломоты в голове и в ногах. Других болезней у меня в раннем детстве не было, солнечного удара со мной не случалось и головы до потери сознания я не расшибала. Жила я с отцом, большой нужды материальной у меня не было. Когда у меня впервые появилась менструация и как она протекала — не помню. Беременной я ни разу не была, не было у меня родов и кормлений грудью ребенка. Сифилисом я не страдала. Меня испортили лекарствами с 13 лет, отчего у меня и провалился на лице нос. Это у меня случилось на 13-м году жизни. Спиртных напитков, кроме лекарств, я не пила, половым излишествами и онанизмом, рукоблудию не предавалась. Училась я в приходской воскресной школе, но курса не окончила по своему желанию.

Взрослой я никогда не болела, хотя у меня что-то делается уже лет пять с сердцем, что, не знаю».

Свежо предание...

«Я думаю, что она была подослана убить меня Илиодором Труфановым, — показывал Распутин, — так как он на меня имеет все подлости; других доказательств моего подозрения на Илиодора в участии и покушении на убийство я не имею. Его я только подозреваю, сумлеваюсь. Я считаю ненормальным, когда он отрекся от Бога, от Церкви святой».

Первого июля в Покровское прибыли тобольский епископ Варнава и хирург Михаил Владимиров из Тюмени. Распутину на носилках погрузили на пароход, на пристани епископ Варнава отслужил молебен, после чего пароход отплыл в Тюмень. В Тюмени Распутину, окруженного семьей, провожала в больницу огромная толпа народа. На другой день доктор Владимиров сделал Распутину операцию брюшной полости. Поскольку кинжал Гусевой не задел жизненно важных органов, повредив лишь кишечник, жизнь Распутина была вне опасности.

Поначалу империю облетела весть об убийстве Распутина, и лишь немного позже выяснилось, что он не убит, а всего лишь ранен, хоть и довольно тяжело.

Владимир Бонч-Бруевич даже успел написать и опубликовать 1 июля 1914 года в газете «День» некролог по Распутину.

«Его весьма красочная биография, — писал Бонч-Бруевич, — его превращение из сибирского „челдона“, грубияна и отчаянного человека, в ищущего и к чему-то стремящегося, совершенно переменившего свой образ жизни еще до начала своей славы, — еще тогда, когда он вел покаянный образ жизни, странствуя по Руси, конечно, еще более укрепляла почву для того искреннего увлечения им, которое мы, несомненно, наблюдаем среди известного круга петербургского общества...

Трагическая развязка, столь неожиданно постигшая его, конечно, удалит бесконечную злобу и зависть, кипевшую вокруг него столько лет, и заставит многих собрать материалы о все-таки удивительной жизни этого человека, так ярко оттенявшего нашу странную эпоху, полную противоречий и замысловатостей».

Некоторые журналисты выдвинули и распространили весьма оригинальную версию, согласно которой Гусева напала на Распутина исключительно с целью испытать силу его святости — если бы Распутин действительно оказался «отмеченным свыше», кинжал не нанес бы ему никакого вреда. Как тут не вспомнить: «...имеют защитником Бога и таким образом остаются невредимы, потому что повинуются установленным от Бога законам» (2 Кн. Макк. 8:36).

Враги Распутина поспешили обелить Хионию. Уже 2 июля 1914 года московская газета «Утро России» сообщала своим читателям, что «Хиония, поселившись в Царицыне, стала самой преданной почитательницей Илиодора. Она принимала энергичное участие в сборе пожертвований на построение Царицынского монастыря, ездила по богатым купцам г. Царицына и др. городов... Когда Илиодор был заточен в монастырь, а затем лишен сана, то Хиония, прежде религиозная, резко изменилась и в церковь перестала ходить. <...> Если не желанием отомстить за Илиодора, то поступок Хионии может быть объяснен местью за ее дочерей. Хиония имеет двух довольно красивых дочерей Анастасию и Наталью. Распутин, бывая у Илиодора в монастыре, не раз ночевал в доме Хионии, где, ведя беседу и занимаясь церковным песнопением, допускал излишние вольности в обращении с женщинами, глубоко возмущавшие религиозную Хионию».

На самом деле никаких дочерей у Хионии не было, но чего не

выдумаешь, чтобы угодить хотя бы великой княгине Елизавете Федоровне, не говоря уже о других высокопоставленных особах.

Московская антираспутинская клика не желала сдаваться. Вот что вспоминал уже знакомый нам протопресвитер Шавельский: «Всякий раз, когда мне приходилось бывать в Москве, я заезжал к великой княгине Елисавете Федоровне. Она была со мною совершенно откровенна и всегда тяжело скорбела из-за распутинской истории, по ее мнению, не предвещающей ничего доброго. В начале 1914 года прот. Ф. А. Боголюбов (настоятель Петропавловского придворного собора), со слов духовника великой княгини Елисаветы Федоровны, прот. Митрофана Сребрянского, сообщал мне, что великая княгиня собирается прислать ко мне о. Сребрянского с просьбой, чтобы я решительно выступил перед царем против Распутина, влияние которого на царскую семью и на государственные дела становится все более губительным. О. Сребрянский, однако, ко мне не приезжал, а вскоре началась война».

Пока Илиодор замышлял, Думбадзе валял дурака, а Гусева выслеживала Распутина, высшая аристократия копила ненависть к старцу. Каждый из Романовых видел себя в роли ближайшего друга и советчика при государе императоре, и ни один из них не мог смириться с высоким положением простого мужика при дворе. Погрязшие в гордыне, распутстве и множестве других грехов, члены царствующей фамилии не видели бревен в собственных глазах, но зорко подмечали всякую соринку в глазу старца, пусть даже и мнимую.

Следом за великими князьями тянулись и сливки общества, которые по правде должны были называться не «сливками», а «пенной». С подачи великой княгини Елизаветы Федоровны Распутина возненавидела чуть ли не вся Москва, а с подачи великого князя Николая Николаевича — гвардия и верхушка армии.

Весной 1914 года Николай Николаевич попросил Белецкого (к тому времени уже лишившегося поста директора Департамента полиции, но предусмотрительно сохранившего у себя богатый служебный архив, в том числе и копии агентурных сводок) предоставить в его распоряжение компрометирующие Распутина материалы, которые великий князь намеревался использовать в предстоящей беседе с императором. Белецкий охотно предоставил требуемые сведения, Николай Николаевич переговорил с августейшим племянником, но на положении Распутина беседа эта никак не сказалась.

Сказалась она на положении самого Николая Николаевича, на чрезмерное властолюбие которого Распутин не раз обращал внимание царя

и царицы. «Гр[игорий] ревниво любит тебя, — писала Александра Федоровна Николаю II в сентябре 1914 года, — и для него невыносимо, чтобы Н[иколай Николаевич] играл какую-либо роль».

Поистине: «Кто ходит непорочно, то будет невредим; а ходящий кривыми путями упадет на одном из них» (*Сол. 28:18*).

24 января 1914 года император отправил премьера Коковцова в отставку. Коковцова обвиняли в злоупотреблении водочной монополией и «спаивании народа», кроме того, его недолгоблюдали правые и сама императрица. «Быстрый ход внутренней жизни и поразительный подъем экономических сил страны требуют принятия ряда решительных и серьезнейших мер, с чем может справиться только свежий человек», — написал Николай II Коковцову, сообщая об отставке, и... назначил на пост председателя Совета министров семидесятипятилетнего Горемыкина, в силу своего возраста и состояния здоровья из всех благ земных ценившего один лишь покой, и ничего, кроме покоя.

«Но Государь верил Горемыкину, — писал генерал Спиридович. — Он был стар, но был честен, понимал нашу общественность и превыше всего ставил волю Монарха. Это, конечно, многим не нравилось».

Следствие о покушении на жизнь Григория Распутина длилось много дольше следствия о покушении на премьера Столыпина — почти год. Суда не было — Хионию Гусеву по результатам медицинского освидетельствования признали невменяемой и отправили в сумасшедший дом, где она пробыла до Февральской революции.

Примечательно, что, обретя свободу, Хиония взялась за старое — в 1919 году на ступенях храма Христа Спасителя она чуть было не заколола патриарха Тихона.

Илиодор спустя считанные дни после покушения на Распутина (а точнее — уже 2 июля), переодевшись в женское платье, через Финляндию убежал за границу, в Норвегию, где начал зарабатывать на жизнь праведным физическим трудом, а в минуты отдыха ваял книгу о Распутине под названием «Святой черт».

В написании этой книги мятежному монаху-расстриге помогал «великий пролетарский писатель» Алексей Максимович Пешков, он же — Максим Горький.

В письме революционеру Теплову Илиодор писал: «Переправили меня через границу Горький и Пругавин. Просили и приказывали мне как можно скорее писать книгу о Распутине и царице... Сейчас книга почти готова: остановка только за документами, находящимися в Финляндии у моей супруги. Книга называется „Святой черт“... В этой книге я сказал ужасную

и интересную правду о Распутине, правду, которая даже и за границей не известна.

На основании документальных данных я, насколько мог, доказал, что Распутин развратный мужик, пакостник, живет с царицей Александрой и родил от нее наследника Алексея, и что Распутин — неофициальный Русский император и Патриарх Российской церкви».

Неплохо, согласитесь?

Пругавин, о котором упоминалось в письме Илиодора, — это Александр Пругавин, публицист-этнограф, придерживавшийся социалистических взглядов. Пругавин и сам приложил руку к созданию мировой «распутинианы», написав книжку «Старец Григорий Распутин и его поклонницы», выдержавшую два издания в правление Николая II благодаря своей «пасквильной» направленности. Вот отрывок из нее, как говорится, для ясности: «Несмотря на то, что наш разговор имел все время характер деловой беседы, „старец“ от времени до времени все-таки возобновлял свои попытки „погладить“ и „помассажировать“ мои плечи и грудь, но, наученная опытом, я в тот же момент, при первых движениях его руки, давала ему быстрый и резкий отпор, после чего он съеживался, а в его глазах загорались злые огоньки». Пасквиль он и есть пасквиль.

Узнав о покушении на Распутина, Николай II писал министру внутренних дел Маклакову: «Николай Алексеевич. Я узнал, что вчера в селе Покровском Тобольской губернии совершено покушение на весьма чтимого нами старца Григория Ефимовича Распутина, причем он ранен в живот женщиной. Опасаясь, что он является целью злостных намерений скверной кучки людей, поручаю вам иметь по этому делу неослабное наблюдение, а его охранять от повторения подобных покушений...»

По приказу императора Распутина стали охранять. Ответственность за его безопасность была возложена на Петроградское охранное отделение, возглавляемое генералом Глобачевым.

Распутин слал императорской семье телеграммы с отчетами о своем самочувствии. Он довольно быстро пошел на поправку.

Великая Княгиня Елизавета Федоровна не преминула откликнуться на происшествие. Спустя несколько дней после покушения она написала письмо, правда, не сестре, а ее мужу:

«Дорогой мой Ники! Мое сердце и душа так сильно болят, что я не могу удержаться, чтобы не послать тебе несколько строк. Должно быть, Ты и бедная дорогая Аликс мучаетесь и страдаете. Скажите ей, что я молюсь о ней всей силой моей души. Ты знаешь, что я терпела эти годы за Вас, из-за этой бедной души, но я всегда молилась за него, так же как и за Вас, чтобы

Извечный Свет разогнал тьму и спас от всех зол, а сейчас — более чем когда-либо».

Уже 21 августа в дневнике императора появилась запись: «После обеда видели Григория, в первый раз после его ранения».

25 августа: «Вечером видели Григория».

14 сентября: «Вечером долго ждали приезда Григория. Долго потом посидели с ним».

19 сентября: «Видели недолго Григория вечером».

7 октября: «Вечером хорошо побеседовали с Григорием».

17 октября: «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения на Черном море! Только вечером под влиянием успокаивающей беседы Григория душа пришла в равновесие».

Жизнь восторжествовала над смертью.

Пока Распутин в Покровском залечивал рану, началась Первая мировая война.

«Отец был горячим противником войны с Германией, — вспоминала Матрена Распутина. — Когда состоялось объявление войны, он, раненный Хионией Гусевой, лежал тогда в Тюмени, Государь присылал ему много телеграмм, прося у него совета и указывая, что министры уговаривают Его начать войну. Отец всемерно советовал Государю в своих ответных телеграммах „крепиться“ и войны не объявлять. Я была тогда сама около отца и видела как телеграммы Государя, так и ответные телеграммы отца. Отец тогда говорил, что мы не можем воевать с Германией, что мы не готовы к войне с ней, что с ней как с сильной державой нужно дружить, а не воевать. Это его так сильно расстроило, что у него открылось кровотечение из раны».

Увы, на этот раз уговорить Николая II не удалось. Россия вступила в войну на стороне Англии и Франции против Германии и Австро-Венгрии. Недалекий и недальновидный российский император делал все возможное, чтобы приблизить собственный конец.

Вырубова вспоминала, что первая реакция Николая на настойчивые призывы Распутина к миру с Германией и миру вообще была резко отрицательной: «В это время пришла телеграмма из Сибири от Распутина, которая просто рассердила Государя. Распутин был сильно настроен против войны и предсказывал, что она приведет к гибели Империи, но Государь отказался в это поверить и негодовал на такое, в самом деле почти беспрецедентное вмешательство в государственные дела со стороны Распутина».

Действительно — беспрецедентное, но вопрос того стоил. Решалась

судьба страны, судьба династии, судьба всего мира.

И вот еще из воспоминаний Вырубовой: «...в начале войны с Германией Григорий Ефимович лежал, раненный Гусевой, в Покровском. Он тогда послал две телеграммы Его Величеству, умоляя „не затевать войны“. Он и ранее часто говорил Их Величествам, что с войной все будет кончено для России и для них. Государь, уверенный в победоносном окончании войны, тогда разорвал телеграмму и с начала войны, как мне лично казалось, относился холоднее к Григорию Ефимовичу».

Сказано же: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот» (Марк. 3:24–25).

26 июля выступая перед делегацией, состоявшей из членов обеих палат — Государственной думы и Государственного Совета — в Николаевском зале Зимнего дворца, император сказал: «Тот огромный подъем патриотических чувств, любви к родине и преданности к престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле нашей, служит в моих глазах — и, думаю, в ваших — ручательством в том, что наша великая матушка Россия доведет ниспосланную Богом войну до желаемого конца».

Закончил Николай II свою речь словами уверенности, что «все, начиная с меня, исполнят свой долг до конца. Велик Бог земли Русской!»

В библиотеке Йельского университета хранится письмо (подлинность которого не вызывает сомнений), посланное Григорием Распутиным Николаю II из Тюмени. По словам Матрены Распутиной, Николай хранил это письмо при себе, а в Тобольске, незадолго до смерти, через камердинера Императрицы передал его Борису Соловьеву, мужу Матрены.

Вот текст письма, написанного в обычной малограмотной манере Распутина: «Милой друг есче расскажу грозна туча нат расеей беда горя много темно и просвету нету, слез то море и меры нет а крови? что скажу? слов нет, неописуоммый ужас, знаю все от тебя войны хотят и верная не зная что ради гибели, тяжело божье наказание когда ум отымет тут начало конца. ты царь отец народа не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ вот германш победят а расеея? подумать так воистину не было от веку горшей страдальицы вся тонет в крови велика погибель без конца печаль Григорий».

И можно ли после этого сомневаться в том, что Григорий Распутин был провидцем?

Французский посол Морис Палеолог 12 сентября 1914 года записал в своем дневнике: «Распутин, выздоровевший после нанесенной ему раны, вернулся в Петроград. Он легко убедил императрицу в том, что его

выздоровление есть блистательное доказательство божественного попечения.

Он говорит о войне не иначе, как в туманных, двусмысленных, апокалиптических выражениях; из этого заключают, что он ее не одобряет и предвидит большие несчастья».

Однако с началом войны Распутин рассудил, что, снявши голову, по волосам не плачут, и раз уж война началась, надо добиваться победы. Именно так — добиваться победы.

«Я до войны был за дружбу с немцами, — признавался Распутин начальнику Канцелярии министра двора генералу Мосолову. — Это было лучше для Государя. А раз началась война, то надо добиваться победы: а то Государю будет плохо».

О том же вспоминал и Владимир Гурко: «Относясь очень отрицательно к самому факту войны с Германией, утверждая даже, что, если бы он был при Царе в дни, предшествовавшие войне, он убедил бы его войны отнюдь не допускать, Распутин наряду с этим говорил, что коль скоро войну начали, необходимо довести ее до победы».

Несмотря на патриотические высказывания, правда, весьма сдержанные, враги Распутина поспешили объявить его немецким агентом.

«Странное было уже и тогда настроение в Петрограде, — писал генерал Спиридович. — Откуда-то шли сплетни, будто Государыня, и особенно ее сестра, переписываются со своими немецкими родственниками. Будто Государь уже хочет заключить сепаратный мир. Эти сплетни настолько были лишены какого либо реального смысла, что надо было лишь удивляться, как их могли распространять люди хорошего Петроградского общества. (Теперь, в 1940 г. сказали бы, что это были агенты пятой колонны.) С фронта же шли слухи, что еврейское население чуть ли не сплошь занимается шпионажем. Это шло от строевых военных и авторитетно подтверждалось Ставкой. И все это переплеталось с выдумкой, будто Распутин играет в руку немцев, что было совершеннейшим вздором, вздором, вполне доказанным, так как Распутин находился под зорким наблюдением трех компетентных учреждений».

Тремя компетентными учреждениями были Департамент полиции, Корпус жандармов и Охранное отделение. Присматривало за Распутиным и четвертое компетентное учреждение — дворцовая охрана, возглавляемая самим Спиридовичем.

Надо сказать, что против войны с Германией выступал не один Распутин — были и другие голоса, взывающие к разуму. Так, например, еще в феврале 1914 года бывший министр внутренних дел Дурново подал

Николаю II записку, в которой доказывал, что никаких значимых политических или экономических выгод России участие в англо-французской коалиции против Германии не принесет, но в то же время «в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая силой вещей перекинется в страну-победительницу... Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое».

В случае военных неудач Дурново предсказывал, что «все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».

Короче говоря, куда ни кинь — всюду клин.

Николай II предостережениям Дурново не внял. Российский император старался жить своим умом, только вот ум у него был, мягко говоря, не государственный.

Глава четырнадцатая. На закате

«31 августа приехал в Петроград Распутин. Он, так энергично стоявший против войны, теперь говорил, что раз ее начали, надо биться до конца, до полной победы. Во дворце им были недовольны, к нему охладели; многие же дельцы, спекулянты, поставщики стали пользоваться им для проведения своих дел. Старец стал приобретать новое значение», — вспоминал генерал Спиридович.

С началом войны Российская империя стала напоминать воз из известной басни Крылова, тащимый в разные стороны лебедем, раком и щукой. В стране сформировались три правящих лагеря, три силы, три центра власти, на словах подчиняющиеся Николаю II, а на деле ожесточенно соперничающие за власть не только между собой, но и с царем.

Первой силой стала Ставка Верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, человека умного, властного и хорошо разбиравшегося в военном деле. К сожалению, при всех своих достоинствах любимец гвардии Николай Николаевич был упрямым и самодуром, привыкшим по любому поводу пускать в ход кулаки, стуча ими то по столу, то по физиономиям. Витте характеризовал его как «унаследовавшего в полном объеме психическую ненормальность своего прадеда, императора Павла».

Введение Временного положения о полевом управлении отдало во власть Верховного главнокомандующего огромные территории, что позволило деятельному Николаю Николаевичу активно вмешиваться во многие чисто тыловые вопросы и привело к перманентному (и весьма ожесточенному) конфликту между военной и гражданской властью.

Гражданская власть была сосредоточена в руках второй силы — правительства, возглавляемого дряхлым старцем Горемыкиным, который полностью самоустранился от всех дел. «Это вздор, чепуха, к чему это!» — отвечал Председатель Совета министров всем, кто пытался заставить его что-то сделать. Горемыкин знал, что император готовит ему замену, и не утруждал себя государственными делами. Ему в преемники прочили министра внутренних дел Маклакова. По иронии судьбы, Горемыкин Маклакова «пересидел».

Третьей силой была Государственная Дума, объединившая вокруг себя множество общественных организаций: Всероссийский земский союз,

Всероссийский союз, Военно-промышленные комитеты, Союзы земств и городов и тому подобное.

Но существовала и четвертая сила, часто называемая «темной» или «безответственной». Силу эту представляли трое — Распутин, императрица и Вырубова.

Четвертую силу было принято винить во всех бедах и неурядицах. «По соображениям Труфанова и его покровителей, подлинным правителем России был мой отец, — писала Матрена Распутина. — Дальше рисовалась леденящая картина: „безумный монах“ (так прозвал отца Труфанов, хотя тот ни монахом, ни безумным не был) и Анна Александровна Вырубова вступили в сговор с немецкой шпионкой, царицей. Их цель — гибель России».

Жизнь в столице, возле трона, действует на большинство людей пагубно. Не избежал этой печальной участи и Григорий Распутин. В разгар Первой мировой войны он сильно отличался от себя прежнего, Распутина времен революции 1905 года.

Он по-прежнему был добр к людям, сохранил свое миролюбие, как и раньше обладал своим уникальным даром, и почти не изменился внешне — разве что морщины стали чуть глубже, а глаза — чуть строже. Но надломилось что-то в душе старца, растаял стержень, бывший некогда основой его характера.

Все было почти как прежде, но в то же время совсем не так.

Чем дальше, тем больше поводов для сплетен и нападок давал Распутин, и надо признать, что поводы эти в большинстве своем уже не были надуманными.

Начиная с декабря 1914 года жизнь Распутина изменилась к худшему — более двадцати лет старавшийся воздерживаться от спиртного, он начал пить. Вырвавшаяся на волю страсть расправила крылья и обернулась чудовищными в своем размахе разгулами.

Ненавистная война...

Едва не удавшееся покушение...

Возобновившаяся травля...

Мрачные предчувствия...

Душа просила забвения.

Душа искала ускользающую радость.

Душа болела.

«Скучно, затравили, чую беду», — вздыхал Григорий, осушая очередной стакан.

Сластолюбие, чревоугодие, гордыня и пьянство начали потихоньку

забирать власть над некогда праведным старцем. В нем уже трудно было узнать того очарованного Богом странника Григория, который босиком исходил Русь-матушку, питаясь чем придется и часто ночуя под открытым небом.

Теперь Григорий приобрел тягу к кутежам и спал на мягких перинах, но вряд ли стал от этого более счастливым. Скорее — наоборот.

Тем более что враги его никак не унимались. Не могли уняться и не хотели этого делать.

Они верили — настанет день, и Распутин будет повержен.

И к сожалению, теперь врагам было гораздо легче нападать на старца и обличать его.

25 марта 1915 года Распутин приехал в Москву. Приехал ненадолго — всего на пять дней, но этот приезд вошел в историю благодаря пресловутому скандалу в «Яре».

«С войной в Распутине произошли две перемены, — вспоминал Спиридович. — Разными дельцами от банковских директоров до мелких спекулянтов он был вовлечен в проведение разных, связанных с войной, предприятий, а во-вторых, он стал пить и безобразничать в публичных местах, чего раньше с ним не случалось. Болезнь его лучшего и близкого друга, А. А. Вырубовой, принесла ему ту свободу, в которой он был очень стеснен, будучи всегда связан Анной Александровной. С ее прикованностью к кровати он стал свободен, чем и воспользовались его друзья другого лагеря.

Распутин стал пить и напиваться. К нему на квартиру стали приезжать его друзья, дамы и мужчины с запасами вина, с закусками, с гитарами, гармошками... Пили, ели, пели, танцевали, безобразничали. Веселясь с дамами общества, Распутин не чуждался и проституток. Все около него спуталось в один клубок, в котором имена дам общества переплетались с именами падших созданий. Когда старца спрашивали, почему он стал так кутить, он, смеясь, отвечал: „Скучно, затравили, чую беду“.

25 марта (1915 года. — А. III.) Распутин выехал в Москву, где у него было немало поклонниц. В один из ближайших дней Распутин закутил с небольшой компанией у „Яра“. Напился он почти до потери рассудка. Говорил всякий вздор, хвастался знакомством с высокопоставленными лицами, плясал непристойно, полуразделся и стал бросаться на хористок. Картина получилась настолько непристойная и возмутительная, что администрация обратилась к полиции. Бывшие с Распутиным дамы поспешили уехать. Сам он, как бы протрезвев, обругал полицию и уехал и в тот же день выехал обратно в Петербург. Скандал получил такую громкую

огласку в Москве, что растерявшийся Градоначальник Свиты Его Величества, генерал-майор Адрианов, друживший с Распутиным, выехал также в Петербург с докладом о случившемся.

У нас, в Царском, шла горячка с приготовлением к отъезду Его Величества в Ставку, когда мне доложили о приезде генерала Адрианова. Генерал был в полной парадной свитской форме. Вид у него был озабоченный. На мой вопрос о столь неожиданном его приезде генерал рассказал, что он сделал уже доклад министру Маклакову, его товарищу Джунковскому и что оба посоветовали ему ехать в Царское, добиться, по его положению в Свите, приема у Его Величества и доложить о случившемся.

Вот он и приехал, но прежде чем идти к Дворцовому коменданту, зашел ко мне посоветоваться. Мы были с ним в хороших простых отношениях. Я был очень поражен оборотом, который придали делу Маклаков и Джунковский. Последний, по словам генерала, особенно настаивал на необходимости доложить о случившемся Государю. Я высказал генералу, что скандал, устроенный мужиком в публичном месте, не является обстоятельством, которое бы позволяло ему, Градоначальнику, делать личный доклад Государю. Наскандалил мужик в ресторане — ну и привлекай его к ответственности. При чем же тут Государь? Если же посмотреть на дело так, что Распутин нечто большее, чем простой мужик, если смотреть на него как на фигуру политическую, тогда доклад должен быть сделан или министром Маклаковым или его помощником Джунковским. Затем очень странно, что его начальники советуют ему добиться аудиенции как генералу Свиты Его Величества. При чем тут Свита, когда в градоначальстве произошел скандал по пьяному делу?

Мы обменялись еще несколькими фразами, и генерал поехал к ген. Воейкову. Видимо, Дворцовый комендант не посоветовал Адрианову просить аудиенции, и тот вернулся в Москву, предоставив министру самому доложить Государю о случившемся, если тот придает этому делу политическое значение. Маклаков сделал Его Величеству доклад и даже оставил его написанным. Государь сказал, что он сам переговорит с Распутиным. Государь сделал старцу весьма строгое внушение, и тот должен был уехать к себе в Покровское».

В докладе товарищу министра внутренних дел Джунковскому от 5 июня 1915 года начальник Московского охранного отделения полковник А. П. Мартынов писал (обращает на себя внимание тот факт, что о событиях, произошедших в конце марта, Мартынов докладывал лишь в начале июня; что это — удивительная нерасторопность или умение в нужный момент

«раздуть дело» из уже позабытого всеми происшествия?): «...26 марта сего года, около 11 часов вечера, в ресторан „Яр“ прибыл известный Григорий Распутин вместе с А. И. Решетниковой, журналистами Н. Н. Соедовым и С. Л. Кугульским и „неустановленной молодой женщиной“. Вся компания была уже навеселе... пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал „матчиш“ и „кэк-уок“. По-видимому, компания имела возможность и здесь пить вино, так как опьяневший еще более Распутин плясал впоследствии „русскую“, а затем начал откровенничать с певичками в таком роде: „Этот кафтан подарила мне „старуха“, она его и шила“, а после „русской“: „Эх, что бы „сама“ сказала, если бы меня сейчас здесь увидела“. Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде „люби бескорыстно“ — прочие наставления в памяти получивших их не сохранились. На замечание заведующего хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя перед женщинами, и продолжал сидеть в том же виде. Некоторым из певичек Распутин дал по 10–15 рублей, беря деньги у своей молодой спутницы, которая затем оплатила все прочие расходы по „Яру“. Около 2 часов ночи компания разъехалась».

Кстати говоря, московский градоначальник генералмайор Адрианов впоследствии утверждал, что Распутин в «Яре» не сделал ничего неблагопристойного. К тому времени враги Распутина Щербатов и Джунковский были уволены соответственно с постов министра и его товарища, что наводит на мысль о раздувании дела со скандалом по их указке и с одобрения великой княгини Елизаветы Федоровны.

Последнюю попытку отвратить сестру от старца Елизавета Федоровна предприняла незадолго до убийства Распутина, когда, без приглашения явившись в Царское Село, умоляла императрицу отослать Распутина прочь. Разговор между сестрами вышел бурный. «Александра Федоровна приняла тон Императрицы и попросила сестру замолчать и удалиться. Елизавета Федоровна, уходя, бросила сестре: „Вспомни судьбу Людовика 16-го и Марии Антуанет“. Утром Елизавета Федоровна получила от Царицы записку, что поезд ее ожидает. Царица с двумя старшими дочерьми проводила сестру на павильон. Больше они не виделись, — вспоминал генерал Спиридович. — О том, что произошло в действительности между сестрами, даже во дворце знали лишь немногие, самые близкие лица. В Москве же, из окружения Вел. Кн., в общественные круги сразу же проник

слух, что Вел. Княгиня потерпела полную неудачу. Распутин в полной силе. И это только усилило и без того крайне враждебное отношение к Царице. В Москве, больше чем где-либо, Царицу считали главной виновницей всего тогда происходящего, и оттуда этот слух расходилась повсюду. От самой же Вел. Княгини самые близкие люди узнали и о сказанной ею сестре последней ужасной фразе. Та фраза стала известна даже французскому послу Палеологу. Надо полагать, что это последнее свидание двух сестер и было причиной тому, что Вел. Кн. Елизавета Федоровна так сочувственно отнеслась даже к убийству „Старца“, а после революции даже не сделала попытки повидаться с Царской Семьей».

По воспоминаниям Елены Джанумовой Распутин в ресторанах вел себя по-разному. Порой он «держал себя во время ужина сдержанно, с большим достоинством. Много пил, но на этот раз вино не действовало на него, и говорил, как будто взвешивая каждое слово. И все время выщупывал глазами собеседников, как будто читал их мысли».

Бывало и иначе: «Публика вскоре узнала, что с нами Распутин. Влезали на пальмы, чтобы взглянуть в окно... Он настойчиво угощал хор шампанским. Хор заметно пьянел. Начиналась песня, внезапно обрывалась, прерываемая хохотом и визгом. Распутин разошелся вовсю. Под звуки „русской“ он плясал с какой-то дикой страстью. Развевались пряди черных волос и борода и кисти малинового шелкового пояса... Плясали с ним и цыганки... В кабинет вошли два офицера, на которых сначала никто не обратил внимания. Один из них подсел ко мне и, глядя на пляшущего Распутина, сказал: „Что в этом человеке находят? Это же позор: пьяный мужик отплясывает, а все любят. Отчего к нему льнут все женщины?“ Он смотрел на него с ненавистью». Внезапно офицеры начали стрелять — когда их задержали, они заявили, что хотели только припугнуть Распутина. У него «лицо пожелтело. Он сразу же как будто постарел на несколько лет».

Алкоголь делал свое черное дело — разрушал личность. Быть может, дома, в Покровском, Распутин и смог бы удержаться на краю пропасти, но в полном соблазнов Петербурге он неудержимо скатывался в нее.

Распутина спаивали многочисленные прихлебатели, так и вертевшиеся возле него в ожидании поживы. Все знали доброту старца и его славную привычку помогать людям. Знали и пользовались.

В последний год жизни Распутина его окружение большей частью состояло из людей весьма сомнительной нравственности, несмотря на то, что многие из них были людьми духовного звания. Достаточно упомянуть бывшего епископа Вятского Исидора за поведение, не подобающее сану, лишенного кафедры. По словам все того же Спиридовича, надо отметить —

летописца весьма беспристрастного и объективного, Исидор «был опустившийся, спившийся человек», который «пил с Распутиным», но тем не менее, будучи представленным императрице при посредничестве Вырубовой, сумел произвести на Александру Федоровну хорошее впечатление.

В годы войны Распутин, продолжая традицию, ежедневно принимал просителей, которых было много, и число их росло как снежный ком. Большая квартира Распутина не могла вместить всех пришедших — они сидели на лестничной площадке, на самой лестнице, ждали во дворе. Здесь можно было встретить и монаха, и мелкого чиновника, и генерала... К Распутину продолжали приходить и женщины всех возрастов и сословий.

«В квартире Распутина (Гороховая, 64), в его приемной, с утра толпилось много народа. Люди всяких званий. Больше всего дам. Бывали священники, иногда даже офицеры, очень молодые. Много несчастных, — вспоминал генерал Спиридович. — Распутин выходил в приемную и обходил просителей. Расспрашивал, давал советы, принимал письменные просьбы, всё очень участливо, внимательно. Иногда шарил у себя в карманах и совал просительнице деньги. Одна интеллигентная женщина жаловалась, что муж убит, пенсии еще не вышло, а жить не на что. Помогите, не знаю, что делать. Распутин зорко смотрит на нее. Треплет свою бороду. Быстро оборачивается, окидывает взглядом просителей и хорошо одетого господина, говорит: „У тебя деньги ведь есть, дай мне“. Тот вынимает из бокового кармана бумажник и подает что-то Распутину. Посмотрев, Распутин берет просительницу за плечи. „Ну, пойдем“. Проводит ее до выходных дверей. „На, бери, голубушка, Господь с тобой“. Выйдя на лестницу и посмотрев, что сунул ей Распутин смятым, она насчитала пятьсот рублей.

Некоторым он давал записки к разным министрам. На восьмушке простой бумаги он ставил сверху крест. Затем следовало: „Милой, дорогой, сделай ей, что просит. Несчастлива. Григорий“. Или: „Прими, выслушай. Бедная. Григорий“. Все изображалось страшными каракулями и безграмотно.

Одному было написано: „Милой, дорогой, прими его. Хороший парень. Григорий“.

Некоторых дам принимал особо, в маленькой комнатке с диваном. Иногда просительница выскакивала оттуда раскрасневшись и растрепанной. Некоторых, по серьезным делам, принимал по сговору, в назначенный час. Но это устраивалось обыкновенно через его доверенное лицо „Акилину“. Акилина уговаривалась, сколько надо заплатить. Она же

была шпионка, приставленная А. И. Гучковым следить за всем, что делается у Распутина. Ее умно просунули как сестру милосердия массировать Императрицу. Устроила, конечно, Вырубова. Некоторые лица, получив такую писульку, исполняли просьбу и даже сообщали о том по телефону на квартиру Распутина. Распутин бывал очень доволен. Некоторые рвали послание и отказывали в просьбе. Об этом просители обычно сами жаловались „Старцу“. Тот бросал обычно: „Ишь ты, паря, какой строгий. Строгий!“ Это было все; но при случае он говорил про такого нелюбезного человека: „Недобрый он, не добрый!“»

Елена Джанумова, обладавшая не только зорким, все подмечающим взором, но и хорошим слогом, писала о посетителях Распутина: «В квартире с утра до вечера толкуются представители всех слоев населения. Крестьяне, ходоки в валенках и дубленых полушубках просят помочь миру в какой-то вражде с помещиком. Дама в глубоком трауре, с заплаканными глазами, хватает за руки „отца“ и, всхлипывая, просит о чем-то. Военный в блестящем мундире одного из гвардейских полков скромно ждет своей очереди. Вот какой-то человек с обрюзгшим лицом входит в переднюю в сопровождении лакея в меховой пелерине. Это какой-то банкир по спешному делу. Его принимают без очереди. Какие-то польские беженки, студенты, монашки с котомками и фрейлины императрицы. Салопницы и дамы в костюмах Пакена и Дусе. Истерически плачет какая-то женщина, звучит телефон. То здесь, то там появляется высокая фигура в мягких сапогах и шелковой косоворотке. Пронизывающе смотрят глубоко сидящие глаза...

Шелка, темное сукно, соболь и шеншеля, горят бриллианты самой чистой воды, сверкают и колышутся тонкие эгретки в волосах, и тут же рядом вытертый старомодный чемоданчик какой-то старушки в затрапезном платье, старомодная накладка мешанки, белая косынка сестры милосердия. Просто сервированный стол со соборным чайным сервизом утопает в цветах».

В последние годы жизни Григорий Распутин так же, как и раньше, никогда не просил и не брал для себя денег у императорской семьи. Лишь начиная с осени 1915 года он начал ежемесячно (правда — с перебоями) получать тысячу-полторы из фондов Департамента полиции. Его квартира оплачивалась посторонними людьми — не то отцом Анны Вырубовой, не то банкиром Дмитрием Рубинштейном, председателем правления Русско-французского банка.

Жил Распутин, как и повелось, на денежные подарки, получаемые им от своих поклонников и поклонниц, позже к этим деньгам добавилась плата

за различные посреднические услуги.

«Дела, которые брался проводить Распутин, — вспоминал Владимир Гурко, — делились на две резко различные категории. Одни из них касались устройства судьбы сравнительно маленьких людей: выдачи им пособий, увеличения получаемой пенсии, продвижения на службе в ее низших степенях. По отношению к таким людям он в большинстве случаев ограничивался снабжением их короткими записками к знакомым и незнакомым ему высокопоставленным лицам. Записки эти, неизменно начинавшиеся со слов „милай, дорогой“, для некоторых лиц, увы! имели такую обязательную силу, что снабженные ими просители были обеспечены в удовлетворении своих ходатайств.

Но была и другая категория дел, исполнение коих приносило Распутину крупную выгоду. Просьбы эти касались различных денежных дел, как то концессий, получения поставок и казенных подрядов, а во время войны к этому присоединились еще просьбы о зачислении куда-либо в тыл призванных в войска».

Около Распутина постоянно вертелись Игнатий Манус, директор правления Товарищества петроградских вагоностроительных заводов, Дмитрий Рубинштейн, и Арон Симанович, ювелир и ростовщик, в годы войны исполнявший при старце роль секретаря.

Товарищ министра внутренних дел Белецкий писал, «что Симанович хотя и пользуется Распутиным для проведения многих дел, но что он относится к Распутину и его семье хорошо, старается воздержать Распутина от публичных выступлений, ревниво охраняет его от подозрительных знакомств... Он был отличный семьянин... умел себя держать с достоинством... оказывал бедным своим соплеменникам, при поддержке Распутина, бескорыстную помощь в деле оставления их на жительство в столицах».

Финансовыми делами Распутина занимались и двое его доверенных женщин — монахиня и сестра милосердия Акилина Никитична Лаптинская и Вера Иевлевна Трегубова.

«Распутин не имел никакого понятия о финансовой стороне существования, — писал Симанович, — и очень неохотно занимался финансовыми вопросами. Неоднократно в своей прошедшей жизни ему приходилось попрошайничать, проживать бесплатно в монастырях, монастырских гостиницах или у зажиточных крестьян. Будущность его интересовала очень мало. Он был вообще человеком беспечным и жил настоящим днем».

Слухи о том, что именно Григорий Распутин заправляет всеми делами

в Российской империи, были сильно преувеличены. Распутин пользовался определенным влиянием, императорская чета (преимущественно императрица) прислушивалась к его советам — не более того. Пока Россией продолжал править Николай II. Или, если точнее, — продолжал делать вид, что правит.

Князь Жевахов утверждал, что «...вмешательство Распутина в государственные дела, приведшее к утверждению, что не Царь, а Распутин „правит Россией“, назначает и сменяет министров, являлось только одним из параграфов выполнявшейся революционерами программы, а в действительности не имело и не могло иметь никакой под собой почвы. Именем Распутина пользовались преступники и негодяи; но Распутин не был их соучастником и часто не знал даже, что они это делали».

«Прямых ходатайств со стороны Распутина о предоставлении кому-либо ответственных должностей, однако, не поступало», — писал Владимир Гурко. Гурко признавал «вред, нанесенный Распутиным», огромным, но подтверждал, что Распутин старался «работать на пользу России и династии, а не в ущерб им».

«Внимательное чтение писем Императрицы, заключающих множество преподанных Распутиным советов, приводит к убеждению, что среди этих советов, в большинстве случаев азбучных и наивных, не было ни одного, в котором можно усмотреть что-либо мало-мальски вредное для России, — писал Гурко и далее делал беглый обзор советов старца: — Действительно, что советовал Распутин? „Не ссориться с Государственной Думой“, „заботиться о народном продовольствии“, „увеличить боевое снабжение армии“, „беречь людской состав армии до достаточного снабжения войска оружием“... В вопросах чисто военных он тоже проявлял обыкновенный здравый разум. Словом, при всем желании найти в его советах что-либо подсказанное врагами России — этого не удастся».

Вот несколько цитат из писем императрицы к мужу, писем военной поры: «Гр. (Григорий. — А. III.) несколько расстроен „мясным“ вопросом — купцы не хотят понизить цены на мясо, хотя правительство этого требует, и было даже нечто вроде мясной забастовки. Наш Друг думает, что один из министров должен был бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжелое время повышать цены, и устыдить их».

«Он (Распутин. — А. III.) думает, что было бы хорошо отправить на войну некоторые категории арестантов...»

«Он (Распутин. — А. III.) просил меня тебе передать, что неладно с бумажными деньгами, простой народ не может понять, — у нас довольно

чеканной монеты, и это может повлечь недоразумения. Я думаю, следует сказать Хвостову, чтобы он поговорил с Барком об этом».

«Я забыла тебе сказать, что наш Друг просил тебя сделать распоряжение, чтобы не повышали цен за трамвайный проезд в городе — сейчас вместо пяти копеек приходится платить 10 копеек. Это несправедливо по отношению к бедному народу — пусть облагают богатых, но не тех, которым приходится ежедневно, притом неоднократно, ездить в трамвае».

«В городе настоящий скандал, и цены стали невозможными... Наш Друг встревожен мыслью, что если так протянется месяца два, то у нас будут неприятные столкновения и истории, и в городе. Я это понимаю, потому что стыдно так мучить бедный народ...»

По мере роста влияния Распутина, помогавшего обращающимся к нему людям из побуждений христианской любви, росло и его самолюбие, и сознание собственной значимости. Постепенно страсти обуяли старца настолько, что он начал гордиться своим всемогуществом, своим величием.

Его искушали непрестанно, и в какой-то момент он не устоял. Поддался искушению. Гордыня одолела его. Конечно же, было очень приятно находиться в центре внимания, дарить людям свою любовь и быть почитаемым ими. Лестно сознавать, что к твоим просьбам, просьбам простого мужика, прислушиваются самые влиятельные сановники империи. Да что там прислушиваются — незамедлительно исполняют их.

Григорий Распутин не искал личной выгоды. Он тешил душу тем, что оказывал помощь. Более ничего ему не требовалось.

Искушение добром и любовью — сильнейшее из искушений. Творя добро, Григорий, совершенно незаметно для себя, увлекся и утратил самоконтроль...

Хорошо знавший Распутина Сазонов писал: «Распутин сознавал свое падение, и сознание этого заставляло его страдать... Помню, за полгода до своей смерти он приехал ко мне пьяный и, горько рыдая, рассказывал о том, что он целую ночь кутил у цыган и прокутил 2 тысячи, а в 6 часов ему нужно быть у царицы. Я увел его в комнату дочери, где Распутин... среди рыданий говорил: „Я — дьявол... я — черт... я — грешный, а раньше был святым... я недостойн оставаться в этой чистой комнате...“ Я видел, что его горе неподдельно...»

Конечно же — Распутин страдал. Вне всяких сомнений — каялся и пытался выбраться из засасывающего водоворота чужих дел, но это ему так и не удалось. Оттого-то, сознавая свою беспомощность, он пил все больше.

И кто знает — не устремился ли он сам навстречу собственной гибели,

желая мученической смертью искупить свои грехи? Чужал — и не уклонился, знал — и позволил? Догадывался — и не предотвратил?

Он мог предвидеть не только свою смерть, но и гибель монархии вкупе с самой императорской семьей. Возможно, что, отягощенный ужасным знанием, при помощи спиртного пытался Распутин хоть на время отогнать черную тоску.

Григорий Распутин сделал людям много хорошего. Как странно, что окружающие, в большинстве своем, отказали ему в сочувствии...

Спиридович писал: «К этому времени Распутин уже совершенно определился как человек последних месяцев своей жизни. Распутин пил и кутил без удержу. Когда домашние в слезах упрашивали его не пить, он лишь безнадежно махал рукою и говорил: „Все равно не запьешь того, что станется. Не зальешь вином того, что будет“. Махал рукой и снова пил. Больше, чем когда-либо, он был окружен теперь женщинами всякого сорта... Распутин осмелел, как никогда. Среди своих поклонниц и приятелей он высказывался авторитетно по всем вопросам, волновавшим тогда общество. Годы войны очень развили его политически. Теперь он не только слушал, как бывало, а спорил и указывал. Спекулянты всех родов окружали его».

«Все равно не запьешь того, что станется. Не зальешь вином того, что будет». Распутин был прав — будущее оказалось залитым не вином, а кровью, реками крови.

Четвертого августа 1915 года генерал Джунковский, воспользовавшись правом личного доклада императору, которым он обладал как Командир Корпуса жандармов, сделал императору в Царском Селе доклад о Распутине. В основу этого доклада лег скандал «у Яра».

Джунковский, состоя в правительстве и в свите Государя, по существу оставался москвичом, принадлежавшим кружку Вел. Кн. Елизаветы Федоровны. Там были все его воспоминания по приятной службе при Вел. Кн. Сергее Александровиче, по губернаторству, по его личным, общественным и сердечным симпатиям. Оставшаяся при Елизавете Федоровне его сестра Евдокия Федоровна являлась его живою, физическою связью с Москвой.

Джунковский обстоятельно изложил приготовленные сведения, снабдив их выводами о том, что поведение Распутина вредит престижу власти и лично царской семье. Доклад длился долго, Николай слушал внимательно. После окончания доклада император милостиво поблагодарил генерала и просил его и впредь докладывать о Распутине, при условии сохранения этих сведений в строжайшей тайне от всех остальных.

«Устный доклад Джунковского действительно произвел на Государя большое впечатление, — писал в мемуарах Спиридович. — Государь очень рассердился и приказал, дабы Распутин немедленно выехал на родину. Это повеление было передано через Вырубову. Никогда, по словам Распутина, Государь не сердился на него так сильно и долго, как сердился после того доклада Джунковского. И 5 августа Распутин выехал в Покровское.

А. А. Вырубова с сестрой привезла его на вокзал в автомобиле. Группа поклонниц проводила его. Несколько филеров Охранного Отделения, которые наблюдали за ним, выехали вместе с ним.

Некоторые думали, что на этот раз Распутину пришел конец, но напрасно. Друзья Старца дружно поднялись на его защиту. В Москву для проверки сообщенных Джунковским сведений о скандале „У Яра“ был послан, неофициально, любимец царской семьи, флигель-адъютант Саблин. Туда же выехал с той же целью и пробиравшийся в доверие к Анне Александровне Белецкий. Стали собирать справки. Уволенный Московский градоначальник Андрианов сообщил оправдывающие Старца сведения. Он переменял фронт. Все делалось тихо и секретно, по-семейному».

В итоге, как уже упоминалось, поста лишились Щербатов и Джунковский. Можно представить себе удивление последнего, когда 15 августа Щербатов дал ему прочесть записку, написанную рукой императора: «Настаиваю на немедленном отчислении генерала Джунковского».

Отбыв из Петрограда в Покровское, Распутин в дороге снова стал героем скандала. Плывая на пароходе из Тюмени в Тобольск и будучи, как стало уже обыкновением, навеселе, он разговорился с солдатами, ехавшими на том же пароходе, только третьим, а не вторым, как Распутин, классом, дал им денег и заставил петь песни. После песен Распутин, по широте душевной, решил угостить новых друзей, для чего отвел их в буфет второго класса и усадил за столы, но капитан парохода не разрешил «нижним чинам» присутствовать во втором классе. Распутину с друзьями пришлось продолжить пение на палубе. Развлекшись таким образом еще немного, Распутин вдруг поднял шум, обвинив одного из пароходных официантов в том, что тот якобы украл у него три тысячи рублей. Распутин шумел, бегал по палубе, кричал на пассажиров, и в результате был составлен полицейский протокол об оскорблении официанта и приставании к публике. Кроме того, в губернское жандармское управление поступил донос, гласивший, что Распутин на пароходе «позволил себе неуважительно отозваться об императрице и ее августейших дочерях».

Двадцать третьего августа 1915 года Николай II, недовольный как

положением дел на фронтах, так и тем, что великий князь Николай Николаевич забрал в свои цепкие руки слишком много власти, возложил на себя командование армией. Великий князь Николай Николаевич был назначен командующим Кавказского фронта. «Бог с тобой и наш Друг за тебя!» — писала императрица вслед супругу, уехавшему принимать командование. «Свидание сошло удивительно хорошо и просто, — отвечал ей Николай II на следующий день. — Он (Николай Николаевич. — А. Ш.) уезжает послезавтра, но смена состоялась уже сегодня. Теперь все сделано».

Двадцать четвертого сентября, получив от Вырубовой телеграмму с разрешением вернуться, Григорий Распутин выехал из Покровского в Петроград.

Двадцать шестого сентября министр внутренних дел Щербатов был отправлен в отставку. 27 сентября на его место был назначен Алексей Хвостов, тот самый нижегородский губернатор, когда-то не очень любезно принимавший у себя Распутина.

Двадцать восьмого сентября Распутин вернулся в Петроград.

Хвостову не давали покоя лавры Столыпина. Подобно ему, он мечтал стать премьером, сохранив при этом и пост министра внутренних дел. Хвостов всячески пытался воздействовать на Распутина, добиваясь премьерского портфеля. Распутин радеть за Хвостова не спешил. Не изза бывшего холодного приема, а потому, что чувствовал — не справится верхогляд и резонер Хвостов с обязанностями Председателя Совета министров.

В скором времени у Распутина появилась кандидатура более подходящая — шестидесятисемилетний член Государственного Совета Борис Владимирович Штюмер. В простоте своей Григорий звал Хвостова «Толстопузым» за его комплекцию, а Штюмера — «Старикашкой» в силу почтенного возраста.

Штюмер был безгранично предан трону, имел широкие связи в придворных кругах и отличался умением ладить с людьми. Нельзя было счесть его идеальной кандидатурой на пост премьера, но в целом он подходил для этой должности куда больше Хвостова, которого кто-то из современников метко окрестил «ходячей пороховой бочкой».

Двадцатого января 1916 года Штюмер сменил Горемыкина на премьерском посту.

Хвостов, почувствовав себя оскорбленным, вознегодовал и начал мстить. Вначале попытался организовать избиение Распутина агентами полиции, а когда этот план сорвался, вознамерился убить непокорного его

воле старца.

План убийства Распутина Хвостов обсудил со своим заместителем Белецким. Было решено поручить это дело жандармскому полковнику Комиссарову, пользовавшемуся заслуженной репутацией лихого и умелого человека.

Коварный Белецкий, не раз устраивавший дела при содействии Распутина, Хвостова обманул. Он решил притворно согласиться на участие в убийстве (и уговорил сделать то же самое Комиссарова), чтобы потом «раскрыть» заговор, «сдать» императору Хвостова и самому занять место министра внутренних дел.

Вначале заговорщики остановили свой выбор на яде, затем Хвостов принялся искать других исполнителей, но в итоге министра «осенило» — он решил послать к Илиодору, к тому времени перебравшемуся в Норвегию, своего агента, который должен был склонить мятежного монаха к организации убийства Распутина. Загребать жар чужими руками всегда приятнее, чем своими.

Белецкому удалось подсунуть Хвостову своего человека Бориса Ржевского, привлекавшегося некогда к ответственности за мошенничество. Хвостов передал Ржевскому инструкции и письма к Илиодору. Формальным предлогом поездки была покупка в Скандинавии мебели для клуба журналистов.

Ржевский, еще не покинув границ империи, устроил в поезде скандал, козыряя своей близостью к министру внутренних дел, а когда его задержали для разбирательства, сразу же рассказал всю правду о своей «миссии».

Подстраховываясь, предусмотрительный Белецкий известил Илиодора о том, что к нему прибудет посланец из Петрограда, от Хвостова. Он правильно предположил, что Илиодор, успевший хлебнуть лиха на чужбине, непременно попытается выслужиться перед Распутиным в надежде заслужить прощение. Так оно и вышло. Илиодор отправил Распутину телеграмму, в которой говорилось о том, что высокие особы готовят покушение на его жизнь.

Расследование этого дела император поручил Штюмеру.

В марте 1916 года Хвостов был отправлен в отставку. Пост министра внутренних дел достался... Штюмеру. Белецкий «остался при своем интересе». Ему осталось одно утешение — полемика, а точнее — грызня с Хвостовым на страницах газет.

Разумеется, эта полемика, в центре которой находился Григорий Распутин, не могла не подлить масла в неугасающий огонь травли старца.

«Я еще раз вытолкал смерть... — сказал Распутин. — Но она придет снова... Как голодная девка пристанет...» 14 марта 1916 года, устав от перипетий столичной жизни, Распутин отбыл в Покровское, намереваясь по пути заехать в Верхотурье, поблагодарить своего небесного покровителя и попросить у него сил для дальнейшей жизни.

Григорию Распутину недавно исполнилось сорок семь лет. Сорок восемь ему уже не исполнится никогда...

В конце августа Распутин вернулся в Петроград — на этом настояла императрица. Лишенная единственного друга и советчика, она чувствовала себя неуютно. Почувствовал себя неуютно и Григорий — кругом открыто винили его в сговоре с немцами и называли предателем.

В ноябре 1916 года не выдержал даже младший брат императора великий князь Михаил Александрович, никогда доселе не встречавший в дела Николая. «Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас, — писал он государю. — Перемена в настроении самых благонамеренных людей — поразительная; решительно со всех сторон я замечаю образ мыслей, вызывающий мои самые серьезные опасения не только за тебя и за судьбу нашей семьи, но даже и за целостность государственного строя.

Всеобщая ненависть к некоторым людям, будто бы стоящим близко к тебе, а также входящим в состав теперешнего правительства, — объединила, к моему изумлению, правых и левых с умеренными, и эта ненависть, это требование перемены уже открыто высказывается при всяком случае... Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для всех и для России».

Угроза, исходившая от старца, сплотила весьма недружное семейство Романовых. Великий Князь Александр Михайлович, сын великого князя Михаила Николаевича, друг детства Николая II и его двоюродный дядя, а также тесть Феликса Юсупова, вспоминал: «...мы ломали себе голову над тем, как убедить Царя отдать распоряжение о высылке Распутина из столицы.

— Вы же шурин (Александр Михайлович был женат на великой княгине Ксении Александровне, родной сестре Николая. — *А. Ш.*) и лучший друг Государя, — говорили мне очень многие, посещая меня на фронте. — Отчего вы не переговорите об этом с Его Величеством?

— Отчего я не говорил с Государем? — Я боролся с Ники из-за Распутина еще задолго до войны. Я знал, что, если бы я снова попробовал говорить с Государем на эту тему, он внимательно выслушает меня и

скажет:

— Спасибо, Сандро, я очень ценю твои советы.

Затем Государь меня обнимет, и ровно ничего не произойдет. Пока Государыня была уверена, что присутствие Распутина исцеляло Наследника от его болезни, я не мог иметь на Государя ни малейшего влияния. Я был абсолютно бессилён чем-нибудь помочь и с отчаянием это сознавал. Я должен был забыть решительно все, что не входило в круг моих обязанностей главнокомандующего русскими военно-воздушными силами».

Великий Князь Николай Михайлович в своем письме племяннику от 1 ноября 1916 года высказывался с не свойственной для него резкостью: «Говорят ли тебе всю правду или многое скрывают? Где кроется корень зла? Разреши в кратких словах выяснить тебе суть дела. Пока производимый тобой выбор министров при таком же сотрудничестве был известен только ограниченному кругу лиц, дело еще могло идти, но раз способ стал известен всем и каждому и об этих методах распространилось во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немыслимо. Неоднократно ты мне говорил, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повториться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся благодаря злостному сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из ее уст, есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от нее это влияние, то по крайней мере огради себя от постоянных систематических вмешательств этих нашептываний через свою супругу. Если твои убеждения не действуют, а я уверен, что ты уже неоднократно боролся с этим влиянием, постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой. Твои первые порывы и решения всегда замечательно верны и попадают в точку. Но как только являются другие влияния, ты начинаешь колебаться и последующие твои решения уже не те. Если бы тебе удалось удалить это постоянное вторжение во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобой доверие громадного большинства подданных твоих. Все последующее быстро наладится само собой...

Я долго колебался открыть тебе всю истину, но после того, как твоя матушка и обе сестры убедили меня это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше: накануне эры покушений. Поверь мне: если я так напираю на твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, которых у

меня нет, — и в этом ты уже убедился и ее величество тоже, — а только ради надежды и упования спасти тебя и твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий».

Письмо Николая Михайловича император показал жене. «Я прочла письмо Николая с полным отвращением, — писала императрица мужу, — ты, моя любовь, слишком добр, и мил, и мягок — такого человека надо держать в страхе перед тобой: он и Николаша — величайшие мои враги в семье, если не считать черных женщин и Сергея... Душка моя, ты должен заступиться за меня ради тебя и Бэби. Если бы у нас не было Его, все бы давно было кончено — я в этом совершенно убеждена».

По утверждению Спиридовича, письмо Николая Михайловича от императрицы попало к Распутину. «Не проглянуло нигде милости Божией, ни в одной черте письма, а одно зло, как брат Милюков, как все братья зла...» — ответил Григорий.

«Распутину Императрица продолжала верить до его последних дней, призывая к такой же вере и своего супруга», — добавляет Спиридович.

Полковник Кобылинский, которого Временное правительство назначило комендантом при арестованной в 1917 году царской семье, говорил: «Вот теперь я могу сказать, что настанет время, когда русское общество узнает, каким невероятным мукам подвергалась эта Семья, когда разные газетные писаки с первых и до последних дней революции наделяли Их интимную жизнь разными своими измышлениями. Возьмите хоть всю эту грязь с Распутиным. Мне много приходилось беседовать по этому вопросу с Боткиным. Государыня болела истерией. Болезнь привела Ее к религиозному экстазу. Кроме того, так долгожданный и единственный Сын болен и нет сил помочь Ему. Ее муки как матери на почве этого религиозного экстаза и создали Распутина. Распутин был для Нее святой. Вот когда живешь и имеешь постоянное общение с этой Семьей, тогда, бывало, понимаешь, как пошло и подло обливали эту Семью грязью. Можно себе представить, что Они все переживали и чувствовали, когда читали в Царском все милые русские газеты».

Феликс Юсупов, с присущим ему цинизмом, откровенничал с министром внутренних дел, конституционным демократом Маклаковым (именно из-за принадлежности к партии кадетов монархисты Юсупов и Пуришкевич откажут Маклакову от участия в убийстве Распутина): «Если убить сегодня Распутина, через две недели Императрицу придется поместить в больницу для душевнобольных. Ее душевное равновесие исключительно держится на Распутине; оно развалится тотчас, как только его не станет. А когда Император освободится от влияния Распутина и

своей жены, все переменится: он делается хорошим конституционным монархом».

Юсупов ошибался. Он вообще не отличался умом — только красотой. И к сожалению, он был очень деятелен и настойчив.

Глава пятнадцатая и последняя. Гибель старца

«И увидели они его издали, и прежде нежели он приблизился к ним, стали умышлять против него, чтобы убить его.

И сказали друг другу: вот, идет сновидец; пойдем теперь, и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов» (*Быт. 37:18–20*).

Министром внутренних дел вместо Хвостова стал Протопопов. Назначение состоялось не без одобрения Распутина, к которому новый министр весьма искусно втерся в доверие, представляясь человеком благочестивым, верившим в избранность и святость Григория Ефимовича. Протопопов был совершенно не похож на кабацкого гуляку Хвостова, в свое время пытавшегося добиться расположения Распутина, организуя совместные застолья. На стороне Протопопова был Бадмаев, который всячески уговаривал Распутина поддержать его.

К концу жизни Распутин стал падок на лесть. Вряд ли можно обвинять его в этом, вспомнив, сколько незаслуженной хулы он постоянно выслушивал о себе. На этом фоне клеветы и нападок любое доброе слово воспринималось Распутиным благосклонно и приязненно, и постепенно он начал утрачивать чувство меры.

Не исключено, что на выбор Распутина повлияла не столько лесть, сколько человеческая мягкость Протопопова. Протопопов и впрямь был мягок, мягок до нерешительности. В феврале 1917 года это его качество сыграло плохую службу самодержавию, хотя, вне всяких сомнений, сохранило множество жизней. «Могильщиком царского режима» назвал Протопопова в своих мемуарах лидер кадетов Милюков.

Вырубова, которая искренне поверила в то, что Протопопов — единственный кандидат, который не только будет непрестанно заботиться о безопасности Распутина, но и сможет оградить его от нападок думских говорунов, убедила в том императрицу.

Седьмого сентября 1916 года Александра Федоровна писала мужу: «Мой ненаглядный... Шт[юрмер] хочет предложить на пост министра внутренних дел князя Оболенского из Курска-Харькова (перед тем он был в старой ставке при Николаше!!)... но Гр. убедительно просит назначить на этот пост Протопопова. Он в дружбе с нашим Другом уже по крайней мере

четыре года и очень много говорит за него. Ты знаешь его, и он произвел на тебя хорошее впечатление, — он член Думы (не левый), а потому будет знать, как себя с ними держать... Уже, по крайней мере, четыре года, как он знает и любит нашего Друга. И любит Его — это многое говорит в пользу этого человека... Я не знаю его, но верю в мудрость и руководство нашего Друга».

Император согласился не сразу. «Сердечно благодарю тебя за твое дорогое длинное письмо, в котором ты мне передаешь поручения от нашего Друга, — отвечал он. — Мне кажется, что этот Протопопов — хороший человек, но у него много дел с заводами и т. п. Родзянко уже давно предлагал его на должность министра торговли вместо Шаховского. Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня врасплох. Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь, — поэтому нужно быть осторожным, — особенно при назначении на высокие должности... Это нужно все тщательно обдумать! От всех этих перемен голова идет кругом. По-моему, они происходят слишком часто. Во всяком случае, это не очень хорошо для внутреннего состояния страны, потому что каждый новый человек вносит также перемены в администрацию. Мне очень жаль, что мое письмо стало таким скучным».

Но в конце концов император уступил и, несмотря на то, что Протопопова ему первоначально рекомендовали в качестве министра торговли и промышленности, назначил его министром внутренних дел.

«Да благословит Господь выбор тобою Протопопова! — обрадовалась императрица. — Наш Друг говорит, что ты этим избранием совершил акт величайшей мудрости».

В роли министра бывшему депутату от кадетов Протопопову в Думе пришлось несладко. «Он был жалок, но мы его не пожалели. Он потом жаловался, что его „били, заплевали, бичевали, затюкали“, — и этим объяснял даже свой окончательный переход к правым. Я принял в этом большую долю участия», — вспоминал Милюков, бывший не в силах простить Протопопову его «предательства».

Первого ноября 1916 года Милюков выступил со своей знаменитой речью в Государственной думе. «1 ноября, в Петрограде, лидер Кадетской партии Милюков произнес в Гос. Думе речь, которую позже сам назвал: „штурмовым сигналом“, — вспоминал генерал Спиридович. — Делая вид, что у него имеются какие-то документы, Милюков резко нападал на правительство и особенно на премьера Штюрмера, оперируя выдержками из немецких газет. Он упоминал имена Протопопова, митрополита Питирима, Манасевича-Мануйлова и Распутина и назвал их придворной

партией, благодаря победе которой и был назначен Штюмер и которая группируется „вокруг молодой царицы“. Милюков заявлял, что от Английского посла Бьюкенена он выслушал „тяжеловесное обвинение против того же круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру“. Перечисляя ошибки правительства, Милюков спрашивал неоднократно аудиторию — „Глупость это или измена“ и сам в конце концов ответил: „Нет, господа, воля ваша, уже слишком много глупости. Как будто трудно объяснить все это только глупостью“. Дума рукоплескала оратору. Со стороны правых неслись крики — „клеветник, клеветник“, председатель не остановил оратора... Произнося свою речь, Милюков, конечно, понимал, чего стоят во время войны утверждения немецкой газеты, на которую он ссылался. Он знал, что никаких данных на измену кого-либо из упоминавшихся им лиц не было. Он клеветал намеренно. И эта клевета с быстротою молнии облетела всю Россию и имела колоссальный успех. Вычеркнутые из официального отчета слова Милюкова были восстановлены в нелегальных изданиях его речи. Листки с полной речью распространялись повсюду.

Монархист депутат Пуришкевич, пользуясь своим санитарным поездом, развозил по фронту целые тюки той речи и развращал ими солдат и офицеров. Все читали об измене, о подготовке сепаратного мира и верили. Правительство как бы молчало. Храбдившийся, что он скрутит революцию, министр Протопопов просто не понял этого первого удара революции. Ни один из шефских полков Государыни не обрушился на клеветника. Таково было общее настроение. Бездна наказанности поступка Милюкова лишь окрылила оппозицию и показала ей воочию, что при министре внутренних дел Протопопове и при министре юстиции Макарове все возможно. И кто хотел, тот продолжал работать на революцию».

А вот что писал сам Милюков: «Я сознавал тот риск, которому подвергался, но считал необходимым с ним не считаться, ибо действительно наступал „решительный час“. Я говорил о слухах, об „измене“, неудержимо распространяющихся в стране, о действиях правительства, возбуждающих общественное негодование, причем в каждом случае предоставлял слушателям решить, „глупость“ это или „измена“. Аудитория решительно поддержала своим одобрением второе толкование — даже там, где сам я не был в нем вполне уверен... Впечатление получилось, как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено напоказ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения. Штюмер, на которого я направил личное обвинение, пытался поднять в Совете министров вопрос о санкциях против

меня, но сочувствия не встретил. Ему было предоставлено начать иск о клевете, от чего он благоразумно воздержался. Не добился он и перерыва занятий Думы. В ближайшем заседании нападение продолжалось... За моей речью установилась репутация штурмового сигнала к революции.

Я этого не хотел, но громадным мультипликатором полученного впечатления явилось распространенное в стране настроение. А показателем впечатления, полученного правительством, был тот неожиданный факт, что Штюмер был немедленно уволен в отставку. 10 ноября на его место был назначен А. Ф. Трепов, и сессия прервана до 19-го, чтобы дать возможность новому премьеру осмотреться и приготовить свое выступление.

Казалось, тут одержана какая-то серьезная победа. Но... это только казалось».

В ноябре 1916 года в связи с назначением нового премьер-министра Трепова Николай II писал жене: «Мне жаль Прот. [опопова]— хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни (когда он обращался к Бадмаеву). Рискованно оставлять в руках такого человека мин. внут. дел в такие времена!

Только, прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга.

Ответственность несую я, и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе».

Императрица ответила: «Не сменяй никого до нашего свидания, умоляю тебя, давай спокойно вместе обсудим все. Еще раз вспомни, что для тебя, для твоего царствования и Беби и для тебе необходимы прозорливость, молитвы и советы нашего Друга... Прот. чтит нашего Друга, и поэтому Бог будет с ним. Штюмер трусил и месяц не видался с Ним — он был не прав — и вот потерял почву под ногами. Ах, милый, я так горячо молю Бога, чтобы Он просветил тебя, что в Нем наше спасение: не будь его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас Своими молитвами, мудрыми советами, Он — наша опора и помощь».

Николай II отказался от мысли о замене Протопопова, которого Родзянко впоследствии сравнил с глухарем, который ничего не понимает, ничего не видит и ничего не слышит.

Интересную характеристику Протопопову дал поэт Александр Блок: «Он принес к самому подножию трона всего себя, всю свою юркость, весь истерический клубок своих мыслей и чувств. Недаром есть намеки на то, что он готовился заменить Распутина. На него тоже „накатывало“. Этот зоркий в мелочах, близорукий в общем, талантливый, но неустроенный

вольнолюбивый раб был действительно „роковым“ человеком в том смысле, что судьба бросила его в последнюю минуту, как мячик, под ноги истуканам самодержавия и бюрократии. И этот беспорядочно отскакивающий мячик, ошеломя всех, обнаружил комическую кукольность окружающего, способствовал падению власти, очень ускорил его. Распутин швырнул Протопопова, как мяч, под ноги растерянным истуканам».

Новоназначенный председатель Совета министров Трепов поспешил «обезопасить» себя от Распутина через своего шурина, генерала Мосолова, предложив тому взятку в сто пятьдесят или даже двести тысяч рублей вкуче с ежемесячной помощью с условием, чтобы Распутин не вмешивался в его распоряжения. Распутин рассердился и рассказал о предложении императору с императрицей, ввиду чего Трепов мгновенно утратил расположение императорской четы.

Отказ Распутина от взятки произвел огромное впечатление на Протопопова, нашедшего, что Распутин честнее многих министров.

Вот как вспоминал о разговоре с Распутиным сам Мосолов:

«— Вот что, Григорий Ефимович. Как знаешь, назначен председателем Совета министров мой друг и шурин А. Ф. Трепов. Я хотел бы, чтобы вы жили в мире друг с другом... и это вполне возможно. Он против тебя не предубежден. Лишь бы ты ему не мешал в его действительно трудной задаче, тогда и он против тебя ничего не предпримет.

— Что же, это хорошо... Пусть себе работает... Лишь бы он-то моих друзей не трогал.

— Видишь ли, он готов устроить так, чтобы тебе ежемесячно платили за квартиру и на содержание твоего дома и семьи; чтобы у тебя осталась надежная охрана, без которой ты обойтись не можешь. Принимай, кого хочешь, делай, что хочешь. Только одно — не вмешивайся в назначение министров и высших чинов. Относительно духовенства он перечить тебе не станет, да и мелкие твои протекции будет по возможности исполнять.

Я не успел договорить, как он побледнел. Глаза его стали злыми, почти совсем белыми, с крошечной черной точкой в середине.

— Тогда сейчас соберусь и уеду в Покровское, домой... Здесь я, значит, не нужен.

Такого быстрого оборота дела я не предвидел и, сознаюсь, в первую минуту опешил:

— Не волнуйся, Григорий Ефимович. Поговорим по добру, по-хорошему. Ты же сам управлять Россией не можешь!.. Не Трепов — будет другой, который тебе ничего не предложит, а тебя за казенный счет

отправят в твое Покровское...

Глаза стали еще злее.

— Ты думаешь, что мама и папа это позволяют? Мне денег не нужно, любой купец мне довольно даст, чтобы раздавать бедным да неимущим. Да и дурацкой охраны не нужно. А он, значит, — гонит!..»

Трепова отправили в отставку. Впрочем, кое-кто из современников утверждал, что Трепов ушел сам, недовольный тем, что министры назначаются без его ведома, и будучи не в силах сработаться с тем же Протопоповым.

Менялись министры, менялись премьеры, но ничто не могло поколебать веру императрицы в Распутина.

Николай к концу своего правления немного охладел к сибирскому старцу, и Александра Федоровна никак не могла с этим примириться. «Слушай Его — Он желает тебе лишь добра, и Бог дал Ему больше предвиденья, мудрости и проницательности, нежели всем военным вместе, — писала она мужу в сентябре 1916 года. — Его любовь к тебе и к России беспредельна. Бог послал Его к тебе в помощники и в руководители, и Он так горячо молится за Тебя».

«Я чувствую, что поступаю жестоко, терзая тебя, мой нежный, терпеливый ангел, но я всецело полагаюсь на нашего Друга, который думает исключительно о тебе, о Бэби и о России, благодаря Его руководству, мы перенесем эти тяжелые времена. Это будет жестокая борьба, но Божий человек находится вблизи, чтобы благополучно провести твой челн через рифы...»

«Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов нашего Друга. Он так горячо денно и ночью молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был, только Он, — как я в том глубоко убеждена и в чем мне удалось убедить Элли, и так будет и впредь, — тогда все будет хорошо. В „Les Amis de Dieux“ один из Божьих старцев говорит, что страна, где Божий человек помогает Государю, никогда не погибнет. Это верно — только нужно слушаться, доверять и спрашивать совета — не думать, что Он чего-нибудь не знает. Бог все Ему открывает. Вот почему люди, которые не постигают Его души, так восхищаются Его удивительным умом, способным все понять. И когда Он благословляет какое-нибудь начинание, оно удается, и если Он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уже не Его вина — но Он меньше ошибается в людях, нежели мы — у Него жизненный опыт, благословленный Богом».

«Даже дети замечают, что дела идут плохо, если мы Его не слушаем, и,

наоборот, хорошо, если слушаем», — писала она в другом письме, написанном за день до убийства Распутина.

Александра Федоровна не могла понять перемен, произошедших в Григории. Ей бы следовало отпустить старца на родину, а то и в новое паломничество — очиститься душой, собраться с мыслями, укрепить волю, но она всячески старалась удержать Распутина возле себя, видя в нем единственного советчика и друга, единственную опору власти.

Но позволю себе повториться — это был уже не прежний Распутин. Он сильно изменился, и, увы, не в лучшую сторону. Его суждения о людях стали поверхностны, он постепенно перестал быть знатоком душ человеческих, и советы его были не так верны, как раньше. Да и каким советчиком вообще мог быть человек, терзавшийся сознанием своей греховности, слабости воли и упадка духа. Распутин сам нуждался в советчике и наставнике, могущем укрепить его сердце, но, к огромному сожалению, подобного человека он так и не встретил.

Вырубова вспоминала о том, что под конец последней встречи с императором Распутин повел себя странно: «Когда Их Величества встали, чтобы проститься с ним, Государь сказал, как всегда: „Григорий, перекрести нас всех“. „Сегодня ты благослови меня“, — ответил Григорий Ефимович, что Государь и сделал. Чувствовал ли Распутин, что он видит их в последний раз, не знаю: утверждать, что он предчувствовал события, не могу, хотя то, что он говорил, сбылось. Я лично описываю только то, что слышала и каким видала его. Со своей смертью Распутин ставил в связь большие бедствия для Их Величеств. Последние месяцы он все ожидал, что его скоро убьют».

Впрочем, Распутин делился своими предчувствиями лишь с Вырубовой. При императорской чете он старался демонстрировать бодрость духа. Видя свое призвание в постоянной поддержке и неустанном ободрении Николая и Александров, иначе он поступить и не мог.

«Ангел мой, вчера мы обедали с нашим Другом у Ани, — за три дня до убийства старца писала императрица Николаю, пребывавшему в Ставке. — Все было так мило, мы рассказывали про наше путешествие, и Он сказал, что мы должны были прямо поехать к тебе, так как доставили бы этим большую радость и „благодать“, а я боялась помешать тебе! Он умоляет тебя быть твердым и властным и не уступать во всем Трепову. Ты знаешь гораздо больше, чем этот человек, и все-таки позволяешь ему руководить тобой — а почему не нашему Другу, который руководит при помощи Бога?.. Вспомни, за что меня не любят, — ясно, что я права, оставаясь твердой и внушая страх, и ты будь таким, ты — мужчина, только верь

больше и крепче в нашего Друга (а не в Трепова)... Он правильно ведет нас, а ты благосклонно внимаешь такому лживому человеку, как Тр. [епов]. Слушайся меня, т. е. нашего Друга, и верь нам во всем».

Член Государственной думы Владимир Пуришкевич, убежденный монархист, ярый черносотенец и страстный англофил, следом за Милюковым выступил в Думе с нападками на Распутина. «Надо, чтобы впредь недостаточно было рекомендации Распутина для назначения гнуснейших лиц на самые высокие посты, — призывал он. — Распутин в настоящее время опаснее, чем некогда был Лжедмитрий... Господа министры! Если вы истинные патриоты, ступайте туда, в царскую Ставку, бросьтесь к ногам царя и просите избавить Россию от Распутина и распутинцев, больших и малых».

Пуришкевич стал одним из убийц Григория Распутина.

Вторым стал князь Феликс Юсупов, поддерживавший с Распутиным хорошие отношения, но втайне ненавидевший его всей душой аристократа, не приемлющей мужиков вблизи царя. Юсупов был женат на дочери великого князя Александра Михайловича, Ирине, приходившейся Николаю II троюродной сестрой. Как и Пуришкевич, Юсупов был англофилом. Он ненавидел императрицу Александру Федоровну, немку по происхождению, отчасти справедливо видя в ней виновника всех бед, сопровождавших царствование Николая II. Юсупов надеялся, что, устранив Распутина, он лишит Александру Федоровну душевного равновесия, в результате чего она угодит в клинику для душевнобольных и император наконец-то освободится от ее опутывающего по рукам и ногам влияния.

Правда, в своих так называемых «мемуарах» Феликс пытался убедить всех, что он был прозорливым борцом с «великим и ужасным» большевизмом, который якобы олицетворял собой Распутин. «Революция пришла не потому, что убили Распутина, — писал Юсупов. — Она пришла гораздо раньше. Она была в самом Распутине, с бессознательным цинизмом предававшим Россию, она была в распутинстве — в этом клубке темных интриг, личных эгоистических расчетов, истерического безумия и тщеславного искания власти. Распутинство обвило престол непроницаемой тканью какой-то серой паутины и отрезало монарха от народа».

Князя Юсупова можно понять. Тяжело жить с клеймом убийцы невинного человека, так и тянет, так и хочется оправдаться.

Третьим из убийц стал находившийся в Петрограде агент британской разведки лейтенант Освальд Рейнер. В Лондоне были серьезно обеспокоены недавно полученными сведениями о возможном сепаратном мире России с Германией, активным сторонником которого был Григорий

Распутин. Заключение этого мира британские разведчики должны были сорвать.

Четвертым убийцей и одновременно покровителем заговора стал великий князь Дмитрий Павлович.

Кроме того, князь Юсупов вовлек в заговор своего приятеля поручика Сухотина, а Пуришкевич — доктора Лазоверта, который должен был рассчитать дозу яда и впоследствии, когда все будет кончено, констатировать смерть Распутина.

Местом убийства был выбран юсуповский дом на Мойке (хорошие отношения Феликса с Распутиным давали князю возможность пригласить старца в гости, не вызывая у того подозрений). Распутина решено было отравить при помощи цианистого калия, а если яд не подействует, то воспользоваться огнестрельным оружием.

Начальник Петроградского Охранного отделения генерал Глобачев, обеспечивавший безопасность Распутина, вспоминал: «Часто Распутин отпускал агентов раньше установленного времени, заявляя, что больше в течение дня уже ни выезжать, ни выходить не будет. Так было и в трагический для него вечер 16 декабря 1916 года. В 10 часов вечера он сказал агентам, что больше не выйдет и ляжет спать, а потому агенты могут идти домой; между тем он отлично знал, что за ним приедет кн. Юсупов в 12 час. ночи, что видно из того, что когда позвонили с черного хода, то он спросил: „Это ты, маленький“ (так он называл Юсупова) и сейчас же, надев шубу и галоши, вместе с ним и вышел».

Юсупов приехал на автомобиле, за рулем которого был доктор Лазоверт, переодетый шофером.

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в подвале юсуповского дома, за размеры свои чаще называемого дворцом, Григорий Распутин был убит.

Он съел отравленных пирожных (в последнее время Распутин иногда позволял себе полакомиться сладостями), выпил отравленного вина, но яд действовал плохо. Тогда Юсупов выстрелил в Распутина.

Его сочли мертвым и бросили в подвальной комнате, где, собственно, и происходил «прием», чтобы беспрепятственно отпраздновать «успех» наверху; Распутин ожил и попытался бежать, но был добит выстрелами.

Тело старца бросили в прорубь близ Петропавловского моста. Оно вскоре всплыло, и на рассвете 19 декабря было обнаружено у моста на Малой Невке. Есть версия, что в момент опущения в воду Распутин был еще жив.

В ночь на 20 декабря профессором кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии Косоротовым было произведено вскрытие и

бальзамирование тела. Подлинник протокола вскрытия до наших дней не сохранился.

21 декабря Григорий Распутин был похоронен в Царском Селе, в недостроенной Серафимовской часовне.

«Это место находилось к северо-востоку от так называемой Елевой дороги Царскосельского Александровского парка, между парком и деревней Александровкой, у опушки леса. Оно было куплено А. А. Вырубовой для постройки на ней подворья. Там уже была приготовлена могила, куда гроб и опустили в присутствии священника Федоровского собора отца Александра Васильева. Приехали порознь А. А. Вырубова и г-жа Ден. Было серое, морозное утро, — вспоминал генерал Спиридович. — Никого из Свиты не было. Даже не было Дворцового коменданта, которому своевременно доложили о заказе экипажей. Императрица держала пук белых цветов. Отец Александр, духовник Их Величеств, отслужил литию. Царица поделилась с детьми и дамами цветами. Их бросали в могилу с землей. Стали закапывать. Их Величества отбыли во дворец».

Акилина Лаптинская положила на грудь покойнику иконку Знамения Пресвятой Богородицы, подписанную на обороте императрицей и ее дочерьми. Эта иконка изначально предназначалась Александрой Федоровной в подарок Распутину живому, а не мертвому.

После Февральской революции толпа пьяных солдат разорила могилу Григория Распутина. Они подняли труп на штыки (излюбленное солдатское развлечение того времени), а затем бросили его в костер и принялись отплясывать вокруг.

Хоть прах старца и был развеян по ветру, но уничтожить память о нем враги так и не смогли.

«Полицейский инспектор пришел к нам домой в сопровождении епископа Исидора, который был другом отца, — вспоминала Матрена Распутина. — Инспектор показал испачканную кровью калошу, и мы тут же узнали в ней одну из отцовских. Он сообщил, что ее нашли на льду возле Петровского моста. Еще он сказал, что под лед спускались водолазы, но ничего не нашли.

Мы с Варей и раньше были уверены, что отца уже нет в живых, но теперь, увидев калошу, поняли бесповоротно, что его убили...

Потом я вспомнила о письме, которое передал мне отец вечером накануне. Села читать вслух Варе и Кате:

„Мои дорогие!

Нам грозит катастрофа. Приближаются великие несчастья. Лик Богоматери стал темен, и дух возмущен в тишине ночи. Эта тишина долго

не продлится. Ужасен будет гнев. И куда нам бежать?

В Писании сказано: „О дне же том и часе никто не знает“. Для нашей страны этот день настал. Будут литься слезы и кровь. Во мраке страданий я ничего не могу различить. Мой час скоро пробьет. Я не страшусь, но знаю, что расставание будет горьким. Одному Богу известны пути вашего страдания. Погибнет бесчисленное множество людей. Многие станут мучениками. Земля содрогнется. Голод и болезни будут косить людей. Явлены им будут знамения. Молитесь о своем спасении. Милостью Господа нашего и милостью заступников наших утешитесь.

Григорий“».

Заступников уже не было — оставалось уповать лишь на Бога.

«Многие видели в отце манерность, — писала в другом месте своих воспоминаний Матрена. — Но ее не было. За манерность часто принимали как раз непосредственные проявления отца. Например, почти на всех фотографиях видно, как он держит пальцы сложенными для крестного знамения. Это вызывало упреки со стороны тех, кто готов был обвинить отца в притворстве. Однако я получила страшное подтверждение их неправоты и, наоборот, — искренности отца.

Когда тело отца достали из проруби, оно, разумеется, было закованным. Таким я его и увидела, когда по просьбе Протопопова приехала на опознание. Так вот правая рука отца как раз была сложена для крестного знамения. Возможно ли, чтобы он и в последние мгновения своей земной жизни пытался представлять себя иным, чем был на самом деле?»

И впрямь невозможно; Распутин был честен и искренен как с окружающими, так и с самим собой.

Со смертью старца страсти вокруг его имени не угасли — скорее наоборот.

«Позор, позор, позор — вот что такое Григорий Распутин для России. Позор исторический, позор несмываемый. Позорно было, когда нельзя было упоминать его имя в печати. И позорно теперь писать о нем как о человеке, игравшем такую огромную роль в истории наших дней», — надрывалась в «праведном» гнев газета «День».

В «Биржевых ведомостях» было написано: «Погиб человек, в котором как в зеркале отражалось уродство русской жизни. Разбилось зеркало. Но что же изменилось в жизни? И что может измениться от того, что разбилось зеркало?.. Сила фетиша не в нем самом, а в вере и покорности поклонной толпы и в подлости жрецов, эксплуатировавших и его и толпу».

Древнее правило «De mortuis aut bene, aut nihil» — «О мертвых или

хорошо, или ничего», на прессу Российской империи не распространялось.

Протопресвитер Шавельский узнал о гибели Григория Распутина, находясь в Ставке Верховного главнокомандующего. Вот отрывок из его воспоминаний:

«— Величайшая новость! — радостно сказал генерал, когда я закрыл за собою двери кабинета. — Распутин убит. Его убили великий князь Дмитрий Павлович, князь Юсупов и Пуришкевич во дворце Юсупова, куда они завезли его якобы для пирушки.

— Верно ли это? — спросил я.

— Да уж чего вернее! Я только что слышал это от командира корпуса жандармов графа Татищева, несколько часов тому назад прибывшего в Ставку, очевидно, для доклада Государю об убийстве.

И генерал дальше рассказал мне подробно об убийстве... Привезенная гр. Татищевым весть с быстротой молнии распространилась по Ставке. Гр. Татищев сообщил ее в штабной столовой во время завтрака. И высшие, и низшие чины бросились поздравлять друг друга, целуясь, как в день Пасхи. И это происходило в Ставке Государя по случаю убийства его „собинного“ (искаж. „особенного“. — А. Ш.) друга! Когда и где было что-либо подобное?! Такая же картина наблюдалась и повсюду в России, куда только долетала весть об убийстве „старца“. Один из чинов Ставки рассказал мне, что, возвращаясь из Архангельска, он на одной из станций в Вологодской губернии наблюдал точно такую же картину, когда пассажиры из газет узнали, что Распутин убит. Началось всеобщее ликование. Знакомые и незнакомые обнимали и поздравляли друг друга».

Сестра императрицы, великая княгиня Елизавета Федоровна, узнав об убийстве Распутина, отправила две телеграммы.

Великому князю Дмитрию Павловичу она написала: «Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного. Елла».

Княгине Юсуповой, матери Феликса, было сказано в том же духе: «Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней. Елизавета».

И эта женщина просила Николая помиловать убийцу ее мужа? Действительно — где логика, где разум?

«Когда в столице узнали об убийстве Распутина, все сходили с ума от радости; ликованию общества не было пределов, друг друга поздравляли:

„Зверь был раздавлен, — как выражались, — злого духа не стало“. От восторга впадали в истерику... — вспоминала Анна Вырубова. — Государыня не плакала часами над его телом, и никто не дежурил у гроба из его поклонниц. Ужас и отвращение к совершившемуся объяли сердца Их Величеств. Государь, вернувшись из Ставки 20-го числа, все повторял: „Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обгажены кровью этого мужика“».

«Мне, признаюсь, подвиг Феликса и Дмитрия Павловича в сообществе с Пуришкевичем не рисовался в этом романтическом свете, — писал Милюков. — Безобразная драма в особняке Юсупова отталкивала и своим существом, и своими деталями. Спасение России оказывалось призрачным; убийство Распутина ничего изменить не могло.

И я предвосхищал суждение русского мужика о гибели своего брата: „Вот в кои-то веки добрался мужик до царских хором — говорить царям правду, — и дворяне его уничтожили“».

Совсем скоро мужики получили превосходную возможность рассчитаться с дворянами за все обиды сразу. Близился октябрь 1917 года, месяц, перевернувший с ног на голову не только трещащую по швам Российскую империю, но и весь мир.

Иван Солоневич был уверен «в том, что Николай II был человеком недостаточно энергичным для нашей катастрофической эпохи. Вероятно, он просто был слишком большим джентльменом: качество не очень подходящее для бурных эпох. Все его ошибки — ошибки недостаточной решимости или, если хотите, то и недостаточной жестокости. Убийц Распутина нужно было повесить обязательно. Насколько мне известно, Государь и принял такое решение, но отменил его под давлением великих князей. Бездна наказанности убийц „друга Царской Семьи“ подорвала веру в силу власти и показала: ну, теперь можно делать что угодно. Стали делать что угодно».

Следствие по делу об убийстве Григория Распутина велось формально, лишь для отвода глаз, и вскоре заглохло. Виновные так и не были наказаны должным образом.

«Помню, как Их Величества не сразу решили сказать ему (наследнику престола. — А. Ш.) об убийстве Распутина; когда же потихоньку ему сообщили, Алексей Николаевич расплакался, уткнув голову в руки, — писала Вырубова. — Затем, повернувшись к отцу, он воскликнул гневно: „Неужели, папа, ты их хорошенько не накажешь? Ведь убийцу Столыпина повесили!“ Государь ничего не ответил ему».

Великий князь Дмитрий Павлович был сослан в Персию, на

Кавказский фронт.

Феликса Юсупова отправили под домашний арест в его имение Ракитное недалеко от Курска. Неугомонный Феликс и оттуда продолжал строить планы по «спасению отчизны». «Государь, кажется, скоро едет в Ставку, нужно было бы, чтобы императрица Мария Федоровна этим воспользовалась и с людьми, которые могут ей помочь и поддержать ее, отправилась бы туда и вместе с Алексеевым и Гурко потребовали бы, чтобы арестовали Протопопова, Щегловитова, Аню, и Александру Федоровну отправили бы в Ливадию. Только такая мера может еще спасти, если только не поздно. Я уверен, что пассивное отношение Государя ко всему, что происходит, является результатом лечения его Бадмаевым. Есть такие травы, которые действуют постепенно и доводят человека до полного кретинизма», — писал князь Юсупов великому князю Николаю Михайловичу.

Пуришкевича защитила пресловутая депутатская неприкосновенность.

Британского подданного Освальда Рейнера предпочли вообще не заметить, словно его и не было вовсе.

«Самое печальное было то, что я узнал, как поощрял заговорщиков британский посол при Императорском дворе сэр Джордж Бьюкенен, — писал впоследствии великий князь Александр Михайлович. — Он вообразил себе, что этим своим поведением он лучше всего защитит интересы союзников и что грядущее либеральное русское правительство поведет Россию от победы к победе.

Он понял свою ошибку уже через 24 часа после торжества революции и, несколько лет спустя, написал об этом в своем полном благородства „post mortem“. Император Александр III выбросил бы такого дипломата за пределы России, даже не возвратив ему его верительных грамот, но Николай II терпел все».

Последнему императору из династии Романовых терпеть оставалось уже недолго. Менее двух лет...

Закончить эту книгу хочется словами Матрены Распутиной, которая написала однажды:

«Я очень люблю своего отца.

Так же сильно, как другие его ненавидят.

Мне не под силу заставить других любить его.

Я к этому и не стремлюсь, как не стремился отец.

Как и он, хочу только понимания.

Но, боюсь, — и это чрезмерно, когда речь идет о Распутине».

---

notes

Примечания

Все даты приводятся по старому стилю, принятому во время жизни Григория Распутина.